

S

ISSN 0131-6435

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

8

1989

КОНТРОЛЬ СИБИРСКИЕ ОГНИ

8

ВЫХОДИТ
С МАРТА
1922 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1989

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И НОВОСИБИРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Главный редактор
Г. Ф. КАРПУНИН

Редакционная коллегия:

В. О. АДАРОВ,
В. М. БАШУНОВ,
А. В. ГОРШЕНИН
(зав. отделом прозы),
Н. М. ЗАКУСИНА
(зав. отделом поэзии),
В. И. ЗЕЛЕНСКИЙ,
А. Е. ЗЯБРЕВ,
А. Л. КОПТЕЛОВ,
В. Г. КОРЖЕВ
(зав. отделом критики),
В. А. КРЕЩИК
(ответственный секретарь),
В. Н. МУРЗАКОВ,
А. И. ПЛИТЧЕНКО,
А. В. ПРЕЛОВСКИЙ,
Л. В. РЕШЕТНИКОВ,
А. А. РОМАНОВ
(зам. главного редактора),
В. К. САПОЖНИКОВ,
Д. Г. СЕРГЕЕВ,
А. Т. ЧЕРНОУСОВ,
Ю. Н. ШЕСТАЛОВ,
Г. Е. ЮРОВ,
Н. Н. ЯНОВСКИЙ.

Новосибирское
книжное издательство

В Н О М Е Р Е:

Владимир ЗАЗУБРИН. Заметки о ремесле . . . 3

Владимир САПОЖНИКОВ. ХОЖДЕНИЕ ПО
ЕНИСЕЮ ВЕЛИКОМУ в поисках того, сам не
знаю чего, а также экзотики и опасных при-
ключений в лето второе от начала перестройки 15

КРАЙ МОЙ, РОДИНА ЯНВАРСКАЯ

Сергей МАМЗИН. Светлое дно в ежевичном
овраге. Гости. Борис БУРМИСТРОВ. «Немало
в жизни испытал...». Юрий ПЕРМИНОВ. Глу-
бина. В обеденный перерыв. Сергей КУЗНЕ-
ЧИХИН. «В углах шуршали ахи, охи...». Елена
ЛИЛОВА. Хлебная золушка. Картофель. Цвет-
ток. Николай ГАЙДУК. Колокола. Покинутая
Русь. Строй. Сергей ЯКОВЛЕВ. Перемена.
Зимняя дорога. Владимир ЗЮСЬКИН. «Заме-
шен колобок...». «Надо мной кружился стих...».
Стихи. 67

Вячеслав СУКАЧЕВ. Второе дыхание. Рассказ. 72

В ЧАС ФРОНТОВОЙ НЕДОЛГОЙ ТИШИНЫ...

Владимир ПУГАЧЕВ. В медсанбате. Баллада
о комбате. Борис ИВАННИКОВ. В глубинах
памяти. Валерий АЛЕКСЕЕВ. Солдатский
медальон. Иван КРАСНОВ. Вдовья судьба.
Михаил МЕЛЬНИКОВ. «Наклоняюсь к гово-
рливому ручью...». Стихи 94

Геннадий БАЛАКИН. На теплом месте. Утром,
после дождя. Рассказы.

96

ИЗ ПОЭЗИИ НАРОДОВ СИБИРИ

Галина РАДНАЕВА. Время. «В стороне, на пространстве исконно пустом...». «Веселое солнце сидит на рогах...». «Блуждаю в многомерном мире книг...». Стихи. Перевод с бурятского Владимира Евпатова. 107

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА.

Элен МАК-КЛОЙ. Две трети призрака. Роман. Перевод с английского Л. Володарской. 109

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Борис ЧЕРНЫХ. Старые колодцы. Хроника. Окончание. 129

НАРОДЫ СИБИРИ:

ЭКОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИКА

Елена СУСОЙ. Рукотворное, мудрое, вечное. . . . 162

А. ЧУДОЯКОВ. Трагедия Шории. 164

М. УГРИН. Образ Камчатки в глазах ительменов. . 166

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

Э. ШИК. «И только правда ко двору!» 168

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи принимаются редакцией в машинописи в двух экземплярах. Текст печатается через черную ленту, через два интервала на белой бумаге форматом 210×297 мм.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Литературную консультацию начинающим авторам можно получить в писательской организации по месту жительства.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Журналы с полиграфическим браком возвращаются в типографию. Подпиской и доставкой журнала занимаются отделения Союзпечати.

Адрес редакции: 630050, Новосибирск-50, Красный проспект, 80. Художественный редактор А. Н. Тобух. Технический редактор Н. Т. Федорова. Телефоны: гл. ред.—22-19-41, зам. гл. ред. — 20-54-28, отв. секретарь — 20-56-29, отд. прозы — 20-56-23, отд. публицистики — 20-56-09, отд. поэзии — 20-53-67, отд. критики — 20-55-18, зав. редакцией — 20-54-28.

Сдано в набор 20.04.89. Подписано к печати 19.06.89. МН00201. Формат 70×108¹/₁₆. Бум. книжно-журнальная. Гарнитура литературная и журнальная рубл. Печать высокая. Усл. печ. л 15,4. Уч.-изд. л. 20,15. Усл. кр.-отт. 16,10. Тираж 95000 экз. Заказ 3008. Цена 80 к.

Типография изд-ва «Советская Сибирь». 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

Элен МАК-КЛОЙ

ДВЕ ТРЕТИ ПРИЗРАКА

РОМАН

1

Когда Мег Веси в сумерках переходила Мэдисон-авеню, за нею следовала не одна пара глаз. Высоченные каблочки-копытца придавали ее осторожной походке очаровательную грациозность, а поднятый воротник запорошенной снегом шубки не скрывал ясной округлой линии щеки, несколько великоватого улыбчивого даже во сне рта и глаз — великолепных газельих глаз, огромных, изумительной формы, затененных длинными черными ресницами. Мороз разругивал ее слегка припудренные щеки.

На 58-стрит Мег вошла в ярко освещенный подъезд.

— Добрый вечер, — сказал привратник и улыбнулся Мег, как всегда улыбался только ей одной.

Лифтер нажал на кнопку, не ожидая, когда Мег назовет этаж. Взгляд Мег случайно упал на оставленную кем-то в лифте газету, лицо ее побледнело и как будто застыло.

— Чарльз, это ваша газета?

— Да, мэм.

— Можно мне посмотреть?

— Возьмите ее совсем, миссис Веси. Мне она не нужна.

— Спасибо, Чарльз, — сказала Мег, отметив про себя, как безжизненно и глухо прозвучал ее голос.

Она вышла из лифта и, свалив покупки в холле, стала искать ключ. Дверь отворилась в полутемный коридор. Из гостиной донеслись голоса и смех, но Мег направилась в другую комнату.

Она вошла в кабинет, где на фоне серебристо-серых стен и оливковых штор письменный стол с пишущей машинкой на нем, шкаф с выдвижными ящиками картотек и шкаф с книгами казались особенно новыми, блестящими и добротными. Даже царивший здесь беспорядок не мог повредить рабочему изяществу комнаты, которая была очаровательна, как юная девушка, одетая с некоторой небрежностью.

Сваленные в углу газеты были обсыпаны сигаретным пеплом. Сиротливо ютилась на диване раздетая безволосая кукла. На скамеечке для ног виднелись следы собачьих зубов, а кошачьи когти потрудились над парчовой обивкой кресла, деревянные части которого, по-видимому, служили кому-то вместо пепельницы. Выдвижная доска письменного стола была завалена рукописями, магнитофонными лентами, письмами и картонными папками с грифом «Август Веси и литературное агентство». Лист фирменной бумаги, лежавший возле телефона, был весь испещрен загадочными каракулями: «Позв. Тони? Н. Йорк соч. 2 Зап. Поб. после 8 Лондон перезвонить.» Значит, Гас завтракал дома.

Мег вздохнула. Она по опыту знала, что всего за полчаса можно привести комнату в приличное состояние, но сейчас у нее не было ни минуты.

Свертки полетели на диван; шляпка, пальто, перчатки — в другую сторону. Мег уселась в кресло, предварительно смахнув с него очередной телесценарий, и, вытащив из сумки очки в черепаховой оправе, принялась за газету.

Внимательно изучив фотографию, она так и не решила, изменилась Вера за прошедшие четыре года или нет. На грязном оттиске выделялись лишь светлое пятно волос и резко очерченная щека. Мег стала читать:

«ЗВЕЗДА ПРОТИВ СТУДИИ»

Биверли-хиллз, Калифорния, 12 декабря. Специальное сообщение.

Прекрасная Вера Вейн не возобновила контракт с Голливудом. Избранница судьбы предпочла любовь карьере и покинула студию.

«Мое место рядом с мужем, — заявила великолепная Вера, и мы видели, как слезы закипели в ее огромных голубых глазах, завоевавших сердца миллионов любителей кино во всем цивилизованном мире. — Голливуд — это блестящая пустышка, которой управляет компания жуликов. В воскресенье я улечу отсюда и начну хо-

зайничать на нашей маленькой ферме в Коннектикуте. Мальчики, кто из вас подскажет мне самый вкусный рецепт свинины с капустой?»

На вопрос, не хочет ли мисс Вейн обзавестись детьми, она, не задумываясь, ответила: «Конечно. А кто этого не хочет?»

Муж мисс Вейн, писатель Амос Коттл, четыре года назад стремительно прославился как автор бестселлера «Никогда не зови к отступлению». Его последний роман «Страстный пилигрим» посвящен проблемам религии. Супруги Коттл растались три года назад.

Представитель студии заявил сегодня, что контракт с мисс Вейн не подписан из-за невозможности прийти к соглашению относительно гонорара».

Газета упала на пол. Помедлив немного, Мег подошла к столу. Адресной книги на месте не оказалось: наверное, начавшая учить буквы Полли утащила ее, а Маддалена, няня и кухарка одновременно, не в силах что-либо запретить своей любимице. Мег набрала номер справочной и узнала телефон Амоса.

Потом она позвонила в Коннектикут, но ей никто не ответил. Положив трубку на место, она с трудом отыскала коробку с почтовой бумагой и, не найдя ручки, села за пишущую машинку. Слова ложились на бумагу с той же стремительностью, с какой возникали у нее в голове.

«Дорогой Амос!

Я все знаю и очень беспокоюсь за вас. Гас тоже будет очень расстроен. Нам известно, что вы думаете об этой ужасной женщине. Как она осмелилась заявить репортерам, что возвращается к вам после того, как три года назад вы ясно дали ей понять, что никогда и ни при каких обстоятельствах не желаете ее больше видеть? Подвергать ваш талант такому испытанию, да еще когда вы начали новую книгу! Еще не хватало, чтобы эта порочная женщина вас погубила! Пожалуйста, напишите, не можем ли мы чем-нибудь помочь. Как вы отнесетесь к идее, чтобы она остановилась у нас. Более неприятную гостью трудно себе представить, но я с радостью приму ее, если это даст вам возможность спокойно продолжать работу. Наверное, Тони Кейн сможет вам помочь. У него ведь уйма всяких знакомых. Хорошо бы достать ей какую-нибудь роль на Бродвее. Это удержит ее вдали от вас, хотя мне, признаться, жаль продюсера. Иметь дело с такой на редкость бездарной актрисой! Поскорее дайте о себе знать и не отчаивайтесь. Что-нибудь придумаем.

Ваша...»

Красным карандашом Полли она написала «Мег», нашла случайно завалявшийся в ящике конверт и напечатала на нем адрес.

Нахмурившись, она минуту-две просидела неподвижно, потом, взяв чистый лист бумаги, опять стала печатать, но уже гораздо медленнее.

«Дорогая Вера!

Я только что узнала из газет, что вы собираетесь к нам вернуться. После всего, что произошло, я уверена, вам не хочется видеть Амоса, но Гас и я рады будем видеть вас у себя. У нас сейчас боль-

шая квартира и очень удобная комната для гостей. Надеюсь, вы не откажетесь провести у нас несколько дней, пока все обрывается. Соглашайтесь.

Мы с Гасом ждем послушать последние голливудские сплетни.

Искренне ваша
Мег Веси».

При слове «искренне» она скорчила гримасу, но иначе нельзя. Зато уж карандашных каракулей тут не будет. Мег отыскала ручку и аккуратно расписалась, раздувая о том, почему вражда всегда вежливее дружбы.

Потом она отыскала еще один конверт и быстро напечатала на нем голливудский адрес. Лизнув марку, она призадумалась, успеет ли письмо на Западное Побережье до Вериного отъезда, но решила: Вера, покидая студию, не преминет забрать почту.

Не слишком ли неискренне она написала? Вера отлично знает, что на самом деле думают о ней друзья Амоса. А, может, не знает? Попробуй догадаться, что делается за сверхпрочным панцирем тщеславия, выкованным из розовых иллюзий, которыми Вера не делилась даже с прессой. Любое неприятное событие — например вялый отзыв о ней в газете — очень скоро силой ее воображения превращалось в редкую жемчужину удачи.

— Мапочка! — дверь распахнулась, и в комнату влетел Хью. — Я не знал, что ты дома. Вышел в коридор, слышу, кто-то печатает. — В его словах последовательно прозвучали удивление, упрек и примирение. — Джо Девлин пригласил меня в гости. У Джо есть собака! И еще черепашка. Они не знают, это она или он, и поэтому зовут черепашку Он-она, и...

— Хью, подожди минутку. Дай мне дописать.

— Но, мапочка, я хочу надеть синий костюм, а Маддалена никак не может найти чистую рубашку, а...

Рубашку, в конце концов, нашли в кульном ящике Полли.

— И как это она сюда попала? — пропела Маддалена. Сицилийской ленью дышал каждый изгиб ее крупного тела.

— Это вы должны знать! Если бы... — но Мег вовремя спохватилась.

— Если бы папа, и Маддалена, и Полли, и я были аккуратнее, — подхватил Хью. — Ты говорила это миллион раз. А когда ты была маленькой, ваш дом был в пять раз больше нашей квартиры, и все — в идеальном порядке, и никто ничего не терял, и...

— Ладно, Хью. Я рада, что ты помнишь.

— Мам-у-у-ля! — пятилетняя Полли облагода величайшим талантом из всего делать трагедию, в точности, как миссис Сиддонс, которая, даже покупая катушку ниток, могла и себя и продавщицу довести до слез. — Мам-у-у-ля, почему меня никто никогда не приглашает в гости? А я что буду делать?

— Может, порисуешь?

— Я весь день рисовала.

Тут из кабинета донесся радостный вопль Хью:

— Рождественские подарки! Ой, мапочка, кому это?

— Ума не приложу. А ты не знаешь?
Полли тоже немедленно оказалась возле стола.

— А почему на этом конверте такие красивые красненькие и синенькие попки? А почему на марке самолетик?

— Полли, милая, никогда ничего не трогай на маминем столе. Это письмо полетит на самолете, и мне нужно его поскорее отправить.

Мег отняла у дочери конверт, вложила в него письмо и запечатала.

— Хью, Девлины заедут за тобой?

— Да. Через полчаса.

— Тогда собирайся живее. Опустит письмо, ладно?

Однако собрать Хью было непростым делом. Стоило только на минуту отвернуться от гребенки или щетки для волос, зубной щетки или пасты — они куда-то исчезали.

— Это воры, — объяснила Полли.

Гас приехал в самый разгар сборов и наблюдал за ними с вежливым безразличием. Он родился в Луизиане. Кровь французских предков подсказывала ему, что изысканность кухни Маддалены вполне компенсирует безалаберность служанки, к тому же, долгая холостяцкая жизнь в мебелированных сделала его по-цыгански нечувствительным к беспорядку. Он никак не мог понять, почему сценарию не место в салатнице, если он прекрасно помнит, где искать сценарий в случае надобности.

Мег любила мужа и поначалу изо всех сил старалась наладить домашнее хозяйство, что ей в конце концов отчасти удалось. Она сердилась, возмущалась, приходила в ярость; например, когда они уезжали в Южную Америку и уже были сложены чемоданы, куда-то запропастились их... паспорта.

Миссис Девлин появилась как раз вовремя. Чемодан был наконец заперт, и не прошло и пяти минут, как под обеденным столом отыскивались ботинки, которые должны были стоять в шкафу в холле. Хью отбыл, не забыв о письме, и теперь оставалось только успокоить плачущую Полли. Когда же Маддалена увела ее на кухню готовить обед, Гас обнял жену и поцеловал. В такие минуты Мег всегда с благодарностью вспоминала его французских предков.

— Наконец-то мы одни! Ну, что случилось?

— С чего ты взял? Ничего не случилось.

— Так я и поверил! У тебя лицо — как открытое окно: все видно, что делается внутри.

— Ой! — спохватилась Мег. — Я совсем забыла про письмо.

Адресованный Амосу конверт лежал на столе на том месте, где она его оставила. Рядом — письмо. Мег взяла его, и слова заплескали перед глазами: «Дорогая Вера! Я только что узнала из газет...»

Боже мой!

Неубранная комната, лихорадочные поиски ручки и бумаги, неожиданное вторжение Хью, неумное нытье Полли «А я что буду делать?», хаотические сборы... Все словно задало целью сбить ее с толку, и вот... Письмо Амосу оказалось в конверте, адресованном Вере.

Завтра утром Вера прочтет письмо и узнает, что она неприятная гостья, на редкость бездарная актриса и порочная женщина...

2

Приезжая в город за рождественскими подарками, Филиппа обычно дожидалась мужа в Коммодор-баре возле Центрального вокзала, чтобы вместе ехать домой. Сегодня Филиппе повезло. Ее любимый столик оказался свободным, и, усевшись так, чтобы видеть часы и входную дверь, она заказала коктейль с шампанским.

Аристократка в истинном значении этого слова, Филиппа всегда старалась брать от жизни все самое лучшее. Плечи покрывала широкая меховая накидка. Огромная черная сумка из крокодиловой кожи великолепно гармонировала с туфельками. Прелестное платье из черного джерси красиво облегло фигуру античной статуи. Шляпка с пестрыми фазаньими перьями и перчатки из мягкой натуральной замши. А завершали туалет украшения из нефрита и бриллиантов. Даже кошелек, маленький, с золотой петелькой и алмазной пуговкой, напоминал скорее элегантную безделушку, не говоря уж о полированной деревянной сигаретнице, инкрустированной слоновой костью: искусное изображение Аполлона и трех муз повторяло рисунок с одной аттической вазы.

В каштановых волосах, казалось, то и дело вспыхивали рыжие отблески ярко-красной губной помады, а чуть заметная изумрудная краска на веках придавала серым глазам Филиппы оливковый оттенок. Лицом она напоминала императрицу Евгению, как ее принято изображать на портретах: та же бледность, тот же безупречный овал и утонченный рисунок бровей, восточный разрез глаз, надменный нос и разочарованный рот.

Наконец появился Тони с двумя пухлыми папками под мышкой и торчащей из кармана пальто газетой, и на губах Филиппы промелькнула ядовитая усмешка. По ее мнению, президент фирмы «Саттон, Кейн и Компания» должен был выглядеть совсем по-другому.

В писательскую среду Филиппу привело замужество. Родившись в семье финансового воротилы, она росла среди владельцев вилл в Центральном Манхэттене, апартаментов на аристократической 5-й авеню и роскошных коттеджей на Хемптонских озерах. Филиппу, подобно многим другим представителям третьего поколения, вовсе не интересовал скучный дедовский бизнес. Ее идеалом стала жизнь английской аристократии времен королевы Виктории. Значит, для нее были приемлемы лишь три развлечения: политика, спорт и искусство, — но во всех трех царили профессионалы, и у любителя почти не было шанса на успех. Филиппа попробовала было что-то написать, но из этого не вышло ничего путного, кроме, пожалуй, знакомства с младшим редактором «Дэниел Саттон и Компания» Тони Кейном.

Чего только ни делала ее мать, к тому времени вдова, разве что не была свою дочь, ждая прекратить этот мезальянс. И судьба жестоко ей отомстила. Во время

кризиса 1929 года Филиппа потеряла все свое состояние и с тех пор полностью зависела от Тони.

Очень скоро Филиппа поняла, что профессиональные писатели гораздо менее интересны в жизни, чем в своих книгах. Самые талантливые и, следовательно, самые выгодные для Тони, были, как правило, плохо воспитаны и весьма неприятны в общении. Казалось даже, что успех писателей — в прямой зависимости от эксцентричности их поведения. В мире ее отца все было наоборот: финансовые воротилы не любили привлекать на себя внимание.

В конце концов Филиппа пришла к тому, что, говоря о любом писателе, добавляла слово «несносный». Откуда они приехали, кто их родители? Этого не знал никто. Они напивались на приемах, без конца одалживали деньги, запутывались в сложных любовных интригах и публично высказывались о вещах, о которых не принято упоминать в приличном обществе. И даже редкий блеск гениальности не оправдывал их в глазах Филиппы. С точки зрения финансовой — эти люди тоже не вызывали доверия: сегодня банкроты, завтра принцы, а послезавтра?.. Даже такой процветающий издатель, как Тони, казался Филиппе авантюристом. Во-первых, не было ни гроша про запас, он тратил все, что зарабатывал. Во-вторых, постоянное общение с «несносными» писателями.

Из идеалов своей юности Филиппа сохранила только преклонение перед талантом. Человеку, которого все считали талантливым, она могла простить и эксцентричность, и даже вульгарность. Но обычная в кругу Тони эксцентричность без таланта была ей невыносима.

— Привет, Фил! — сказал Тони и, бросив папки с бумагами, пальто и шляпу в свободное кресло, уселся напротив. — Ну и денек! Мне двойной Гибсон, — бросил он официанту.

Закурив сигарету, Тони принялся осторожно, сквозь дым разглядывать жену. Глаза его были такими же ярко-голубыми, как в юности, и на пухлом, круглом лице еще не появилось ни одной морщинки, хотя за последнее время Тони сильно обрюзг и в его светлых волосах заблестела седина.

— Ну, Тони, что случилось?

— Ничего. Просто у меня был тяжелый день и...

— Дорогой мой, я, кажется, не первый год твоя жена, и ты меня не проведешь. Ну же? Кто он? Очередное пугало за железным занавесом? Опять что-нибудь вроде «Двадцати лет в стране рабов»?.. В последний раз, помню, у нас пропали ложечки для соли. И не тогда ли был разбит бабушкин фарфоровый чайник?

— Да нет, совсем не то, — нетерпеливо ответил Тони, принимаясь за коктейль. — У Амоса неприятности.

— У Амоса? Ну, что у него еще? — раздраженно переспросила Филиппа. — И так возишься с ним, как нянька. Даже дом купил поближе к нам. А он в общем-то скучный человек.

— Но тебе ведь нравятся его книги, — возразил Тони.

— Только не последняя. Мне кажется, он исписался.

— Не надо так говорить, — хмурясь, сказал Тони и отпил из бокала, — даже думать не смей. Амос значит для нас гораздо больше, чем ты можешь себе представить. За четыре года четыре книги, и каждая — бестселлер. Амос — единственный в своем роде. Только благодаря ему «Саттон и Кейн» стала тем, что она есть сейчас.

— И мы не можем без него обойтись?

— Если честно, то нет, — в голосе Тони появилась жесткость. — Да Амос и не уйдет от нас.

— А если Даблдей предложит ему больше?

— Ерунда.

— Но почему?

Тони вздохнул.

— Я еще раз говорю, что Амос от нас не уйдет. Ему можно доверять. Знает, сколько я для него сделал. Нет, сейчас меня беспокоит его жена.

— Вера? — Филиппа опустила глаза и начала закуривать сигарету. — Я думала, они развелись.

— Нет. Вера провалилась в Голливуде и хочет вернуться. Это напечатано в вечерних газетах.

— Ну, а что я должна сделать? Отговорить ее?

— Нет, хуже, — и Тони изобразил на лице самую обаятельную улыбку. — Я позвонил в Голливуд и предложил Вере пожить у нас, пока она не устроится в Нью-Йорке. Понимаешь, мне нужно за ней приглядеть. Вера согласилась, и я хочу, чтобы ты была приветливой.

Филиппа резким движением погасила едва закуренную сигарету и сломала ее.

— Вот как, Тони! Ну нет, всему есть предел. Во-первых, приглашает всегда хозяйка. Во-вторых, я и дня не смогу прожить в одном доме с этой елейной авантюристкой. Я сойду с ума... просто сойду с ума.

— Вера, конечно, не подарок, но все-таки ее можно вытерпеть. Уж, во всяком случае, не криклива. Вспомни ее мелодичный тихий голос. Тебя ведь всегда раздражали женщины с пронзительными голосами. Разве не так?

— Терпеть не могу ее вкрадчивый голос. Я все в ней ненавижу.

— И Амос тоже. Если она остановится у нас, то Амос увидится с ней всего один раз, в воскресенье. Почему-то вбил себе в голову, что обязан ее встретить. Из аэропорта Амос привезет ее к нам, и вместе поужинаем.

— Поужинаем? И я должна все устроить за два дня? Тони, ты сошел с ума. А почему бы Вере не пожить у Гаса и Мег в Нью-Йорке?

— Нет, Гас — добрый малый, и ему не сладить с такой дикой кошкой. Ее нельзя сейчас подпускать к Амосу, на носу Обед Переплетчиков.

— Его пригласили?

— Я тебе разве не говорил? Амос получил премию: Самый Американский Писатель Десятилетия. Десять тысяч долларов чистыми и на пятьдесят тысяч пресстижа и популярности. Программа вручения премии рассчитана на один день. Амос дол-

жен сказать речь и, по возможности, хо-рошую.

— Тони, а ведь ты мне многого не рассказываешь,— задумчиво произнесла Филиппа.— Например, что ты имеешь в виду, когда говоришь — Веру нельзя подпускать к Амосу? Не бросит же он работу, в самом деле? Вспомни, сколько замечательных книг написано не очень-то счастливыми людьми.

Тони тяжело вздохнул.

— Мне, видно, и впрямь нужно тебе кое-что рассказать. Но никому ни слова. Об этом знает только Гас.

— О чем?

— Когда Амос писал свою первую книгу, он еще лечился от алкоголизма. Неужели ты не догадывалась?

— Нет. Я думала, он не пьет, потому что ему это просто не нравится.

— Даже слишком нравится,— мрачно ответил Тони.— Когда мы с ним встретились в первый раз, еще принимал антабус. Правда, потом он проявил необыкновенную силу воли. Вот уже четыре года, как совсем не принимает лекарств — и все в порядке, если не считать одного-единственного срыва, пока он жил с Верой.

— Вот почему ты пристроил ее в Голливуд!

— Конечно. Она постоянно держала в доме спиртное, демонстративно пила в присутствии Амоса да еще смеялась над ним. Вот Амос и не выдержал. Это ни в коем случае не должно повториться. Что тогда будет с телепрограммой? И вообще он погибнет.

— Даже Амос не заслужил такой женщины, как Вера...— растроганно сказала Филиппа.— Хотя, может быть...— она улыбнулась.— Может быть, мужчине достается именно такая женщина, которую он заслужил?

Еще несколько лет назад Тони непременно бы ответил: «Ну уж я-то не стю-такой очаровательной женщины, как ты». Но сейчас он просто сказал:

— А как насчет женщин, они тоже получают тех мужчин, которых заслужили?

— Безусловно,— поддразнив мужа улыбкой, отплатила Филиппа.— Хорошо, Тони. Я сделаю все, что смогу, но не думай, будто мне это нравится. Кстати, а ты уверен, что он не выносит Веру?

Тони немного поколебался:

— Надеюсь. Амос должен жить один, чтобы продолжать работать так же продуктивно. Что ж, монашеская жизнь не легка, но для писателя она полезна.

— И для издателя,— пробормотала Филиппа.— Все-таки мне кажется, он исписался. «Страстный пилигрим» — ужасно скучная книга.

— Скажите, пожалуйста, какой специалист! — не сдержался Тони.— Мы продали сорок тысяч первого тиража, даже не выпустив книгу на прилавок. В июле она была отмечена клубом «Книга недели». Голливуд набавляет цену...

— Да, да, коммерческий успех. По инерции. Но с художественной...

— А вот Морис Лептон думает иначе,— и Тони развернул воскресную газету.— Смотри!

На первой странице Филиппе бросился в глаза заголовок: «Событие в американ-

ской литературе». С фотографии куда-то вдаль смотрело худое лицо, мягкие черты оттенены короткой бородкой. Филиппа отметила и расстегнутый воротник рубашки, и твидовый пиджак, и старую трубку, неловко застрявшую в хрупких пальцах.

— А где собака? — спросила Филиппа.— Писателей в твидовых пиджаках всегда снимают с собаками.

— Была собака,— подтвердил Тони.— Но в «Таймсе» решили отрезать ноги, чтобы привлечь внимание к лицу.

— У Амоса нет собаки.

— Нет. Ред. Ред. Николас, наш новый агент, кстати очень талантливый, взял одну напрокат.

— Ваш мистер Николас не оригинален. К тому же, Амос не курит. Надо было дать ему в руки антабус, а в ногах уложить Веру.

— Не смешно.

Не обратив на его слова никакого внимания, Филиппа принялась читать вслух:

— «Страстный пилигрим». Амос Коттл. 450 страниц. Нью-Йорк. Саттон, Кейн и Компания. 3 доллара 75 центов. Морис Лептон.— Потом ее взгляд упал на абзац, отмеченный красным карандашом.

— «Амос Коттл исследует наше общество, воспитанное на телепрограммах. У него зоркий глаз этнографа, изучающего нравы африканских пигмеев... Амос Коттл талантливо развивает традиции классического гуманизма, независимого, остроумного, может быть, немного скептического, но всегда изысканного и способного на сострадание. Его слух чутко, как магнитофон, улавливает ритмы современной речи. Но то, что недоступно машине, делает Коттл: ищет в жизни всезначное и пользуется им как символом. В его романах жизнь — с ее убожеством и великолепием. Коттл не щадит читателя, живописуя грязь, пот, кровь, уродство, страсть, жестокость, однако, прикрытие, как бархатом, усложненной манерой письма, они преобразуются в подлинное искусство. Кто бы мог еще написать сегодня такую совершенную фразу: «Я резко заломил ему руку за спину, и слух мне царапнул сухой хруст тибии».

— Хорошая цитата, пригодится для рекламы следующей книги,— объяснил Тони.— Страница Леппи! Что без него бы мы делали!

— Лептону, вроде, и правда нравится этот роман,— сказала Филиппа и стала читать справку об авторе: — «Мистер Лептон — автор широко известного труда под названием «Зеленые всходы», который представляет собой обстоятельное исследование американской литературы 1900–1950-х годов. Мистер Лептон — постоянный автор многих критических журналов».

«Ошибка исключена: Амос может писать. Он молод. Возможно, у него еще будут неудачи. Но он, несомненно, обладает неким качеством, выделяющим прирожденного писателя из среды поденщиков и любителей, которые толпятся сегодня на литературной сцене и, как сорняки, мешают расцвету настоящего таланта».

— Лептон и впрямь мнит себя садовником, когда расчищает место для Амоса,— задумчиво произнесла Филиппа.— Кстати, Амос — единственный писатель, которого Лептон так превозносит?

— У каждого критика есть свой любимый, — ответил Тони. — К счастью для нас, Леппи выбрал Амоса, и для публики они сейчас неразделимы. Так что Леппи тоже невыгодно, чтобы Амос провалился.

Филиппа посмотрела на часы.

— Пора идти, иначе мы не успеем на 4-39.

Однако едва они сели в поезд, мыслями Филиппы завладел предстоящий ужин.

— Тони, а кого мы пригласим еще? У нас мало времени.

— Веси, конечно. Мне кажется, Вера без ума от Мег и Гаса. Гас — литературный агент Амоса, и даже если у обоих есть на воскресенье какие-то планы, им придется отказаться от планов.

— Так. И все?

Тони нахмурился.

— Что ж, Амос сейчас неплохая приманка, и многие не захотят упустить возможность с ним встретиться. А если пригласить ту вдову, ну, которая всю жизнь мечтала писать романы? Кстати, она и живет недалеко от нас.

— Одну?

— Можно с сыном. Вероятно, он дома на Рождество. Он, насколько я помню, учится в колледже. Ну и еще парочку романистов...

— Ни за что! — в непритворном ужасе воскликнула Филиппа. — Амос их ненавидит, а они ему завидуют. Нет. Ну неужели у тебя нет каких-нибудь знакомых писателей в Коннектикуте?

— Есть, конечно. Но Амос не в их вкусе. Они все ученые или что-то в этом роде.

— И все-таки пригласи. Не откажут же они своему издателю. Может быть, Виллингс? Он ведь тоже из твоих авторов.

— «Психопатология политики», — проговорил Тони. — Она вышла еще в сороковых годах при Данае Саттоне. Не бестселлер, конечно, но кое-что нам дает. В некоторых медицинских школах она входит в дополнительный список литературы по специальному курсу психологии.

— Вот и хорошо. Значит, я посылаю им приглашение. И хватит.

Тони вытащил из папки отпечатанную на машинке рукопись и углубился в чтение, Филиппа продолжала размышлять вслух:

— Сделаем скромный холодный ужин. Салат, ветчина, индейка, фрукты, вино. Вначале хорошо бы виски с содовой. Только не сладкие коктейли, они давно надоели. К тому же, и чай со льдом для Амоса будет не так заметен. Жалко, что нет времени починить диванную подушку. Также мне сочинитель... детективщик... прожор дыру. Трудно было взять пепельницу...

— Тони?

Услышав мужской голос, Тони резко поднял голову, а Филиппа прервала свой монолог.

Они увидели невысокого стройного человека с болезненно бледным лицом, горящими черными глазами, обезьяньим ртом и великолепной формой головы; блеск прямых темных волос. Филиппу поразила красивый музыкальный голос незнакомца, будто сотканный из света и тени. Мужчина, не произнося ни слова, смотрел на них с улыбкой человека, знающего себе цену. Всем своим видом он гово-

ворил: перед вами человек необыкновенный.

— Леппи? — воскликнул Тони. — Сколько зим! Вы откуда?

— Да вот вошел на 125-й. Только что читал лекции в Колумбии. Я искал вагон для курящих и вот...

— Присаживайтесь, — опомнился Тони (к счастью, рядом место оказалось свободным). — Вы знакомы с моей женой?

— Не помню, чтобы я имел удовольствие, — сказал Лептон и поклонился с изысканностью, что делало его привлекательным в глазах Филиппы, потом скользнул в кресло.

— Я помню, вы были на нашей свадьбе, — любезно улыбнулась Филиппа. — Живете в Коннектикуте?

— Нет. Я еду на уик-энд к Шэдболтам. Тони, вы знакомы с Шэдом? Ну, помните, он написал нечто в духе «Южного ветра»?

— А я только что читала вашу статью о последнем романе Амоса Коттла, — сказала Филиппа, желая привлечь к себе внимание Лептона.

— А! — Лептон прикрыл глаза, но Филиппа успела заметить, что они заблестели еще ярче. — Наконец-то появился человек, который пишет по-настоящему. Он никому не подражает. Это и называется самобытностью. Ее-то как раз и не хватает сегодняшней американской литературе.

— Он хорошо пишет, — встала Филиппа, решив показать свою лояльность по отношению к Амосу.

— Хорошо? Дорогая леди, он замечательно пишет. Я бы назвал его гением, если бы это слово не было таким затертым. В современной литературе нет равного Амосу Коттлу. Тони, вас можно поздравить.

— Спасибо.

Тони изобразил на лице почтительную торжественность. Но Филиппу не обманешь. Она всегда подозревала, что ее мужа больше интересуют доходы, чем литературные достоинства книг Амоса.

— Коттл, наверное, очень одинокий человек, — она опять услышала музыкальный голос Лептона. — Такой талант — как большое состояние. Он отрезает от остальных людей. В моем воображении я почти вижу монаха, погруженного в свои мысли, в э... э...

— Тайнство, — подсказала Филиппа, поддески радуясь возможности привлечь к себе внимание «взрослых».

Наконец-то ей удалось задержать на себе его горящий взгляд.

— А вы и впрямь читали мою статью!

— Красивое слово. Мне нравится, как оно звучит.

Тони поморщился.

— Мне вообще нравятся слова, которые вы употребляете, — лепетала Филиппа. — Например, «всезначное». Будь это моя статья, я бы написала «значительное». Но у вас лучше. И подходит больше... А знаете, Амос не такой уж монах. Иногда он бывает очень забавным.

Лептон о чем-то задумался, потом посмотрел на Тони:

— Мне бы хотелось с ним как-нибудь встретиться. Интересно, он такой же обаятельный, как его герои?

— Разве вы не знакомы? — поразила Филиппа.

— Леппи, в отличие от прочих критиков, не посещает Шора, где отмечают кофейнями новые книги,— вмешался Тони.

— И по телевизору его не видели?

— У меня нет телевизора,— довольно сухо ответил Лептон.— Как-то обхожусь без него.

— Вот уже полгода, как Амос раз в неделю выступает со своей программой,— объяснил Тони.— Интервьюирует писателей. Нет, нет, не критикует. Просто старается их разговорить и вызвать на открытость.

— Ясно, не критикует,— и Лептон горько усмехнулся.— Я всегда говорил: телевидение и объективная литературная критика — несовместимы.

Тут Филиппе пришла в голову великолепная мысль.

— Если вы хотите познакомиться с Амосом, это можно. Мы решили устроить небольшой прием в его честь. Приезжайте к нам в воскресенье часам к шести и привозите с собой Шэдболтов.

Лептон еще раз изобразил грациозный полупоклон, и Филиппа подумала, почему это у критиков такие очаровательные манеры, а так называемые художники слова обязательно дикие, невоспитанные люди?

— Понимаете, я уже предупредил их, что уеду в воскресенье. Тогда я просто закажу такси и буду у вас к шести.

— Я могла бы заехать за вами,— предложила Филиппа,— если вы, конечно, не возражаете.

Лептон улыбнулся:

— Меня никогда не вдохновлял пример английского критика, который на протяжении своей длинной и скучной жизни ни разу не пожелал встретиться с писателем.

Какая у него симпатичная улыбка, подумала Филиппа, и ей припомнился старый анекдот о хвастливом повесе времен короля Эдуарда: «Пусть меня считают самым уродливым мужчиной в Европе, но стоит мне побыть с женщиной полчаса наедине, и она моя, даже если мой соперник сам Аполлон». Ну а полчаса в обществе Мориса Лептона?... Это приятно взволновало Филиппу, и она принялась обдумывать, что бы ей такое на себя надеть, когда она поедет к Шэдболтам. Морис Лептон, конечно, не в ее вкусе... Она даже не уверена, может ли он ей понравиться, но...

В ней было что-то кошачье, и охота всегда доставляла Филиппе удовольствие, независимо от того, что тянуло ее к назначенной жертве — страсть, влечение или даже ненависть. Ей удалось устроить свою жизнь так, чтобы наслаждаться и замужней жизнью, и радостями вольной охоты. Идеальная жизнь, считала Филиппа, это все иметь и ничем не поступаться. И хотя у нее наверняка случались промахи, все благополучно пока сходило с рук. Правда, иногда Филиппе мучительно хотелось узнать, догадывается ли о чем-нибудь Тони.

Лептон стал прощаться, и Филиппа чуть-чуть задержала его руку в своей. Их взгляды встретились. Необычное волнение вновь охватило Филиппу, и она даже немного испугалась — ища удовольствий, она старалась избегать любви и не терять власти над своими чувствами.

— Ну, как тебе Леппи? — спросил ее Тони, когда поезд с грохотом покатил дальше.

— Не знаю,— ответила Филиппа, все еще не в силах освободиться от чар бездонных глаз Лептона.— Кажется, он опасный человек.

— Опасный? Этот книжный червь? Да он лет двадцать не вылезал на солнце,— рассмеялся Тони.

3

В воскресенье лучи полдневного солнца упали на огромную двуспальную кровать, где во влажной неразберихе простынь лежал Амос Коттл, и разбудили его. Амос потер опухшие глаза и, не желая вставать, прислушался к тишине пустого дома. Он ощущал беспокойство, причину которого долго не мог вспомнить. Вера... сегодня он должен ехать в аэропорт встречать Веру.

Амос неспешно поднялся, не глядя, влез в халат и шлепанцы. Висевшее на стене зеркало отразило его движения, и Амос стал изучать свое лицо, как будто оно принадлежало вовсе не ему.

Большие потерянные глаза, как у заблудившейся дворняжки, подумал он с горечью. Болезненный рот — признак какого-то затаенного горя. Редкая пестрая борода скрывает недоразвитый подбородок. Не удивительно, что Мег Веси любит с ним нянчиться. Она из тех женщин, которые всегда возятся с несчастными. Ну, разве, глядя на него, скажешь, что он — один из троих самых знаменитых писателей? Интересно, как реагировали его поклонники на то, что создатель литературных героев — настоящих мужчин, перешагивающих через кровь, пытки, кровосмешения, обладает такой невыразительной внешностью? Неожиданное сравнение немного утешило Амоса: Ван Гог, автопортрет. Вот на кого он похож. Гений в жалкой оболочке. Амос горько усмехнулся.

Вздохнув, он пошел на кухню, достал из холодильника банку апельсинового сока. Сварил кофе. Выпил сначала холодный сок, потом горячий кофе. Я всегда один... но с Верой мое одиночество будет еще ужаснее. Она не придет, я не разрешу.

Внезапно Амоса охватило отвращение к самому себе. Зачем я тут? Зачем ввязался во все это? Ощущение, что он попал в ловушку, овладевало им все больше с каждым новым успехом. Что скажут Гас и Тони, если сегодня вечером он сообщит: решил устраниваться?

Все еще в халате и шлепанцах, Амос подошел к двери, взял воскресные «Таймс» и «Трибюн». Соседей он не стеснялся. Дом был на пять акров окружен лесом. Летом Амос мог голым принимать солнечные ванны.

Дом был современной конструкции, одноэтажный, со стеклянными стенами. Тони выбирал. На фоне белого кирпича красный камин. Над ним невидимая труба, которая, разделяясь надвое, образует проем, и в проеме — совершенно бессмысленное окно, вечно вселяющее в Амоса беспокойство. В этом неудобном, слишком сюрреалистическом для нормального человека, доме со стеклянными стенами Амос чувствовал себя выставленным на показ и совершенно незащищенным. Одна-

ко Тони считал, что Амос Коттл должен жить именно в таком доме. К тому же, дом стоил недорого, а Амос тогда получил деньги за свой первый фильм. И вот он здесь — узник, неподалеку от красивого жилища Тони. Заодно Тони может и посмотреть за ним.

С первой страницы литературного выпуска «Таймс» на Амоса смотрело его собственное лицо. Умно сработано. Этот парень действительно похож на писателя. Амос принялся за рецензию Лептона, и чтение постепенно его успокоило. После такой похвалы можно продать не меньше сорока тысяч второго издания.

Отложив «Таймс», Амос взялся за «Трибюн». На первой странице — тошнотворно-романтическая чепуха Шэдболта и его фотография, по крайней мере, двадцатилетней давности.

Листая газету, Амос обнаружил на четвертой странице плохо обрезанную фотографию и рядом с ней рецензию в одну колонку.

«Страстный пилигрим». Амос Коттл. 450 стр. Нью-Йорк, Саттон, Кейн и К. 3,75. Рецензент Эмметт Эйвери».

Он стал читать: «Мистер Эйвери обрел известность как автор книги «Похлебка на обед», в которой он смело критикует популярные течения в современном романе».

Это прозвучало для Амоса достаточно настораживающе. Кольцо гремучей змеи. Ему не хотелось читать дальше, но и не читать он не мог. Его взгляд приклеился к странице.

«Что может сказать добросовестный рецензент о новой книге усердного, более того, неутомимого мистера Коттла? Разве только, что вся скучность и вся мишурность современной литературы воплотились в многословной и претенциозной прозе этого неправдоподобно популярного писателя, отлакированные романы которого состряпаны по принципу иллюстрированных журналов и, как липучка, притягивают к себе неискушенных читателей. Книги Амоса Коттла покупаются и читаются. И хотя созданные им герои ординарны, принципы заменены предрассудками, а все повествование от первой надуманной сцены до финального штампа скрипит, как несмазанная телега, его изделия из щепок и штукатурки претендуют на то, чтобы казаться стальными».

Единственно, что забавляет в сем жалком представлении, — типографские ошибки, которых тут множество, и все они не менее нелепы, чем «наши Сонные Штаты». Издательству «Саттон, Кейн и К.» можно порекомендовать обзавестись новыми корректорами и, как считает по крайней мере один критик, новыми авторами...»

Амос со злостью отшвырнул газету. Глупо даже думать об этом. Пусть Гас и Тони беспокоятся. Но их такие вещи никогда не огорчают. Гас говорит, что на рецензии никто не обращает внимания. И потом, Амос никогда не отождествлял себя со своими книгами... но все-таки...

Амосу никак не удавалось отделаться от неприятного ощущения, что ему угрожает опасность, да и внезапно овладевшая им ярость удивила его. Очень хотелось сжать пальцы на горле Эмметта Эйвери и...

Снаружи донеслись какие-то звуки, и Амос испугался. Столь необходимое для его внутреннего чувства безопасности одиночество сейчас будет нарушено. Амос с беспокойством ждал.

Легкие шаги пересекли плитняк по направлению к стеклянной двери. Амос увидел гибкую фигуру женщины в серых брюках, зеленом свитере и зеленых туфлях. На бледном продолговатом лице сияла улыбка, ярко-красные губы шевелились, произнося какие-то слова. Амос неохотно подошел к двери и открыл ее.

— Амос!

Женщина обняла его, и пришлось отвести на ее объятие. Их губы встретились. После довольно сдержанного поцелуя он отстранился.

— Фил, Тони знает, куда ты пошла?

— Нет, конечно. Я выгуливаю его боксера. Вон он, я его привязала.

— Черт-те что! В течение двух лет одно и то же, каждый раз, когда ты идешь ко мне. Неужели Тони не догадывается?

— Уверена, что нет... Ах, Амос, как нам быть с Верой?

— Не знаю, — сказал Амос и опустился на диван.

Связь с Филиппой с самого начала пугала его, но он боялся отказать. Кто знает, что она тогда сочинила бы для Тони? А теперь он боится с ней порвать. После каждой встречи с Тони в нем усиливалось чувство вины, а так как виделись они часто, это чувство стало невыносимым. К тому же, вина рождала страх.

— Скажи, Фил, ты совершенно уверена, что Тони ни о чем не догадывается?

— Конечно. Каждый раз, когда речь заходит о тебе, я говорю, что ты противный человек и что твоя писанина не стоит ни гроша. Он мне верит и боится, что ты узнаешь, как я о тебе думаю. Каждый раз просит меня быть к тебе добрее.

Амос вздохнул.

— Все же мы не очень хитроумны.

— Оставим хитрости Тони, — засмеялась в ответ Филиппа. — Его не меньше, чем нас, беспокоит приезд Веры. Боится, как бы ты не сорвался.

— Если с кем и можно спиться, так это с Верой.

Филиппа села рядом с Амосом и прижалась к нему.

— Амос, это правда, что ты лечился?

— Да.

— Тони рассказал мне об этом в пятницу. Почему ты никогда мне не говорил?

— А зачем?

— Многие мужчины любят поверять свои секреты женщинам. Это тоже близость. — Филиппа повернула голову, и их глаза встретились совсем близко. — Почему Вера решила вернуться? Ты знаешь?

Он отодвинулся и отвел взгляд.

— Думаю, у нее ничего не получилось, а я теперь гораздо известнее, чем тогда, когда она меня оставила. Может быть, она слышала в студии обо мне и о статьях Лептона и решила, что меня стоит ценить. Если это так, то рецензия Эйвери в сегодняшней «Трибюн» должна ее отпугнуть.

— А если нет?

Амос пожал плечами:

— Откуда я знаю? Вот встречу ее и привезу к вам. Это я должен сделать. Потом

я вернусь сюда, а она останется. Вот и все. Тони и Гас позаботятся о том, чтобы держать ее подальше от меня.

Филиппа с любопытством посмотрела на него.

— Почему ты такой пассивный, Амос? Вот уже Вера вертит тобой, как хочет. За чем тебе ее встречать? Пусть едет Тони.

— Он предлагал, но я отказался. Я хочу встретиться с ней и показать, как она мне теперь безразлична.

— На твоём месте я бы ее возненавидела.

— Ты — возможно. А я... как это говорят теперь, мне плевать на нее.

— Что ж, наверное, так лучше. Ненависть — такое же чувство, как любовь, а безразличие может убить. Если она поверит, то оставит тебя в покое. А мне жаль ее.

— Тебе? Веру?

— И Веру, и любую другую женщину, которая имеет с тобой дело. — Взгляд Филиппы стал безрассудным. — Ведь я никогда по-настоящему не нравилась тебе?

— Я счастлив с тобой, — осторожно ответил Амос.

— Но ты меня не любишь?

Их взгляды опять встретились. В его глазах было искреннее изумление.

— Фил, ради бога, что могла во мне найти такая женщина, как ты? Я не молод, не силен, не весел, не галантен. Я даже не остроумен и не любезен. Иногда мне кажется, что ты влюблена не в меня, а в мое писательство. Умные женщины часто подознательно ищут в мужчине превосходство ума так же, как глупые — богатство или привлекательную внешность. Разве не так? Любовь интеллектуального мужчины придает остроту обычным ощущениям? Только так я могу объяснить, почему тебя не мучает совесть. В истории гениальность всегда оправдывала адюльтер.

— Какое мерзкое слово!

— Гениальность или адюльтер? — Амос вздохнул. — Хорошо, пусть я не прав, но мне кажется, что ты любишь свою влюбленность в гениального человека, как другие любят мужчин богатых или наделенных властью. Понравился бы тебе Амос Коттл, будь он простым механиком в гараже? Сомневаюсь. Деньги и власть тебя не волнуют — в той или иной форме ты всю жизнь имеешь с ними дело. Интеллект — другое дело. Это загадка, которая внушает тебе беспокойство. Женщинам свойственно влюбляться в то, что выше их. Скажи, разве я не прав?

— Какое это имеет значение? — голос Филиппы стал хриплым, она наклонилась к Амосу и закрыла глаза. Под зеленым свитером обозначились линии груди. Она приоткрыла губы, и Амоса охватило страстное желание.

— Никакого, — пробормотал он, дрожащими руками стаскивая с нее одежду.

Потом он ощутил страх. Дверь не заперта, и Тони мог беспрепятственно войти в любую минуту.

Филиппа искренне удивилась.

— Ты и вправду чувствуешь себя виноватым?

— Он столько для меня сделал!

— Он издал твою первую книгу, но он только выиграл на этом.

— Тони так доверчив. Если он узнает, кто может поручиться, что это не станет для него трагедией. Что тогда будет? Вот отчего я не могу быть спокойным и удивляюсь твоему спокойствию.

— Вот как! Я вовсе не аналитик, в отличие от писателей, которые любят анализировать собственные эмоции. Но иногда они все же забывают о своей профессии и становятся просто людьми. Ты же никогда. Ты только наблюдаешь и никогда не участвуешь. Ты только зритель и никогда актер. Даже когда ты любишь, какая-то часть тебя будто отсутствует, ты не весь тут. Как будто чего-то не хватает. Почему ты никогда не рассказываешь мне о своей жизни? О матери, об отце, о твоей школе, о девочке, которую ты в первый раз поцеловал. Многие мужчины говорят об этом. Ты — никогда. Ладно. Лучше скажи, Вера могла бы тебя шантажировать, если бы захотела? Может быть, она что-то знает и потому так уверена, что ты ее примешь.

— Нет. Вера ничего не знает, — голос Амоса оставался таким же спокойным, как раньше, но Филиппа заметила тревогу, промелькнувшую в его глазах. Ее выстрел случайно попал в цель, и Амос всеми силами постарался это скрыть. Он встал и подошел к окну.

— Ну а кто-то другой? — настаивала Филиппа. — Ты никогда мне не рассказывал о своем прошлом.

— О нем написано на обложке моего романа, — сказал Амос и бросил ей книгу. Филиппа рассмеялась.

— Я знаю, как Тони сочиняет подобные вещи.

— Но я дал ему факты, — резко отпарировал Амос. — Кстати, уже около трех. Возьми себе что-нибудь выпить, а я пока приму душ. Мне пора в аэропорт.

Филиппа, однако, не стала открывать бар. Услышав плеск в ванной, она села на кровать и принялась — в который раз! — за биографию Амоса на обложке «Страстного пилигрима».

«Амос Коттл родился в Китае в 1918 году в семье методиста-миссионера. Закончив школу при миссии, он поступил в Пекинский университет. В дальнейшем жизнь Коттла соответствовала пословице: «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет», — но она стала богатой сокровищницей, столь необходимой для писателя. Коттл сменил множество профессий, был моряком, барменом, репортером в Голливуде, скотоводом, химиком, строителем, зазывалой. Во время второй мировой войны служил в тихоокеанском флоте. Воспоминания об этом периоде его жизни легли в основу романа «Никогда не зови к отступлению». Амос Коттл женат на актрисе Вере Вейн. Большую часть времени Коттл живет в собственном доме в штате Коннектикут. Дом Коттла построен в стиле модерн».

Глубоко задумавшись, Филиппа отложила книгу. Гладкие, банальные фразы мало что сказали ей о настоящем Амосе. Он никогда не говорил ей о своем детстве в Китае или своих скитаниях. Не очень чувствительная от природы, Филиппа вдруг ощутила страшную пустоту, она поняла, что

ее связь с Амосом с самого начала была только физической. К нему невозможно подступиться. Что ей известно о нем? Теперь, когда Вера ускорила кризис в их отношениях, невозможно предсказать, как он поведет себя дальше.

Неожиданно она почувствовала в себе крошечное зернышко отвращения к Амосу. Достоин ли он ее любви? Его фатализм, его страх, его безразличие. Она знала, что зернышко будет расти. Она опять готова разлюбить, как когда-то разлюбила Тони... очень давно...

Выйдя в столовую, Филиппа увидела на полу скомканную «Трибюн». Разгладила страницы и внимательно прочитала рецензию Эмметта Эйвери, которую мельком проглядела утром. Она вспомнила яростную реакцию Тони.

Плескание прекратилось.

— Амос, я должна идти, — мягко проговорила Филиппа. — Увидимся вечером.

— Мы приедем около пяти.

— До свидания.

Филиппа медленно шла по плитняку к дереву, где оставила собаку. Она никак не могла избавиться от неприятной мысли. Если предположить, что Морис Лептон впервые за свою долгую и незапятнанную карьеру ошибся... А Эмметт Эйвери прав... Тогда «таинство» Амоса Коттла — просто — на просто обман, годный лишь для того, чтобы поднять престиж посредственных книг...

Филиппа не доверяла себе, когда речь шла о вещах интеллектуальных. Она была достаточно умна, чтобы знать границы своих возможностей. Ее мнение об Амосе сформировалось под влиянием таких людей, как Лептон. Секрет ее любви к Амосу прост. Коли сама не может писать великих книг, то в ее власти служить тем, кто их пишет, как простые жрицы служили избранникам своих богов.

А что, если избранник не стоит того? Тогда жрица должна найти другого.

Неожиданно ей на память пришла волнующая улыбка Мориса Лептона. Кто осмелится оспаривать его интеллект? Он никому не позволит усомниться, не то что Амос.

Боксер ждал ее стоя. Прежде чем отвязать собаку, Филиппа оглянулась на дом и ей показалось, что она навсегда простилась с Амосом. Не может быть, нет, она не влюблена в Мориса Лептона, которого и видела-то всего два раза.

4

Мег Веси, как и Амос, проснулась в воскресенье поздно. Она подошла к окну. Выпавший в пятницу снег превратился в грязную слякоть. И все краски этого унылого декабрьского дня были как будто взяты с палитры Утрилло. Мир показался Мег пустой сценой, на которой в скором времени должно произойти что-то ужасное.

Она ничего не рассказала Гасу, хотя еще в пятницу показала ему заметку в газете и предназначавшееся Вере письмо.

— Не надо его посылать, — сказал Гас. — Вера, слава богу, будет жить у Кейнов.

Мег открыла было рот, чтобы рассказать Гасу о втором письме, но слова застряли у нее на языке.

Хью уехал к Девлинам. Полли рано легла спать. Не стоило портить такой вечер. Она расскажет завтра. Самое позднее — послезавтра. Обязательно.

Но в воскресенье у Полли поднялась температура, покраснело горло, и Мег забыла обо всем на свете. Вызвали врача. Он прописал какой-то новый антибиотик и аспирин.

— Я никуда не поеду, — рыдала Мег. — Поезжай один.

— Надо поехать, — уговаривал Гас. — Так будет лучше и для тебя и для Полли. У нее ничего страшного. Врач был, а мы пораньше оттуда уйдем. Тебе все равно здесь нечего делать. Мерить температуру и давать таблетки может и Маддалена. Полли ее любит, и она ближе к детям.

Мег стала понемногу сдаваться.

— Там, наверно, будет забавно. Но ехать пятьдесят миль, зимой, да еще бросать больного ребенка...

— Это не забава, а работа, — резко возразил Гас. — Мы должны быть с Амосом, пока тут Вера.

— Не беспокойся, мамочка, — вмешался Хью. — Я ведь тоже остаюсь. Если что случится, я позвоню — и ты приедешь. — Видно было, что он наслаждается мелодраматической сценой, разыгрываемой родителями.

— Ничего не случится. Просто не может ничего случиться. Нас не будет всего несколько часов.

Мег знала, что Гас тоже неохотно уезжает от большой дочери. Когда Хью болел, его никогда не оставляли одного, но когда на свет появилась Полли, они уже знали, что небольшая температура у ребенка вовсе не означает тяжелой болезни.

Мег нехотя прошла в свою комнату и надела черное бархатное платье. Черепашковый медальон на цепочке прекрасно гармонировал с высоким гребнем. Мег достала кольцо с большим рубином — подарок Гаса на комиссионные от первого фильма Амоса, — но даже оно не улучшило настроения. И мягкий густой мех шубки не избавил от внутреннего холода.

«Я должна сказать. Я должна». И все-таки она молчала.

Мег попыталась представить лицо Веры, когда та получила письмо. Может быть, хоть на сей раз ее голос перестал быть приятно-сладким.

Мег боялась. Этот промах не исправить извинением. «Простите меня, пожалуйста, за то, что я назвала вас бездарной актрисой и порочной женщиной. Вы же знаете, я вовсе не это имела в виду». Произошла колоссальная нелепость, и она означала объявление войны. Трудно вообразить, каковы будут ее последствия для Августа Веси, литературного агента.

О литературной стороне дела мужа Мег знала все. Она была дочерью издателя, сама писала рассказы и помогала Гасу, разбирая и прочитывая кучи рукописей. Она первой открыла Амоса Коттла, найдя его рукопись в грудехлама, которую Гас, не удосужась посмотреть сам, передал ей. Но Мег ничего не понимала в финансовых вопросах. Она не имела ни малейшего представления, насколько Гасу необходим Амос.

Может, Вера не получила письмо. Предположим, она не стала заезжать за почтой или катамунтские секретарши не проявляют заботу о письмах киноактрис, которые со скандалом покидают студию. А что, если почтальон сломал ногу или Верин самолет потерпел аварию? Огромный транс-континентальный самолет в тумане летает на вершину горы, падает, объятый пламенем, и вместо нежного чарующего голоса слышен визг смертельно раненного животного...

Машина въехала в туман, и это совпадение показало Мег плохим предзнаменованием. Дорога превратилась в прессованные глыбы грязного хлопка-сырца. Движение машин можно было угадать лишь по желтым фарам, они ехали слишком быстро для такой погоды. Она стала продумывать пункты своего завещания и заодно попыталась представить, на ком женится Гас, если уцелеет. Однако в самой глубине ее сознания никак не успокаивался червячок вины. Так больше нельзя. Нужно сказать Гасу, пока не доехали.

— Гас.

— Да?

Слова не шли с языка. Ладно, она попробует начать издали.

— Гас, Амос любит Веру?

Гас колебался.

— Трудно сказать. По крайней мере, когда она уехала, был счастлив. Разве не помнишь? Он сам говорил. С тех пор Амос о ней молчит, но чем-то все же привлекала его, иначе бы на ней не женился. Вопрос в том, будет ли Вера и теперь привлекательна для него. Мне кажется, иногда Амос по ней скучает, а может быть, это просто одиночество.

— Бедный Амос,— рассказ Гаса тронул ее до слез.— Я раньше об этом не думала, а ведь он и правда очень одинокий человек. Ни семьи, ни друзей, только деловые знакомые, вроде тебя и Тони. Амос почти нигде не бывает, а живет в таком большом и пустом доме.

— В наше время бывшему алкоголику трудно вести светский образ жизни. Редкая вечеринка проходит без выпивки, а просить имбирное пиво, когда все поглощают джин, неловко. А так никто и не догадывается о его болезни. Ты никому не говорила?

— Конечно, нет. Даже Филиппе.

— Я думаю, Амос достаточно умен, чтобы не менять образ жизни. Он много пишет, много читает, иногда они с Тони играют в гольф, раз в неделю у него программа на телевидении. И никаких финансовых и семейных проблем. Идеальная жизнь для талантливого писателя.

Мег искоса взглянула на Гаса.

— Ты до сих пор веришь, что у Амоса большой талант?

— Тебе лучше знать,— ответил Гас.— Ты его открыла.

— Но это была первая его книга, и она здорово выигрывала на фоне других рукописей. Но последние его романы...

— Мег, сколько раз тебе говорить: ты не можешь по-настоящему понять то, что написано после 1910 года. Амос — продукт своего времени, а тебе оно ненавистно. Он много пишет и ни разу не опустился ниже уровня первого романа, а это —

признак настоящего таланта. Успех пришел сразу, после первой же книги, и все критики приветствовали его как восходящую звезду.

— Индивидуальность Коттла,— вздохнула Мег.— Критику из сегодняшней «Трибюн» она не импонирует.

— Ты хочешь сказать, что эта статейка произвела на тебя впечатление? — Слово «статейка» Гас произнес, вложив в него все свое презрение.— Эмметт Эйвери — соперник Мориса Лептона. Возможно, хотел сбить с Лептона спесь, потому что тот из кожи вон лезет ради Амоса.

— Какая низость!

— Стоит ли из-за этого волноваться! Амоса критикуют в первый раз, и полемика только пойдет ему на пользу. Писатель обретает прочное положение, лишь только какой-нибудь известный критик напишет, что все созданное им гроша ломаного не стоит. Тогда все поклонники бросаются на защиту обиженного любимца, и начинается невиданный ажиотаж.

— Ты говоришь так, как будто Тони сам отправил рецензию Эйвери в «Трибюн».

— В «Трибюн» — это исключено. Но будь возможность, он бы это сделал.

Минут двадцать в машине царил молчание. Потом Мег решила и заговорила опять.

— Гас,— сказала она почти шепотом.

Гас, не отрываясь, глядел на красные огоньки идущей впереди машины.

— Что? — нетерпеливо спросил он.

— Почему ты так тревожишься за Амоса? У нас ведь есть и другие клиенты.

— Да, но Амос только один.— Гас улучил момент и обогнал машину. Мег сидела, затаив дыхание.

— Мне кажется, ты не понимаешь, какую роль в нашем бюджете играет Амос,— продолжил Гас, когда они невредимые вернулись на правую сторону.— В наше время и маленькое агентство типа Тони, и маленькое издательство — находятся в одинаковом положении. Один удачливый автор, из года в год поставляющий бестселлеры, может нас обеспечить, и одна-единственная неудача — погубить. Амос исключительно плодовит. Четыре романа за четыре года. Иной раз я просто дрожу от страха, что Амос провалится, но пока он поставляет нам не только хлеб с маслом, но и пирог с вареньем. Фильмы Амоса тоже приносят нам доход. Амос оплачивает нашу квартиру, машину, шмотки, развлечения — все. Без него я смогу заработать не больше двадцати тысяч в год. Теперь вычти налоги и необходимые расходы. Что останется? Мег, мы все поставили на одну карту, и эта карта — Амос Коттл.

— Двадцать тысяч,— Мег попыталась улыбнуться.— В 1933 году я считала бы, что это очень неплохо.

— Да, но не с теперешними ценами и не с двумя детьми. Мы тратим сегодня куда больше, а привычка тратить — та же наркомания. Мы уже давно наркоманы.— Гас нахмурился.— Ума не приложу, куда бы спровадить Веру.

— Гас.

— Что?

— Мне надо тебе сказать.

Но Гас не слушал. Его мысли сосредоточились на Вере.

— Стоит только попросить ее оставить Амоса в покое, как она делает все наоборот. Помнишь, Полли было два года. Мы тогда не разрешили ей прикасаться к еде, и она стала хорошо есть? Вера упряма, как двухлетний ребенок. Может быть, так: сказать, что мы все очень хотим, чтобы она вернулась к Амосу, что она ему нужна, что это ее долг, ее тяжкий крест. Может быть, тогда она его бросит.

— А Вера нам поверит?

— Поверит. В нашей ситуации только одно хорошо. Без этого мы бы погибли.

— Без чего?

— Вера не имеет ни малейшего представления о том, как мы все к ней относимся.

У Мег перехватило дыхание.

— Что с тобой?

Она с трудом проглотила комок в горле.

— Ничего, все в порядке.

— Ты мне что-то хотела сказать, дорогая?

— Я? — некоторое время Мег колебалась. — Нет, я забыла.

— Тогда это не важно.

Наконец они увидели указательный знак. Гас придвинул машину к правому краю и сбавил скорость. Мег облегченно вздохнула.

Через десять минут они были на аллее, что вела к дому на холме, освещенному золотым светом. Это был старый фермерский дом, построенный из камня, — редкость в Новой Англии. Тони, который раньше жил и работал в Манхэттене, купив ферму, заделался фанатиком сельской жизни. Он завел себе верховых лошадей, джерсейских коров, кур, свиней и даже голубей и держал их на некотором расстоянии от дома за двенадцатифутовой изгородью из можжевельника. Когда Тони надо было заполнить деловые бумаги, обычно он именовал себя «фермер и издатель», хотя прекрасно понимал, что вряд ли стал бы фермером, не будь он в первую очередь издателем. Служащие получали от Тони на Рождество выращенных на ферме уток и домашний кекс, а на пасху — корзину свежих яиц.

У подножия холма протекал ручей, образовавший запруду. Вся поверхность была усеяна белыми лилиями. Газон и луг вдалеке подходили к роще, которая летом прятала ближайшие дома. Современный зимний пейзаж, с ярко освещенным домом, был похож на гигантскую рождественскую открытку.

На выложенной гравием дорожке стоял пока только один маленький «Остин» Филиппы. Гас поставил машину и позвонил в дверь. Мег дрожала в своей теплой шубке.

Дверь открыл негр в белой куртке. Мег поднялась по знакомой лестнице в комнату для гостей. Гас снял пальто и остался в холле. Когда Мег вернулась, они вместе вошли в огромную гостиную, в сравнении с которой даже их большая квартира показалась бы тесной.

Филиппа была в сером бархатном платье. Ее уши, шею и руки украшали великолепные изумруды. Она стояла спиной к пылающему за решеткой камина огню рядом с источавшим галантность Морисом Леп-

тоном. Какой уродливый и в то же время обаятельный человек, подумала Мег, соединение любезности и злобы.

Тони не было.

— Опять звонит Амосу, — голос Филиппы прозвучал неестественно, напряженно. — Им уже пора приехать.

— На дороге туман, — сказал Гас. — Они могут задержаться.

Филиппа, вздохнув, облокотилась на каминную доску, красиво приподняв при этом бледно-зеленую шифоновую накидку:

— Амос — это такая ответственность. Страшно подумать, как он едет сейчас в тумане. Только теперь я понимаю, что переживает владелец лошади, выигрывающей на скачках.

Морис кивнул.

— Прекрасное сравнение. Что такое книга? Это очередной забег, который можно не выиграть. А от скачки до скачки какая-нибудь болезнь, несчастный случай или... — Его глаза сверкнули. — Кто-нибудь из соперников пробирается в конюшню с гипосульфитом...

— А что сказать о чувствах матери... — Мысли Мег с внезапной болью вернулись к дочери. — Чем больше людей любишь, тем труднее жить.

— Амос прекрасно разрешил эту проблему, — произнесла Филиппа излишне резко. — Он не любит никого, кроме Амоса.

— Что вы, Фил, — сказала Мег, — как вы можете так говорить? — А мысленно добавила: особенно в присутствии Мориса Лептона, мнение которого так важно для Амоса.

— А кого он любит? — продолжала Филиппа. — Во всяком случае, не Веру.

Увидав входящего в комнату Тони, она замолчала. Тони был явно встревожен.

— Никого нет. Мы рассчитывали, что они приедут прямо к нам, но...

— Но Вере захотелось выпить, — пробормотала Филиппа.

— Вера не делает этого в первый же день, — чересчур резко и громко возразил Тони.

— Кто еще будет? — спросила Мег.

Филиппа опять вздохнула:

— Разве за такой срок кого-нибудь соберешь? Будет одна вдова с сыном. Ей шестьдесят семь лет, и она пишет роман, а ее сын приехал домой на каникулы. Живут неподалеку, их фамилия Пуси. Еще будут Виллинги из Вестпойнта. Он — один из авторов Тони.

— Виллинги? — переспросил Морис. — Это не Бэзил Виллинг?

— Вы его знаете?

— Да. Он работает судебным психиатром, но мне кажется, что он больше криминалист. Он служил в Нью-Йорке в прокуратуре и распутал несколько довольно странных дел.

— Значит, он детектив? — перебила его Филиппа. — Если бы я знала раньше, ни за что бы его не пригласила. Еще неизвестно, до чего он дойдет в нашем доме.

Все рассмеялись, а Тони сказал:

— Говорил я тебе, чтоб ты не закапывала тот труп под клумбу. В следующий раз, когда убьешь кого-нибудь, пользуйся мусоросжигателем.

Тут раздался звонок.

— Это, наверное, Амос,— сказал Морис таким тоном, каким произносят заклинания.

— И Вера,— добавила Мег и почувствовала, как похолодели руки и застучало сердце. Она повернулась к двери и увидела отблески электрического света в медных волосах Веры.

Едва переступив порог, Амос споткнулся. Гас и Тони подозрительно рассматривали его раскрасневшееся лицо и мутные глаза.

— Боже милостивый, этот ублюдок пьян,— прошептал Тони.

— Погружен в таинство,— сказала Филлиппа.— Ему не до нас.

5

Амос приехал в аэропорт, когда низкие серые облака уже скрыли солнце и оно казалось расплывшимся серебряным пятном, очень похожим на электрическую лампочку, если смотреть на нее через заиндевевшее окно.

Амос приехал за десять минут до посадки самолета. В информационном окошке ему сказали, что самолет ждет вовремя и встречающим надо идти к воротам № 14 возле коктейль-бара. В баре, хотя было всего четыре часа дня, за стойкой из красного дерева сидело несколько мужчин, и несколько пар устроилось за маленькими столиками. Амос смотрел на них со снисходительным презрением. Подумать только, и он когда-то был таким!

В ожидании самолета Амос совсем замерз. Его фигура с засунутыми в карманы пальто руками, приподнятыми плечами и спрятанной в воротник бородой производила странное впечатление. Сквозь огромную стеклянную стену было видно припорошенное снегом летное поле с разбросанными тут и там грязными, похожими на пятна нефти лужами, блестящими под лучами солнца.

Амосу вспомнилось, как беспомощно проворачивались сегодня колеса его машины. Вдруг где-то на взлетной полосе подтаял лед и стал скользким, как масло? Тогда трансконтинентальный самолет занесет, и он потеряет управление. Закрутится на месте, потом перевернется. Огненный взрыв — и все проблемы будут пристойной и без малейшего усилия с его стороны разрешены. Он будет свободным, по-настоящему свободным в первый раз в жизни. А заработав еще немного денег, уедет на Майорку...

Амос вздохнул и еще глубже спрятался в пальто. Ну и мысли лезут ему в голову! Что это? Подсознание, как болят психиатры? Или дзаяо? А, может быть, и то и другое? Интересно, что думают психиатры о связи подсознательного и сверхъестественного? Наверное, ничего. Священный пьедестал, на который воздвигла себя медицина, всегда раздражал Амоса. Наверное, тот, кто в древности назвал колдуна знахарем, чувствовал то же самое...

Погруженный в свои размышления, Амос не заметил, как приземлился самолет, но Веру увидел раньше, чем она его. Он получил несколько секунд преимущества для того, чтобы рассмотреть Веру прежде, чем

та наденет обычную маску. Ее лицо изменилось. Морщин пока не видно, но какое-то неприятное выражение подержанности делало его теперь намного старше.

Вера свято следовала последнему слову парижской моды, утверждающей китайский тип лица. Два пятна белой пудры должны придать лицу прозрачность, хрупкость, черные линии у глаз делали их раскосыми; ярко-красная помада, выделяя естественную линию губ, подчеркивала их капризный изгиб и слабый узкий подбородок. Глаза, которые должны были казаться по-восточному томными, были хитрыми, тревожными, беспокойно шныряли. Волосы, выбившиеся из-под большой меховой шляпы, показались Амосу потускневшими. У Амоса не было возможности разглядеть Верину фигуру, потому что она была вся закутана в дорогой мех, он видел только нежные цепкие ручки в замшевых перчатках и крошечные ножки на высоких каблуках. В одной руке Вера держала роскошный футляр для драгоценностей, другой стала махать Амосу.

— Амос!

Все так же сутулясь и даже не пытаясь изобразить на лице улыбку, Амос пошел к ней навстречу.

— Дорогой, возьми, пожалуйста,— она протянула футляр, потом состроила недовольную гримаску: — Ты не хочешь меня поцеловать?

— Нет.

На некоторое время нелюбезный ответ как бы повис между ними.

— Милый, какой ты скучный! — голос был таким мягким и бархатистым, таким светлым и нежным, что помимо своей воли она точно постоянно говорила людям: я леди. Острое бледное лицо с толстым слоем косметики казалось жестоким и сварливым, но стоило Вере открыть рот, и воображение рисовало бархат и вино. При чем вино исключительно бургундское, в общем, все, что есть на свете нежного и прекрасного. Амос никогда не мог понять: это — искусство или шутка природы.

— Где же репортеры? — спросила Вера еще ласковее.

— Репортеров нет. Здесь не Голливуд.

— О... Вера обвела взглядом огромный безликий зал ожидания и зябко повела плечами. — Ужасный день. Холодный, как смерть. А ты холодный, как день. Знаешь, Амос, я иногда думаю, что ты не такой, как все люди.

— Сверхчеловек? Или недочеловек?

Они двинулись к выходу, и Амосу пришлось подлаживаться под ее семенящую китайскую походку. В отличие от китаянок, Вера не перевязывала ног, но ее каблук были не ниже пяти дюймов.

— Да нет,— слегка нахмурясь, ответила она. — Просто какой-то незаконченный. В тебе чего-то не хватает, что есть у всех.

— Чего же?

— Не знаю. Как будто ты вырезан из бумаги, и у тебя нет глубины.

Амос сделал вид, что понял ее буквально.

— Я вешу сто сорок семь фунтов, и если у меня есть объем, то есть и глубина. Вера смотрела мимо него на неоновую вывеску бара.

— О, Амос! Я так несчастна. Я бы хотела что-нибудь выпить, но ты, наверное...

— Пойдем, но пить я не буду,— спокойно ответил Амос.

— Спасибо,— сказала она и, ускорив шаги, свернула к бару, бросив при этом на Амоса хитрый взгляд.— Ты больше не боишься баров?

— Конечно, нет. Мне теперь вовсе не хочется пить.

— Антабус?

— Нет, я давно его не принимаю. Нет надобности. И потом, надо быть совсем слабаком, чтобы не суметь сказать «нет» выпивке.

Они прошли в стеклянную дверь и сели за свободный столик... Подошел официант. Вера не стала ждать, пока Амос сделает заказ,— она никогда не давала ему сказать адрес таксисту или этаж лифтеру — и быстро проговорила:

— Двойное виски.

Официант поглядел на Амоса.

— Имбирное пиво, пожалуйста.

Амос ощутил неловкость. Что подумал о нем официант? Почему на пороки обычно смотрят как на доказательство мужественности? Может быть, большинство людей тайно уверено, что мужчина не может быть добродетельным? Наверное, понятие нравственности было звездено женщинами, и потому мужчины не приняли его.

Амос изучал сидевшую против него Веру. Она еще сохраняла манеры неотразимой сирены, но в то предствление, которое она разыгрывала, закралась ошибка. Вера была неудачницей. Неудачливая сирена. Эти два слова несовместимы друг с другом. Вера не способна стать настоящей актрисой, иначе она бы с большим тактом играла роль отставной звезды.

— Почему ты так смотришь, Амос?

Амос опустил глаза.

— Знаешь, то, что напечатано в газетах, — правда. Я действительно хочу вернуться к тебе, если еще не поздно.

Амос отвернулся:

— Это невозможно. Мне нравится моя жизнь, и я не хочу никаких перемен. Зачем они мне?

Он посмотрел на Веру. Ее глаза превратились в две узенькие щелки.

— Все эти ужасные люди,— пробормотала она.

— Какие люди?

— Веси и Кейны. Они обращаются с тобой, как со своей собственностью. Они меня не любят.

— Нет, ты ошибаешься. Тони и Филиппа устраивают сегодня в твою честь вечер. Потом ты поживешь у них, ладно?

— Не знаю. Я еще не решила.

— Тони сказал, что ты приняла его приглашение.

— Я могу и передумать.

Амос сделал попытку подойти к ней с другой стороны.

— Тони и Филиппа все сделают, чтобы помочь тебе с театром.

— Конечно. Чтобы я была подальше от тебя. Я не хочу работать в театре. Я хочу быть с тобой. У актрисы тяжелая жизнь, а я хочу наслаждаться покоем. Я хочу быть женой знаменитого писателя.

Неумолимый, хотя и нежный голос Веси поверг Амоса в панику.

— Ты... ты не понимаешь, Вера. Почему ты не хочешь остановиться у Тони?..

— Взгляни.

Вера взяла футляр и щелкнула замком. Поверх коробочек с драгоценностями лежали бумажник и несколько писем. Вера взяла одно и бросила Амосу.

— На, читай.

Амос с удивлением смотрел на письмо.

— На конверте твой адрес. «Дорогой Амос...»

— Правильно. Твоя очаровательная Мег Веси так разволновалась, узнав о моем возвращении, что вложила в мой конверт не тот листок. Зато я узнала, что думают обо мне твои милые друзья. Амос, я заявляю тебе, будем мы жить вместе или нет, ищи себе другого издателя и другого агента, которые будут относиться ко мне с уважением. Ты должен это сделать. Все-таки я твоя жена.

Амос быстро посмотрел письмо и бросил его обратно через стол Вере.

— Извини, Вера. То, что ты предлагаешь, просто невозможно. Я не могу перейти к другому издателю и агенту.

— Но почему?

Амос вздохнул.

— Во-первых, не хочу. Во-вторых, никто не сделает для меня столько, сколько эти двое.

— Никогда в жизни не слышала подобной чепухи! — голос, звучащий, как голубиное воркование, начал резко чеканить каждое слово.— Амос, о твоих интересах я думаю не меньше, чем о себе. У меня ведь есть копия твоего контракта с «Саттоном и Кейном». Я показала его агенту в Голливуде, и он сказал, что у любого другого издателя ты имел бы куда лучшие условия. Ты сам-то понимаешь, что Гас Веси срывает огромный куш со всего, что ты зарабатываешь? Почему? Ни один литературный агент не получает столько, сколько он. Ты никогда не думал, что самый большой кусок пирога достается Тони? Почему? Любой другой писатель получает больше тебя. Мой агент Джим Карп говорит, что «Саттон и Кейн» обманывает тебя, а тебе нужно показаться врачу. Вот почему я приехала сюда, когда покончила со студией. Джим говорит, что ты мог бы удвоить свой доход, если бы кто-нибудь по-настоящему занялся твоими делами. У него есть брат Сэм, и завтра я отвезу тебя в его контору в Нью-Йорке.

Амос посмотрел на нее тяжелым взглядом и процедил сквозь зубы:

— Вера, не лезь в мои дела. Если нужно, я помогу тебе устроиться на сцену, но мы должны развестись. Я буду тебе платить, сколько надо, только не лезь в мои отношения с Тони и Гасом. Во имя...

— Почему, Амос? Дурацкая верность? Отчего ты так рассентиментализался? Оттого, что издал у них свою первую книгу? Ты когда-нибудь требовал пересмотреть контракт? Они бы тебя не убили.

Амос, казалось, готов был заплакать.

— Вера,— хрипло произнес он,— занимайся своими делами. Я хочу...

Внезапно гримаса раздражения на лице Веси сменилась светлой улыбкой. За столом опять сидела сирена, и Амос по-

нял, что кто-то из знакомых приближается к ним.

— Том Арчер! Вы знакомы с моим мужем Амосом Коттлом?

Амос неуклюже поднялся. Том Арчер был высоким, сухощавым и довольно неопытным мужчиной. Молодость и доверчивость счастливо сочетались на его длинном простоватом лице.

— Здравствуйте, мистер Коттл. Я очень люблю ваши книги. Я возьму коктейль и, если разрешите, присоединюсь к вам.

— Конечно! — Вера опять опередила Амоса, и он ощутил прилив ненависти к ней. Продолжая стоять, он следил за долгой фигурой.

Вера заговорила, но теперь за кажущимся спокойствием пряталась угроза.

— Том пишет для «Таймс», — сказала она почти шепотом. — Специалист по второму актерскому составу. Или ты позволишь мне сказать, что мы будем жить вместе, или я показываю ему твой контракт. Он его напечатает, и тебе придется поменять издателя.

— Он этого не сделает. Существуют же законы о клевете.

— Какая здесь клевета? В конце концов, он может написать: «Утверждают, что Амос Коттл недоложен контрактом с...»

— А при чем здесь театр?

— У тебя жена актриса, вот тебе и театр. Я ему скажу, что ты хочешь написать для меня пьесу, потому что возмущен тем, как «Саттон и Кейн» торгует твоими книгами...

— Тихо, Вера. Он тебя услышит.

— Пусть слышит. Ты не заставишь меня молчать. Я ненавижу и Кейнов и Веси и хочу, чтобы все узнали, как они эксплуатируют твой талант.

— Вера! Забудь о моих делах. Тогда я разрешу тебе сказать Арчеру, что... — он замаялся, — что мы будем жить вместе.

Вера широко открыла глаза. Неожиданная уступка Амоса изумила ее, выбила из колеи, и она замолчала. Потом Амос увидел, как изумление сменяется решимостью, и понял, что она дама: когда мы будем вместе, я буду надоедать ему день и ночь, пока он не порвет с Гасом и Тони. Она помнит каждое слово Джима Карпа о контракте Амоса и злится на Мег. Вера не умела прощать.

Давно уже Амос не попадал в такую страшную ловушку. Теперь он не стыдился своих мыслей о катастрофе. Если бы можно было убить Веру, он бы это сделал.

Том Арчер, улыбаясь, подошел к столу и тут увидел пустой бокал Амоса.

— О, я принесу вам что-нибудь. Что вы хотите?

Амос заколебался. Уже целые годы он не чувствовал потребность в алкоголе. Старая привычка была забыта, хотя доктора думали иначе. Они уговаривали Амоса не слишком доверять лечению. Предупреждали, что первая же рюмка может все перевернуть.

Неправда. Они все дураки. Не знают, как он научился контролировать себя, какой стойкой стала его воля. Он очень долго был пайнкой, целых четыре года. Он ходил на литературные приемы с коктейлями и пил искорное пиво или холодный чай. Зато вскоре воздержание ста-

ло даваться ему без усилия. Плевать ему и на ядовитые шуточки, и на молчаливый укор окружающих. Он прошел через многое — головную боль, разочарование, усталость — не утешаясь алкоголем, и воспротивился даже возвышенному соблазну отметить свой успех, когда его телепрограмма впервые завоевала высокую оценку.

— Только одно шампанское, оно ведь слабое, — сказал устроитель, но, рискуя обидеть его, Амос все же покачал головой. Неистребимая в дни нищеты и не-надежности, потребность в вине исчезла. К тому же, Амосу никогда не нравился вкус вина. Нужно решать. Пить или не пить.

Он уже сделал то, что, по мнению докторов, недоступно ни одному человеку. Алкоголика нельзя вылечить, потому что единственная рюмка возвращает его в прошлое. Чепуха, он им докажет. С тех пор, как его подпирал жалкий костыль антабуса, прошло несколько лет. Он сумел вылечиться полностью, когда понял великую психологическую тайну — волю, которая отличает человека от животного, Юнг говорил, что воля — это инстинкт цивилизации.

Сейчас он сам себе хозяин. Он знает себя лучше, чем доктора. Он должен доказать свою правоту.

Гас предупреждал, чтоб он был особенно осмотрительным, но... Один глоток ни на что не повлияет... Кроме того, эта премия Самому Американскому Писателю Десятилетия. Какой же он американец, если не пьет?

А как он может показать свою волю, не подвергая ее опасности? Вот если он сейчас выпьет, а потом ни разу не прикоснется к рюмке, вот тогда он им всем покажет! Первая за четыре года рюмка будет последней на всю жизнь.

Эта мысль понравилась Амосу. Последняя на всю жизнь... Тогда лучше выбрать что-нибудь поприятнее.

Амос улыбнулся Тому Арчеру.

— Двойное виски, как моей жене.

Вера была поражена.

— Амос, ты...

— Не бойся, — Амос ощутил прилив бесшестства. — Все будет в порядке.

— Ты за рулем, а на дороге снег и...

— Послушай, Вера. Я сам себе хозяин.

Чувствуя на себе взгляд Тома, Вера улыбнулась.

— Конечно, дорогой, но...

— Что но?

— Я не хотела... Когда мы пришли сюда...

— Ты никогда не хочешь. Все.

Вернулся Том Арчер. Улыбаясь, он поднес бокал.

— За ваше примирение, если, конечно, газеты не врут.

Вера изобразила на лице застенчивое смущение.

— Не врут. Правда, Амос?

— Да.

— Значит, можно написать?

— Можно.

Амос глотнул виски Оно было таким же, как и раньше.

Амос улыбнулся Вере и Тому и пробормотал свои любимые строчки:

Испив, увижу небеса,
Царей, пророков чуда.

Услышу хоры в вышине —
И родственные голоса
Травы, завидующей мне...

Вера хихикнула.

— Это тоже можно напечатать.

— Если получу разрешение автора,—
добавил Том.

Амос засмеялся.

— Разве в современных школах детей не
учат тому, что было написано до 1914 года?
Это уже давно напечатано.

Он осушил бокал, пробормотал что-то о
зеленом винограде и воскликнул:

— Еще по одному на дорожку? Я плачу!

6

В четыре часа дня Гизела Виллинг по-
дошла к окну в спальне и увидела, что
небо стало совсем свинцовым. За вино-
градной беседкой возле ручья, как стражи,
стояли ряды голых ив, сгорбившихся под
грузом снега. В них было столько безна-
дежности, что приходило на память попу-
лярное изображение бегства Наполеона из
Москвы. Таким вечером хорошо сидеть
дома у пылающего камина, а не ехать по
темной, плохой дороге на какой-то ду-
рацкий ужин. Гизела с тоской думала о
Манхэттене, его мощенных ровных улицах,
ярком освещении, автобусах и такси, и
даже о метро. Почему такие разумные лю-
ди, как она и Бэзил, решаются жить за го-
родом зимой?

Она знала, каким старомодно обязатель-
ным был ее муж, выходец из Балтимора,
когда дело касалось законов гостеприим-
ства. Ничто, кроме серьезной болезни, не
могло быть веской причиной для отказа.
Отступить в последний момент из-за пло-
хой погоды, усталости или более интерес-
ного приглашения... он никогда не посту-
пал так сам и не прощал этого другим...

Бэзил Виллинг стоял внизу в холле и
прислушивался к резкому ледяному вет-
ру, бьющемуся об углы дома. Воскресный
вечер создан для легкого домашнего ужи-
на и раннего сна, чтобы запастись силами
на следующую неделю. Однако в минуту
рассеянности он как-то случайно согла-
сился на приглашение Кейна, переданное
через Гизелу, и теперь они должны та-
щиться в Вестон, чтобы провести вечер
среди незнакомых и, наверное, смертель-
но скучных людей.

Его грызло искушение попросить Гизе-
лу, чтобы она позвонила Кейнам и приду-
мала какую-нибудь дипломатическую бо-
лезнь, но он знал, что Гизеле такая гру-
бость не понравится. Она родилась в Ав-
стрии, и у нее было чисто европейское
чувство святости общественного долга.
Бэзил любил в жене эту черту и даже по-
сле целого дня утомительной работы не хо-
тел ее разочаровывать.

Услышав на лестнице шаги, он поднял
глаза. Темные волосы, как черное облако,
оттеняли бледное лицо Гизелы и ее прек-
расные глаза. Длинное, простого покроя
платье металлического оттенка дополняла
нитка черного жемчуга. Она не надела
больше никаких украшений, кроме обру-
чального кольца. Она, улыбаясь, спуска-
лась по лестнице реальным воплощением
романтической мечты. Почему в наши дни
американка стремится выглядеть шаловли-

вой школьницей? У Гизелы есть нечто бо-
лее утонченное и интересное для мужчины
— женственность. Бэзил в который раз
поблагодарил за это богов.

Маленькая Гизела в пижаме и тапочках
на меху бежала вслед за матерью и с пос-
ледней ступеньки лестницы прыгнула
прямо в объятия отца.

— Вам, правда, нужно ехать?

— Боюсь, что да. И сейчас же. Мы
опаздываем.

— Подожди, я оставляю Эмме телефон,—
сказала большая Гизела и пошла на кухню...

Эмма взяла в свои руки хозяйство Вил-
лингов, когда они переехали в Коннек-
тикут. Раньше у Бэзила служил ее дед.

— Не беспокойтесь, мэм,— сказала Эм-
ма.— На ужин у нас есть цыпленок и ваф-
ли, а в половине восьмого мы ляжем спать.

Гизела надела дорожные ботинки, набро-
сила на плечи меховую накидку, взяла
перчатки и вязаный шарф, поцеловала на-
последок теплые губки дочери и поспешила
к машине, где ее уже ждал Бэзил, соскаб-
ливавший с «дворников» лед.

Он взглянул на нее при свете фонаря.

— Ты похожа на юную русскую принцес-
су урожая 1914 года.

— Настоящая русская принцесса того
времени,— ответила Гизела,— почти всегда
одевалась, как ее английская гувернантка.

Несколько мгновений колеса безрезульт-
атно крутились на льду, предательски
спрятавшемся под тонким слоем снега.
Потом Бэзилу удалось вывести машину на
дорогу. В машине было тепло, уютно, гу-
дел радиатор, фары проделывали светлые
туннели в темноте.

Они были одни на дороге и чувствова-
ли себя почти как на Аляске или в Си-
бири. Ужасная погода придавала поездке
оттенки приключения.

— Что там будет?— спросила Гизела.
— Все будут говорить о литературе и ис-
кусстве с большой буквы?

— Об искусстве и литературе обычно го-
ворят издатели,— ответил Бэзил,— а ху-
дожники и писатели только о дополнитель-
ных условиях и истечении срока договора.
И еще будут сплетни. Вы знаете, что Том
Джонс, тот, который всегда издавался у
Липпинкоттов, перешел к другому издате-
лю, Мэри поехала в Лас Вегас разводиться,
чтобы выйти замуж за Билла Смита,
агента Тома?

— Они против условностей?

— Еще как за! Никто так не придержи-
вается условностей, как хорошо обеспечен-
ный представитель богемы — этакая раз-
новидность, появившаяся в двадцатом ве-
ке.

Дорога теперь шла по долине, и они ви-
дели только туман — серый, пенистый, не-
подвижный, как тяжелый дым. Он не про-
пускал свет больше, чем на четыре-пять
футов, и машина еле ползла по дороге.

Гизела решила не отвлекать мужа бо-
товней и стала подсчитывать радости своей
жизни — Бэзил, маленькая Гизела, замеча-
тельный дом и даже предстоящий вечер.
Может быть, он вовсе не будет таким скуч-
ным.

Через двадцать минут они были в Вес-
тоне и теперь внимательно всматрива-
лись в имена на почтовых ящиках.

— Пока ты одевалась, я позвонил Тони,

— сказал Бэзил, — и он сказал, что его ящик третий за вторым указателем.

— Тони? Разве ты его хорошо знаешь?

— Мы довольно часто встречались, когда шла моя книга. Но дело не в этом. Театральная манера называть всех без исключения по имени распространилась и на остальные искусства.

— А как мне прикажешь называть его жену?

— Черт! Как же ее зовут? Изабел? Нет. Франческа? Кажется, нет. Лучше не гадать. Послушаем, как ее будут называть другие.

— Вот ящик. Э. Ф. Кейн-младший.

— Энтони Френсис.

Бэзил повернул машину.

— Аппхилл, — сказал он. — Надеюсь, здесь хоть посыпают дорогу песком.

Он не ошибся, и они вскоре оказались возле каменного дома с ярко освещенными окнами, в этот туманный вечер показавшего им нереальным видением. Бэзил позвонил в дверь, и пока ждали, холод пробрал их до костей.

Дверь отворил Вашингтон Ирвинг, самый известный поставщик продуктов и обслуживающего персонала в округе. Его приветствие отличалось таким естественным сочетанием достоинства и почтительности, которое бывает только у лакея-негра. Избавление от верхней одежды было настоящим священнодействием, в котором Линкольн участвовал каждый вечер за последние тридцать лет.

Через несколько минут Виллинги входили в большую, обставленную в современном стиле гостиную — шестьдесят футов полированного дуба под ногами, сияющий белизой потолок в двадцать футов, три выкрашенные в белый цвет стены и сплошное стекло со стороны сада. В центре гостиной расположился бассейн с золотыми рыбками, окруженный декоративными растениями в медных ящиках. Изысканная обивка кресел и диванов, старинные люстры — и больше никаких украшений. Общий эффект достигался свободным пространством и безукоризненным порядком. Здесь все на месте, подумала Гизела, все продумано и ничего не забыто. Нет ни книги на подлокотнике кресла, ни детской игрушки на коврике перед камином, ни начатой пачки сигарет на журнальном столике. Книг вообще не видно, детей, наверное, нет, сигареты — в большой красивой сигаретнице из серебра и кедра с инициалами «Э. Ф. К.».

Тони Кейн с двумя другими мужчинами стояли возле бассейна, в стороне от других гостей. Они были похожи на заговорщиков. Три женщины и мужчина расположились на другом конце комнаты. Все они были как-то сами по себе, как будто чья-то неловкость убila царившую здесь раньше непринужденность. Одна из женщин в сопровождении мужчины отделилась от группы и подошла к Виллингам. Высоко поднятый подбородок и твердый шаг не могли скрыть едва сдерживаемую истерику.

— Вы, наверное, Гизела Виллинг? Я очень рада, что вы приехали. Я Филиппа Кейн.

Филиппа была на несколько дюймов выше Гизелы, и ее глаза показались гостье

такими же зелеными, как надетые ею изумруды.

— Бэзил, — продолжала Филиппа, — я так давно вас не видела. Так давно. Вы знакомы с Морисом Лептоном?

Маленький смуглый мужчина улыбнулся.

— Я читал ваши работы, — сказал Бэзил. — Точнее, моя жена их читает. Она просто изучает «Терзди ревью».

— В поисках эссе Мориса Лептона, — добавила Гизела.

— Дорогая миссис Виллинг, я смущен вашим вниманием, — ответил Лептон. — Во-первых, вы сказали — не рецензии, а эссе. Во-вторых...

Бэзил увидел, что его жена, как всегда, сама в состоянии позаботиться о себе, и медленно двинулся к хозяину дома. За то время, что они не виделись, Тони слегка потолстел, слегка постарел, но у него было все то же миловидное лицо и та же искренняя улыбка, которые однажды помогли ему стать вундеркиндом в издательском мире.

— Теперь, когда вы живете не в городе, у вас должно быть больше времени, чтобы писать, — сказал он Бэзилу. — Как насчет еще одной книги? Что-нибудь вроде «Психопатологии измены»? Знаете, этакая мешанина из Фукса, Хисса, Вурджесса и Мак-Лина и добавить туда побольше подсознательного?

Бэзил покачал головой, и тогда Тони представил ему двух других мужчин.

— С Гасом Веси вы, кажется, знакомы. А это Амос Коттл.

Гас Веси показался Бэзилу моложе Тони и годами и какой-то наивностью, тотчас же расположившей его к себе. Не торопясь, он повернулся к Амосу Коттлу и понял, почему он подумал о заговорщиках. Чествуемый писатель был совершенно пьян, и его издатель с агентом образовали заслон с явным намерением присмотреть за ним и не дать ему свалиться дурака.

Амос крепился изо всех сил. Он ухитрялся ровно держаться и довольно четко произносить слова, хотя его налитые кровью глаза никак не желали смотреть прямо.

— Счастлив познакомиться с вами, доктор Виллинг. Много лет назад, когда ваша книга только что появилась, я ее читал. Считайте меня одним из ваших поклонников.

Последнее слово он произнес несколько смазанно и, на секунду прикрыв глаза, покачнулся.

Тут раздался звонок, и в комнату в сопровождении юноши и мужчины вошла маленькая женщина в белых кружевах и с пеной белых волос. Юноша походил на студента Йеля или Гарварда. У мужчины было длинное, как будто вырезанное из дерева лицо и холодные серые глаза. Вероятно, это был один из профессоров юноши. Ничто во вновь пришедших, как показалось Бэзилу, не могло объяснить неожиданное выражение ужаса, промелькнувшее в глазах Тони.

Держась все так же неестественно напряженно, Филиппа подошла к двери.

— Миссис Пуси, как мило, что вы приехали, несмотря на погоду.

— Дорогая миссис Кейн, я бы ни за что не простила себе, если бы пропустила возможность познакомиться с Амосом Коттлом! — заявила та громким, отдававшим металлом голосом. — Мой сын Сидни и... Дорогая миссис Кейн, надеюсь, вы не будете возражать. Я позволила себе привезти к вам соседа. Мистер Эйвери. Эмметт Эйвери. Он тоже пишет.

Ее слова были как гром среди ясного неба. Бэзил и Гизела обменялись удивленными взглядами. Что могло вызвать внезапно наступившую тишину? Но они поняли, что произошла катастрофа.

Филиппа Кейн еще больше выпрямилась и глубоко вздохнула.

— Конечно, миссис Пуси, — проговорила она бесцветным голосом, и каждое ее слово, как камень, тяжело падало в тишине.

— Он тоже пишет, — повторила миссис Пуси, слегка запинаясь. — Я думала, если сегодня у вас запросо, то... — говорила она, лишь бы что-то сказать.

Морис Лептон поспешно заполнил паузу:

— Вы прекрасно сделали, миссис Пуси. Уверен, что многие здесь уже знакомы с Эмметтом Эйвери. Здравствуйте, Эмметт. Как поживаете?

— Спасибо, Леппи, хорошо.

Двое мужчин, не протягивая рук, пристально смотрели друг на друга. Казалось, между ними существовало странное, враждебное взаимопонимание, как будто оба владели одной тайной и эта тайна позволила им хорошо узнать о противнике все. Бэзилу вспомнилось, как один римский писатель утверждал, что когда на улице Рима встречаются два прорицателя, они подмигивают друг другу.

Миссис Пуси вновь обрела дар речи.

— Где же мистер Коттл? Я жажду с ним познакомиться, — объявила она тоном ребенка, требующего обещанную конфету.

Морис Лептон втянул Эйвери в беседу, и Филиппа, как лунатик, повела миссис Пуси к группе мужчин, стоявших возле бассейна. Миссис Пуси сияла.

— Мистер Коттл, вы не представляете себе, какое я испытала наслаждение, когда читала «Никогда не зови к отступлению». Моя племянница в 1941 году служила в Женском вспомогательном корпусе, и я все знаю о войне. Вы так прекрасно о ней написали. Прямо как «Война и мир», только еще лучше. Я совершенно уверена, что о любви лучше вас никто не напишет. Да, да. Вы так трогательно ее описали. Мне очень понравилась Сандра, а Ида мне не нравится. Я была очень рада, что Сандра его в конце концов заполучила, пусть они даже не могли пожениться. Это и называется реализмом. Знаете, мистер Коттл, мне кажется, что Сандра немного похожа на меня, ну, конечно же, в молодости. Я хочу вас спросить, дорогой мистер Коттл. Откуда вы берете ваши идеи? Я хотела сказать, как вы начинаете писать? Для меня самое трудное — это начало. Все мои друзья считают, что я пишу замечательные письма, и они советуют мне попробовать написать что-нибудь для печати. Но я все никак не могу найти время, и потом, я не знаю, с чего начать. А мне есть что вспомнить. В моей жизни происходили

самые невероятные события. Знали бы вы только, как моя мачеха пыталась лишить меня наследства! Пруст и Фолкнер отдали бы все на свете, чтобы такое описать!

Пока миссис Пуси превозносила Амоса, тот тихо мурлыкал себе под нос, но когда она заговорила о себе, его глаза стали стеклянными.

— Откуда я беру мои идеи? — переспросил он, и в его голосе послышались грубые ноты. — Я вам скажу, мадам. Я...

Но тут вмешался Гас.

— Амос, мне кажется, у Тони есть экземпляр «Никогда не зови к отступлению». Было бы замечательно, если бы вы надписали его и подарили миссис Пуси.

— О, мистер Коттл, неужели это возможно? Вы не представляете... Бедная провинциалка... Если бы вы действительно подарили мне книгу с вашей надписью, я... я, правда...

Амос ответил ей витиеватым ругательством. Все попытались было сделать вид, что ничего не заметили, и только Сидни решился вмешаться и спасти положение.

— Мама, как тебе не стыдно беспокоить своими глупостями великого художника.

— Сидни, дорогой, не груби мне, — сказала миссис Пуси, при этом беспомощно глядя на Бэзила. — Иногда мне кажется, что не нужно было посылать его в новомодную школу.

— Я должен принести извинения, мистер Коттл, — несколько напыщенно произнес Сидни. — Вряд ли ее можно назвать бедной да еще провинциалкой. Моя мама родилась в Нэшвиле. Мой дед был биржевым маклером, и всю жизнь провел на Уолл-стрит.

— Но Сидни, дорогой, я только...

— Мистер Коттл, — все так же торжественно продолжал Сидни, — я хочу сказать, что вы самый смелый и самый оригинальный писатель нашего поколения. Вы оставили далеко позади самого Фолкнера. Он писал беспорядочно, а вы поразительно лапидарны. Больше всего меня привлекает в вашем творчестве чувство формы. Все знают, что Голсуорси — не писатель, а фикция. Он то же самое в литературе, что Сарджент в живописи. Но Голсуорси-критик однажды сказал: «Форма — это жизнь». Я же думаю, что форма — это литература. Ваше органическое чувство контура напоминает мне биологический принцип...

Амос невидящим, совиным взглядом уставился на Тони.

— Что бы мне выпить? — неестественно разделил слова, сказал он.

Сидни замер с открытым ртом. Он был похож на человека, которого неожиданно ударили по голове.

— Сейчас, старик, сейчас, — поспешно проговорил Тони.

Он взял Бэзила под руку и увлек за собой.

— Я бы тоже выпил. А вы?

— После такого ужасного зрелища...

Тони тяжело вздохнул.

— Жуть. Его много лет считали выключенным. С тех самых пор, как он начал писать. А сегодня опять. Бог знает, что теперь будет. Да! Вы же психиатр. Может быть, можно что-нибудь сделать?

— Нет, он должен сначала проспать. Почему он запил?

— Понятия не имею. Разве только, что это как-то связано с его женой. Вон она. Ее зовут Вера. Я вам не рассказывал, что говорил по этому поводу мой отец? Речь идет об одной старухе, которая работала в яблоневом саду, и кто-то сказал: «Я не желаю ей зла, о нет, я только молю бога, чтобы она упала и сломала себе шею!»

Бэзилу уже много раз приходилось слышать этот анекдот, но он все же заставил себя улыбнуться. Маленькая головка на длинной гибкой шее привлекла его внимание и вызвала безотчетную неприязнь.

— Рядом с ней Мег Веси. Интересно, что Вера сказала такого, что на Мег лица нет?

Бэзил перевел взгляд на полненькую и живую, как фазанья курочка, брюнетку. Тони прав. Она казалась глубоко несчастной, хотя ее лицо было просто создано для улыбок.

Бар помещался в другом конце залы. Линкольн только что внес поднос с бокалами, и все двинулись в том направлении.

— Что вы собираетесь налить Коттлу? — спросил Бэзил.

— Как всегда, чай со льдом. Цветом он напоминает виски и не вызывает никаких вопросов. Пойду посмотрю, чтобы Линкольн не ошибся.

Линкольн уже разложил лед по бокалам. Тони налил виски, Гас добавил содовой, и мужчины стали передавать бокалы женщинам. Потом Тони наполнил один бокал жидкостью из кувшина.

— Пожалуйста, Амос.

Он сделал это так спокойно, что никто ничего не заметил, даже Амос, с жадностью прильнувший к бокалу...

Однако он тут же отпрянул, и на его лице появилась отвратительная гримаса. Он готов был швырнуть бокал в лицо Тони. Но не сделал этого. Не произнося ни слова, он вылил содержимое бокала на пол, подошел к бару и сам наполнил бокал виски.

Гас шагнул было к нему, но Тони мягко остановил его.

— Не надо, Гас. Ничего не поделаешь.

Эйвери громко рассмеялся:

— Как же теперь обед в честь премии Переплетчиков?

Обычно бледное лицо Лептона залила краска, и он с нескрываемой ненавистью посмотрел на Эйвери.

— Поговорите об этом с Амосом. А задано спросите, что он думает по поводу вашей рецензии в «Трибюн». Он сейчас как раз в том состоянии, чтобы сказать все без утайки.

— Он сейчас как раз в том состоянии, чтобы побить меня, — сказал Эйвери. — Вам бы этого хотелось, не так ли, Леппи? Вы и сами не прочь, только уж слишком малы ростом.

Филиппа подошла к Бэзилу.

— О, Бэзил, как нам справиться с этим ужасным приемом? — прошептала она. — И почему эта глупая гусыня из всех людей привезла именно Эмметта Эйвери? Мне кажется, Амос еще не знает, кто он. Нужно что-то сделать. Амос не должен ничего знать. Придумайте что-нибудь. Какую-нибудь игру, что ли.

— Шарады?

— Нет. Что-то такое, во что можно было бы играть сидя. Может, он заснет. Придумала! Две трети призрака.

Филиппа почти побежала к остальным гостям, сгруппировавшимся возле бассейна. Линкольн начал разносить свои знаменитые горячие бутерброды.

Филиппа спросила:

— Все знают, как играть в две трети призрака?

— Какая прелесть! — воскликнула миссис Пуси. — Миссис Кейн, я не играла в эту игру с тех пор, как маленькой девочкой жила в Теннесси.

— Ты мне никогда о ней не рассказывала, — заметил Сидни.

— Это совсем просто, — Тони подхватил идею. — Ведущий задает всем игрокам вопросы. Не ответивший один раз становится одной третью призрака, два раза — двумя третями и в третий раз — призраком, то есть выбывает из игры. Тот, кто продержится дольше всех, ведет следующую игру.

— Звучит ужасно по-детски, — протянул Сидни Пуси. — Я бы предпочел обсудить значение эстетического в индустриальном обществе, если мистер Коттл не возражает.

— Но Амос тоже, наверное, захочет играть с нами, — в голосе Тони послышалась безнадежность. — И потом, это вовсе не детская игра. Все зависит от вопросов, а Амос с его находчивостью и знаниями особенно силен в таких играх.

— О'кей, вы у меня получите удовольствие, — пробормотал Амос. Ему явно надоел молодой Пуси.

Тони вмешался и сделал это как раз вовремя, чтобы предотвратить очередной пьяный выпад.

— Итак, начинаем, — сказал он одновременно вкрадчивым и повелительным тоном члена конгресса, выступающего на телевидении. — Я начну, для разгона. Кто автор «Английских бардов и шотландских обозревателей»?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал Амос, глядя на Тони из-за своего бокала.

Эмметт Эйвери не поверил своим ушам и пристально посмотрел на Амоса.

— Ладно, — сказал Тони. — Амос, вы одна треть призрака.

Амос утешился еще одной порцией виски. Морис Лептон взял ведерко и начал класть в бокалы лед. Мег Веси была последней в первом круге.

— Мег, где находятся островки Лангерханса? — спросил Тони.

Мег затрепетала ресницами, потом неуверенно ответила:

— Голландская Индонезия?

— Неправильно. Вы тоже одна треть призрака. Амос, опять вам вопрос. Где находятся островки Лангерханса?

— Ну, конечно, в человеческом теле. Лангерханс был врачом.

Но в третий раз ему опять не повезло. Он не мог ответить на легкий до нелепости вопрос: «Кто написал «Время страстей человеческих»?»

Бэзил видел, как волновался Тони. Ему вовсе не хотелось, чтобы Амос выбыл из игры и занял время выпивкой, поэтому когда нужно было задать очередной вопрос, Тони постарался придумать такую ерунду,

которая была бы по зубам даже Амосу в его состоянии.

— Что такое заключение договора? — спросил он.

Амос сощурил глаза.

— Рабы, заключенные на галеры, были прикованы к скамьям и гребли, пока не умирали. А издатели и агенты стояли над ними и подгоняли их плетьюми. Это и было заключением на галеры.

— Забавно, однако неправильно, — сохранившая мягкость в голосе, сказал Тони. — Теперь вы три трети призрака и умираете. Вы умерли и выбыли из игры.

Амос окинул Тони небрежным взглядом и сказал:

— Возмутительно!

Бэзил выиграл первый тур и стал инквизитором. Игра ему вовсе не нравилась и тайне он соглашался с беднягой Пуси. К тому же смотреть на чествуемого писателя, одуряющего себя виски, было тягостно для человека, в силу своей профессии знающего, насколько ненадежен человеческий мозг. Бэзил не мог не думать и о том, как этот инцидент повлияет на отношение Мориса Лептона к последующим книгам Амоса. Ему казалось, что и Тони думает о том же.

— Ну же, Бэзил.

Тони спешил.

Амос был первым, кому надо было задать вопрос, но он сидел с закрытыми глазами.

— Мистер Коттл, — тихонько позвал его Бэзил.

Амос не шевельнулся.

Бэзил повысил голос:

— В какой войне наша страна потерпела поражение?

Амос сидел, не двигаясь.

Тони вскочил на ноги.

— Он, наверное, заснул. Пойду уложу его в постель.

Тони еще не успел подойти к Амосу, как к нему подскочила Вера. Своими длинными пальцами крепко вцепилась ему в плечо и начала грубо трясти:

— Амос, не валяй дурака! Тони пошутил.

Голова Амоса безвольно болталась из стороны в сторону. Глаза оставались закрытыми.

Вера, тяжело дыша, повернулась к Тони.

— Это вы сказали, что он призрак. — Ее нежный голос срывался. — Вы сказали, что он умер. Он мертв.

Перевод с английского Л. ВОЛОДАРСКОЙ

Продолжение следует

S

ISSN 0131-6435

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

9

1989

КОН СИБИРСКИЕ ОГНИ

9

ВЫХОДИТ
С МАРТА
1922 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1989

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И НОВОСИБИРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Главный редактор
Г. Ф. КАРПУНИН

Редакционная коллегия:

В. О. АДАРОВ,
В. М. БАШУНОВ,
А. В. ГОРШЕНИН
(зав. отделом прозы),
Н. М. ЗАКУСИНА
(зав. отделом поэзии),
В. И. ЗЕЛЕНСКИЙ,
А. Е. ЗЯБРЕВ,
А. Л. КОПТЕЛОВ,
В. Г. КОРЖЕВ
(зав. отделом критики),
В. А. КРЕЩИК
(ответственный секретарь),
В. Н. МУРЗАКОВ,
А. И. ПЛИТЧЕНКО,
А. В. ПРЕЛОВСКИЙ,
Л. В. РЕШЕТНИКОВ,
А. А. РОМАНОВ
(зам. главного редактора),
В. К. САПОЖНИКОВ,
Д. Г. СЕРГЕЕВ,
А. Т. ЧЕРНОУСОВ,
Ю. Н. ШЕСТАЛОВ,
Г. Е. ЮРОВ,
Н. Н. ЯНОВСКИЙ.

В Н О М Е Р Е :

Леонид МАРТЫНОВ. Воздушные фрегаты.
Из третьей книги 3

У ВРЕМЕНИ ЕСТЬ СВОЙ РЕЗОН...

Сергей ДОРОГОВ. Все дороги. Углич. Имя. Ча-
ша. Наставники Святослава. Андрей ЮФА. Шук-
шин. Высоцкий, Иванов, Петров, Тарковский,
Сидоров... «Самым могучим...». «Мы долго,
улыбаясь, шли...». «Казенный пес». Констан-
тин АФАНАСЬЕВ. Баллада о плакате. «Брезен-
том осеннего неба...». «Я не читаю твоих пи-
сем...». «Я вновь шагнул из пустоты...». *Стихи.* 20

Владимир САПОЖНИКОВ. Хождение по Ени-
сею Великому в поисках того, сам не знаю че-
го, а также экзотики и опасных приключений в
лето второе от начала перестройки. *Оконча-
ние* 24

Александр КАЗАНЦЕВ. Археонелогическое.
Спящий на вешней земле. Поколения. Притча
о моли. Притча о шапке-невидимке. «Каждое
полено тоскует о папе Карло...». На болотах.
Собака в тумане. *Стихи* 80

Надежда СИНИЧЕНКО. Веселенькие истории.
Рассказы 82

Борис МАЛОЧЕВСКИЙ. Хорошая плохая по-
года. *Рассказ* 95

Геннадий ПАДЕРИН. Адмиральский рецепт.
Рассказ 104

Новосибирское
книжное издательство

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ДЕТЕКТИВ.
ФАНТАСТИКА**

Элен МАК-КЛОЙ. *Две трети призрака. Роман*
Продолжение

117

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ШУМИЛОВ. «Великий перелом». *Из истории сибирской деревни конца 20-х годов* . . . **134**

Михаил ЩУКИН. *Молю прощения...* . . . **139**

Виталий ЗЕЛЕНСКИЙ. *Пора, мужики!* . . . **146**

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей ГОРШЕНИН. *Никто из нас забыть не сможет... О военных повестях Вячеслава Сукачева* . . **168**

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Из редакционной почты **174**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи принимаются редакцией в машинописи, в двух экземплярах. Текст печатается через черную ленту, через два интервала на белой бумаге форматом 210X297 мм.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Литературную консультацию начинающим авторам можно получить в писательской организации по месту жительства.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Журналы с полиграфическим браком возвращаются в типографию. Подпиской и доставкой журнала занимаются отделения Союзпечати.

Журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» № 9 — 1989 г.

Адрес редакции: 630050, Новосибирск, 50, Красный проспект, 80. Художественный редактор А. Н. Тобух. Технический редактор Н. Т. Федорова. Телефоны: гл. ред. — 22-19-41, зам. гл. ред. — 20-54-28, отв. секретарь — 20-56-29, отд. прозы — 20-56-23, отд. публицистики — 20-56-09, отд. поэзии — 20-53-67, отд. критики — 20-55-18, зав. редакцией — 20-54-28.

Сдано в набор 20.03.89. Подписано в печать 18.07.89. МН'00009. Формат 70X108¹/₁₆. Бум. книжно-журнальная. Гарнитура литературная и журнальная. рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 20,06. Усл. кр.-отт. 15,75. Тираж 95000. Заказ 3009. Цена 80 к.

Типография изд-ва «Советская Сибирь». 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

ДВЕ ТРЕТИ ПРИЗРАКА

РОМАН

7

Прекрасный день, думала Мег Веси, стоя у окна в столовой Кейнов, — сухой, холодный и солнечный. Голубое небо в стиле делла Робба. Лимонный отсвет солнца на белом снегу был похож на голубое и желтое сияние в алмазных гранях. Выкрашенные в белый цвет домики в долине казались неотъемлемой частью зимнего пейзажа, а черные ставни придавали каждому домику законченность, как черный кончик хвоста — горностаю.

Зазвонил телефон, и Мег опрометью бросилась в холл.

— Нью-Йорк вызывали?

— Маддалена? Я звоню от Кейнов. Ночью тут... произошел несчастный случай. Умер мистер Коттл, и полиция настаивает, чтобы мы остались здесь еще на один день. Я не стала звонить ночью, потому что не хотела вас будить. Как Полли?

— Просто замечательно, — ответила Маддалена. — Она хорошо позавтракала. Температура только чуть-чуть выше нормальной, всего на один градус.

Мег не была уверена, что Маддалена умеет пользоваться градусником. Может быть, она чего-то не договаривает? Но Мег промолчала о своих сомнениях.

— Вызовите врача. Пусть посмотрит Полли, тогда мы будем знать наверняка, что все в порядке. Думаю, вечером будем дома.

— Полли хочет с вами поговорить.

— Нет. Пусть лежит в постели.

— Она в вашей кровати возле телефона.

— Мамочка! — даже когда Полли бывала здорова, ее голос по телефону всегда казался тонким и несчастным. — Ты мне что-нибудь купила?

Полли постоянно занималась вымогательством, когда родители уезжали по вечерам. Мег знала, что должна быть твердой и отучить дочь от этого, но... дисципли-

на может подождать, пусть Полли сначала поправится.

— Нет еще, детка.

— Но ты купишь?

— Постараюсь, маленькая взяточница.

— А что такое взяточница?

Тут трубку взял Хью:

— Мамочка, я только что прочитал газету, там...

— Хью! Пожалуйста, не при Маддалене и Полли. Ты достаточно взрослый и должен понимать. Я сказала Маддалене, что Амос Коттл умер. И это все.

— Да, да, я понимаю. Но что делать, если она увидит газету?

— Постарайся, чтобы она не говорила с Полли на эту тему.

Хью вздохнул, потом сказал не без радости в голосе:

— Меня сегодня в школе замучают вопросами!

— Может быть, тебе лучше остаться дома. — Мег нахмурилась, она знала любовь Хью к мелодраме и боялась, что все это плохо для него обернется.

— О, мамочка, не ходишь сегодня! Это же трусость!

— Ладно, Хью, — Мег совсем растерялась. — Иди в школу. Но помни, ты мало знал Амоса. Я не хочу, чтобы ты о нем сплетничал в школе. Поверь мне, чем меньше ты будешь о нем говорить, тем лучше для всех нас.

— Хорошо, мамочка, я буду молчать. Я им только скажу: «Никаких комментариев», — как сенатор. Представляю себе их любопытство. Вот здорово! Ну и денек мне предстоит! Учителя тоже будут лопаться от любопытства, но они-то уж ни о чем не спросят.

Мег вернулась в столовую и налила себе кофе. Когда в доме были гости, Кейны всегда сервировали завтрак *à la anglaise*. Гости вольны кушать, когда им заблагорассудится, но обслуживать себя должны сами.

Мег еще не успела выпить кофе, когда в столовую вошла Филиппа, подтянутая, свежая, в темно-синих брюках и свитере. Мег тут же вспомнила, что на ней шелко-

вая пижама не по росту и халат нелюбимого зеленого цвета.

— Мег, вы должны поесть.

— Не могу. — Мег помешала кофе.

— Что... Вера еще спит?

— Надеюсь. Я сказала Норе, чтобы отнесла завтрак, как только услышит, что она проснулась. А я проголодалась. — Филиппа положила на тарелку яичницу с луком и подрумяненный хлеб. — Когда я волнуясь, то всегда много ем. Хорошо, что нет Веры, а то я потеряла бы аппетит.

Тихо переговариваясь, Гас и Тони спускались по лестнице, но, войдя в комнату, оба замолчали. Вид у них был измученный. А на лицо Тони легла печать суровости.

— Доброе утро! — голос Филиппы прозвучал почти весело.

— Почему вы не спрашиваете, как мы спали? — мучительно стараясь казаться спокойным, проговорил Гас.

— Ну и как?

— Конечно, замечательно. Свежий воздух...

Все, кроме Тони, улыбнулись.

— А что теперь будет с премией переплетчиков? — спросила Филиппа.

Тони ответил ей спокойным взглядом.

— У нас гости — Вера и Леппи, — сказал он. — Они могут войти в любой момент, и мы должны разыграть для них спектакль. Никаких разговоров о делах.

— Спектакль? — Мег ощутила растерянность. — А разве на самом деле... Мне и правда очень жаль Амоса. А вам нет?

— Конечно, да. Но кто-то должен собрать обломки, а их очень много.

— Бедный Амос, — вздохнула Филиппа. — Даже мертвый, он лишь пешка в вашей игре.

На лице Гаса отразился испуг.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказал Тони.

На лестнице послышались чьи-то шаги. Вошел Морис Лептон с газетой в руках. Он не стал есть и сразу развернул газету.

— Тут фото Амоса. Интересно, что теперь будет с собакой?

— С собакой? — Гас заглянул в газету.

— А, понимаю, — сказал он, узнав снимок. — Хороший некролог?

— Насколько он вообще может быть хорошим, если его пишет Фред Ньюэл. Он специалист по литературным некрологам. Здесь еще небольшая заметка.

Леппи начал читать вслух, тщательно взвешивая каждое слово:

«Вестон. Коннектикут. Шестнадцатое декабря. Вчера жертвой отравления стал известный писатель Амос Коттл. Несчастный случай произошел в доме его издателя Энтони Кейна, президента фирмы «Саттон, Кейн и компания». Представитель полицейского участка штата Коннектикут, капитан Джеймс Дрю, сообщает, что, по его мнению, вероятность несчастного случая равна вероятности преступного умысла.

Миссис Коттл, известная больше как актриса Вера Вейн, была приглашена на прием вместе с мужем. Слов нет, она убита горем. На ужине также присутствовали Морис Лептон и Эмметт Эйвери, известные критики, и Август Веси, агент мистера Коттла.

Амос Коттл завоевал известность как автор романа на военную тему «Никогда не зови к отступлению». Последний роман писателя — «Страстный пилигрим» — несколько недель назад был выпущен в свет издательством «Саттон, Кейн и компания». «Нью-Йорк Таймс» отозвалось о нем, как о вехе в американской литературе. Мистер Коттл вел еженедельную телевизионную передачу «Выставка Коттла». Некролог на странице двенадцать».

Лептон поискал двенадцатую страницу. Страницы громко шелестели в тишине. Он продолжил чтение: «Смерть Амоса Коттла, происшедшая при загадочных обстоятельствах, — великое потрясение для литературного мира. Единственный сын Мартина и Аманды Коттл, методистов-миссионеров из Акрона, штат Огайо, родился первого марта 1918 года в Китае. Учился в Пекинском университете. После окончания университета приехал в Соединенные Штаты, где в течение нескольких лет перепробовал множество профессий. Старожилы Майами еще должны помнить то время, когда он служил барменом в ночном клубе «Голубой грот». Постоянным посетителям клуба были известны его честолюбивые замыслы.

Бродячая жизнь Коттла закончилась с событиями в Пирл-Харбор. Мистер Коттл был призван во флот и до конца войны прослужил на Тихом океане. Демобилизовавшись и получив деньги, Коттл купил лачугу в Адирондаке, где он написал свой первый бестселлер, роман «Никогда не зови к отступлению», изданный весной 1953 года. С скромное по объему, динамичное, истинно реалистическое исследование жизни двенадцати пехотинцев, оказавшихся на тропическом острове в окружении враждебно настроенных японцев, получило неожиданное признание. Действие романа занимает двадцать четыре часа. Повествование завершается смертью последнего солдата, так и не узнавшего о том, что им на помощь прибыло подкрепление. Жестокие сцены из жизни солдат перемежаются отступлениями в довоенную жизнь каждого из пехотинцев.

Некоторые критики приняли роман в штыки из-за обилия солдатской ругани и откровенности физиологических подробностей, но в общем он восхищает смелостью, с какой описана современная война. В Голливуде по роману «Никогда не зови к отступлению» был снят незабываемый фильм со Спенсером Трэйси в роли католического священника и Ритой Хэйворт в роли японской гейши (Амос Коттл написал специально для фильма).

За первой книгой последовали еще три за три года. Последний роман мистера Коттла «Страстный пилигрим» был назван лучшим клубом «Книга недели». Морис Лептон в своей статье, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», пишет...

— Дальше не стоит, — скромно сказал Леппи. — Но мне хочется показать вам еще кое-что.

Он достал из кармана лист отличной бумаги, которую Филиппа всегда держала в комнате для гостей, исписанный красивым тонким почерком.

— Когда вы ушли спать, позвонил Лью и попросил срочно прислать ему для следующего выпуска «Терзди Ревью» мои за-

метки об Амосе. Мне хотелось бы быть уверенным, что я нигде не соврал.

Леппи откашлялся.

«Амос Коттл, каким я его знал.

Воспоминания.

Морис ЛЕПТОН.

Мос Коттл, как называли его друзья, был простым, непритязательным человеком, лишенным тщеславия и зазнайства. Ничто в его внешности не говорило об остром пронизательном уме или о властной тяге к творчеству. У изящного и хрупкого на вид Амоса были нежные глаза мечтателя. Под холеной бородой он прятал чувственный рот и подбородок. У него было явное сходство с «Автопортретом» Ван Гога — такие же впалые щеки, такой же тоскливый, все понимающий взгляд человека, посвятившего себя искусству.

К сожалению, друзьям было известно трагическое пристрастие Амоса к алкоголю, а также его шестилетняя жестокая борьба с ним. Насколько она была успешной, можно судить по тому, что за четыре года он написал четыре книги, о которых будут помнить и тогда, когда большая часть современной литературы канет в Лету.

Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать Амоса Коттла, я бы сказал, что он был человеком скромным. Я видел его всего один вечер, и весь вечер он старательно избегал разговоров о своей работе и тем более о своей жизни. Когда я спросил его, насколько полно вошел в его книги опыт юности, он печально улыбнулся и процитировал: «Я часть того, что я видел». Амос был трогателен в своем желании, чтобы люди видели в нем простого человека, не лишенного простых человеческих слабостей, а не великого писателя, талант которого возвышает его над толпой.

Подобно многим талантливым людям, Амос был по-детски простодушен, ненавидел официальные приемы, предпочитая им немногочисленные компании близких друзей. Ему доставляли наслаждение бессмысловатые салонные игры, и он отдавался им с пылом, редко встречающимся у взрослых людей. Его непосредственные и незаторможенные реакции на людей и явления еще раз подтверждают, что гениальность неразрывна с эксцентричностью...

Амос уединенно жил за городом в обществе своих книг, лишь изредка нарушая свое одиночество игрой в гольф с соседом, который также был его издателем. Жена писателя — известная актриса Голливуда Вера Вейн. Хотя профессиональные интересы часто разлучали супругов, они были по-настоящему преданы друг другу, Вера была с Амосом в последние минуты его жизни. У Амоса не было детей, и мне кажется, он очень жалел об этом. Из него получился бы нежный отец.

Старые друзья Амоса говорят, что ни когда не видели его сердитым. Внутренняя чистота защищала его от всех превратностей жестокой жизни. «Он был наименее эгоцентричный писатель из всех, кого я когда-либо знал», — сказал о нем Тони Кейн, издатель, проработавший с ним много лет. Мос почти никогда не читал ре-

цензии на свои книги. Он просто садился и писал еще один роман. Однако нельзя сказать, чтобы положительные отзывы не радовали его, а отрицательные не причиняли боль. «Этот парень, кажется, не понял, что я хотел сказать», — спокойно говорил он. — В следующий раз надо работать упорнее. Я хочу писать для всех».

Мос считал, что главное в работе писателя — общение. «Я хочу заставить маленького человека посмотреть на мир глазами великого человека», — говорил он. — Я хочу, чтобы великий человек понял маленького человека. Если я помогу им найти друг друга, мой труд не пропадет даром».

Амос презирал какие бы то ни было измы. «Объяснение трагического положения человека в непостижимом мире заложено в самом человеке», — говорил он, — а не в кредо и не в кодексах».

Амос Коттл не отказывал в помощи начинающим писателям. Ни одна присланная ему рукопись не оставалась непрочитанной. К тому же, он частенько помогал начинающим писателям деньгами.

Наверное, настало время определить место Амоса Коттла в американской литературе. Горячее сердце, могучий ум, наблюдательный взгляд, чуткий слух — все это было у Амоса Коттла. Он обладал уникальным даром чувствовать несравненную музыку английского языка. Он писал прозу, каждая строка которой поэт. Жесткая самодисциплина, присущая истинному художнику, очистила его стиль от всего наносного. Коттл был почти ясновидцем в понимании тайных уголков человеческого сердца. Он был близок к настоящему величию и в его поколении другого такого писателя нет».

Леппи кончил читать. Молчание затягивалось. Мэг, искренне тронутая услышанным, почувствовала, что у нее защипало глаза. Более сдержанная в проявлении своих чувств Филиппа налила себе еще чашку кофе и закурила сигарету.

Леппи смотрел на Гаса и на Тони.

— Ну? Что-нибудь не так?

— Отлично. — Тони обменялся с Гасом взглядами. — Очень трогательно и вполне соответствует действительности.

Гас медлил. Он смотрел сначала на Тони, потом на Леппи.

— Здорово. Настоящий Морис Лептон. Ни с кем не спутаешь, — сказал он наконец. — У меня только один вопрос. Может, не стоит упоминать о том, что Амос пил?

— Нет, стоит, — твердо сказал Леппи. — Это обязательно вылезет наружу после вчерашнего вечера. Надо подготовить почву. Кажется, у меня это прозвучало и возвышенно и человечно. Иначе будет нечестно.

— Думаю, что Леппи прав, — сказал Тони. — Когда человек умирает, ему прощают все пороки. К тому же, знаменитому писателю полагается иметь хотя бы один порок.

Его слова не убедили Гаса, но он промолчал.

— Привет!

Никто не слышал, как в комнату вошла Вера, и все до одного, вздрогнув, оберну-

лись к двери. У Веры были при себе кое-какие вещи, и потому она была одета в собственное голубое платье с воротником из серебристой норки. Она уже тщательно уложила волосы и нарядилась. Ни следа усталости или потрясения не было заметно на ее лице. Острый холодный взгляд и неестественно напряженный маленький слабый рот.

— Вера, хотите кофе? — спросил Тони, вскочив со стула.

— Нет, спасибо. Я позавтракала. — Достала сигарету, и Гас поднес ей зажигалку. — Я пришла, потому что считаю — нам пора поговорить о делах.

Тони нахмурился.

— Тогда нам лучше пройти в кабинет. Я уверен, что мистеру Лептону не интересно...

— Нет, я бы предпочла говорить при свидетелях.

Бледные щеки Тони стали пунцовыми.

— Мне нужно многое вам сказать, но сначала я хочу ознакомиться с завещанием Амоса.

Тони всеми силами старался сдержаться.

— Сейчас я могу сказать вам только одно. Амос назначил меня и Гаса своими литературными душеприказчиками.

Тут в комнату вошла горничная и положила о приходе мистера Виллинга.

— Я приму его в кабинете, — поспешно ответил Тони.

— Ой! — воскликнула девушка. — А я уже пригласила его сюда.

Тони осуждающе посмотрел на Филиппу, но было уже поздно. В проеме двери появился Бэзил Виллинг. Когда он увидел, кто находится в комнате, его интерес явно возрос.

— Я вам не помешал?

— Нет,нисколько, — торопливо проговорила Вера. — Я рада, что вы пришли. Мне хотелось бы выяснить, какое Амос оставил завещание.

— Нора, принесите нам кофе, — сказала Филиппа. — Присаживайтесь, пожалуйста, мистер Виллинг. Вера, не могли бы вы повременить с разговором о делах?

— Нет, я хочу знать, что меня ждет. Телепередач больше не будет, книг тоже. Что остается?

— Думаю, что какое-то время доход все же будет солидным, — вмешался Гас. — Уже подготовлены три переиздания книг Амоса, его последний роман только что издан в твердой обложке. Смерть Амоса не только не повредит продаже, но должна ей помочь.

Тони кивнул.

— Сегодня утром я как раз подумал о том, что теперь можно будет издать полное собрание его работ. Кожаный переплет, золотой обрез и предисловие Мориса Лептона...

— Все это хорошо, — перебила его Вера, — но если не будет новых романов, это долго не продлится.

— Собственно говоря, — Тони повернулся к Гасу, — вы мне говорили, что у Амоса масса неопубликованного.

Гас кивнул:

— Амос только закончил роман. Есть черновой вариант еще одного романа, несколько рассказов и две-три ранние работы. Раньше я не советовал их печатать,

а теперь, если немного подредактировать... Еще есть какие-то заметки, которые надо разобрать.

— Вы уверены, что его смерть не повлияет на продажу?

— Повлияет. Его будут больше покупать, — ответил Тони.

— В кино все не так, — сказала Вера. — Зрители не любят видеть тень мертвого актера.

— Ну, это в кино, — сказал Лептон. — Тони, разрешите мне взглянуть на рукописи. Я мог бы помочь вам их разобрать.

— Спасибо, Леппи, — сказал Тони. — Мы, наверное, обратимся к вам за помощью. Лучше вас никто не знает Амоса Коттла.

— Думаю, что не стоит печатать того, что недостойно зрелого Амоса, — добавил Лептон. — Если...

— Послушайте, — перебила его Вера, — печатайте все, что может дать деньги. Мое слово что-нибудь для вас значит?

— Нет, — отрезал Тони. — Но вы будете получать свою часть.

— И все? — злобно спросила Вера. — Подумайте еще раз, мистер Кейн. У вас будет разговор с моим агентом Сэмом Карпом. Я не мечтаю, как Амос, и не так предана вам, как он. Я отказываюсь от контракта, по которому большую часть получаете вы. К тому же, — она повернулась к Гасу, — мне вовсе не нужен агент. Я вас увольняю.

— Боюсь, вам это не удастся, — устало произнес Тони. — Пункт об агенте обговорен в каждом контракте. В нем говорится, что все деньги выплачиваются Амосу через агентство Гаса Веси.

Вера была похожа на разъяренную тигрицу.

— Это относится к старым книгам, а не к новым. Мои интересы будет представлять Сэм Карп. Пусть вы литературный душеприказчик, но агентом вы не будете.

— Вера, пожалуйста, замолчите, — сказал Гас. — Доктору Виллингу неинтересно...

— Не обращайтесь на меня внимание, — спокойно ответил Бэзил и взял из рук Филиппы только что сваренный кофе.

Тут Вере пришла в голову еще одна мысль:

— Тони, Амос мне сказал, что ему присудили премию переплетчиков.

— Да, но...

— А какая разница? Разве не бывает посмертных премий?

— Это идея, — согласился Тони. — Я сегодня же позвоню Слоану Северингу и узнаю, как они на это посмотрят. Может быть, разрешат получить премию издателю Амоса...

— Издателю Амоса? — Вера нервно рассмеялась. — А почему не вдове Амоса? Немножко известности мне бы не помешало.

— Тогда вы потеряете деньги, — ответил Тони. — Слоан никогда не согласится. Вы должны быть в трауре.

Мег негодуяще посмотрела на Веру:

— Неужели вас ничего не интересует, кроме денег?

Прежде, чем та успела ответить, Тони сказал:

— Ненужный вопрос, дорогая. Мы все знаем, что Амос, подобно многим талант-

ливым людям, женился неудачно. Будь он жив, он бы развелся.

— Нет! — закричала Вера. — Как вы смеете?

Лептон с любопытством посмотрел на Тони:

— А я так понял, что Амос и Вера помирились.

— Газетная версия, — объяснил Тони. — С Верой не возобновили контракта, и она решила вернуться к Амосу. Он был великодушен или слаб, и согласился.

Объяснение Тони, казалось, удовлетворило Лептона.

— Великие художники всегда славились своей слабостью там, где была замешана женщина, — проговорил он.

Однако Вера была разгневана.

— Тони Кейн, я могу вернуться в Голливуд, когда пожелаю!

Тони повернулся к Бэзилу:

— Не знаю, как мне и извиняться за все то, что мы тут на вас обрушили.

— Это я должен извиниться, — ответил Бэзил. — Мне было очень интересно, и я не сказал вам, что мне поручили расследовать обстоятельства смерти Амоса Коттла. Искушение было слишком велико. Следователь редко имеет возможность услышать, как свидетели говорят между собой.

— Расследуете... — Тони и все остальные были изумлены.

— Вы же знаете, — сказал Бэзил, — что я в течение многих лет был связан со следственным отделом. Практически я считаю их служащим. Убийство произошло в Коннектикуте, но большинство присутствовавших на вечере живет в Нью-Йорке или там работает, поэтому полиция штата и полиция Нью-Йорка решили действовать сообща. Я служу в Нью-Йорке, поэтому капитан Дрю просил меня взять на себя функции офицера связи. Сейчас я вынужден задать вам несколько вопросов. В них мало общего с теми, на которые вы отвечали сегодня ночью.

Мег смотрела на него в ужасе:

— Вы сказали... убийство. В утренней газете говорилось о возможности несчастного случая.

— Утром у нас почти не было фактов, — сказал Бэзил. — Сейчас мы знаем немного больше. Я думаю, что иногда полезно рассказывать кое-что всем, кто оказался вовлеченным в дело. Я действую с разрешения капитана Дрю. Амоса Коттла отравили цианистым калием. Умерший был пьян, и потому обычные симптомы отравления остались незамеченными.

В комнате воцарилась почти осязаемая тишина.

— Едва ли нужно объяснять, — продолжал Бэзил, — что яд не случайно оказался в бокале Амоса. Мы предполагаем убийство, более того, преднамеренное убийство.

Обезьянья усмешка Лептона сейчас казалась еще более злобной, чем обычно.

— Думаю, что мы должны согласиться, — сказал он. — Только убийца может прийти на вечер с цианистым калием в кармане.

— Извините, если я говорю то, что не требует объяснения. К счастью, здесь присутствует критик.

— Разве цианистый калий можно купить? — спросил Гас.

Мег недоверчиво посмотрела на Бэзила.

— Вы хотите сказать, что яд был в чае? Его готовили специально для Амоса.

— Вчера вечером Коттл не пил чая, — напомнил ей Бэзил. — Он вылил его на пол и пил только виски. Мое положение как следователя уникально, я сам был свидетелем всего, что здесь происходило. Я подозреваю — убийца хотел вначале отравить чай, но, увидев пьяного Амоса, понял, что тот не будет его пить. Убийце пришлось срочно менять план действий и положить яд прямо в бокал Амосу.

— Но Коттл должен был это заметить, — возразил Гас.

— Коттл был слишком пьян, чтобы что-нибудь замечать. Следы яда не обнаружены ни в кувшине, ни в графине с виски, ни в сифоне с водой.

— Но как убийца мог знать о чае? — воскликнул Тони. — Об этом не знал никто, кроме меня, Филиппы, Веси.

— И Веры, — добавила Филиппа. — Она видела, что на наших вечерах Амос пьет чай.

— Но я же не могла знать заранее, что и вчера вечером он тоже будет пить чай, — возразила Вера. — Он и не стал его пить.

— Давайте глядеть правде в глаза, — сказал Гас. — Доктор Виллинг предполагает, что один из нас пятерых, кто знал о чае, отравил Амоса.

— Вовсе не обязательно, — возразил Бэзил. — Кто-то мог случайно обратить внимание на то, что Амос пьет чай, и рассказать об этом, даже не подозревая о причине подобной оригинальности. Ясно одно, преступник был рядом с Амосом, когда тот наливал себе виски.

— Но мы все были рядом, — уточнил Гас.

Мег вздрогнула:

— Вы сказали, что цианистый калий действует быстро. Как быстро?

— В течение нескольких секунд.

— Но к Амосу в те несколько минут перед его смертью никто не подходил. Разве вы не помните, мы все играли в две трети призрака?

Бэзил кивнул:

— Полиция предполагает, что яд мог быть в капсуле. Это кстати объясняет, почему в бокале только слабый след яда, тогда как в его теле нашли огромную дозу.

— Растворяющаяся капсула? — переспросил Лептон. — Если убийца предполагал отравить чай, ему нужна была капсула, растворяющаяся в воде. Та же капсула могла не раствориться в виски. Помните, в бокале Амоса был чистый виски. Ни соды, ни воды.

Бэзил улыбнулся, оценив замечание Лептона.

— Как раз этим сейчас и занимаются химики. Пока они не дадут точного ответа, мы не узнаем, как был убит Амос Коттл. Но мы уверены, что капсула все же существовала. Коттл успел выпить больше половины того, что было в его бокале, и к тому же к нему никто не подходил минут десять-пятнадцать.

— Невероятно! — воскликнул Тони. — Я уверен, это было самоубийство. Ни у одного человека в мире не было причи-

ны убивать Амоса Коттла, и меньше всех у нас, здесь присутствующих. Вера была права, мы с Гасом зарабатывали на Амосе кучу денег. Зачем же нам или нашим женам его убивать?

— Для того, чтобы срубить сук, на котором сидим,— ласково заключила Филиппа.

Тони не обратил внимание на ее слова:

— Мистер Лептон — один из самых восторженных почитателей Амоса. Прочитайте его статью в воскресной «Таймс».

— Я читал ее вчера, когда вернулся домой,— сказал Бэзил,— и не нашел никаких мотивов для убийства. Но я читал и статью Эйвери.

— Да, Эмметт не жалуется Амоса,— согласился Тони,— но вряд ли можно предположить, что критик убивает романиста за то, что ему не нравятся его книги.

— Однако это было бы лучше, чем писать такую статью,— вставил Лептон. —Благороднее покончить со своей жертвой кинжалом, чем ее мучить.

— Но как после такой статьи Эйвери оказался здесь? —спросил Бэзил.

— Бесподобная миссис Пуси привезла его к нам без приглашения,— съязвила Филиппа.— Несмотря на все свое литературное жеманство, Пеги Пуси не читает критических статей, а ее сын проспал утренние газеты. Она уже принесла нам извинения. Вчера вечером она мне сказала, что думала, будто все писатели дружат друг с другом.

— Боже мой,— не выдержал Гас.

— Эта Пуси никогда раньше не видела Амоса,— продолжал Тони.— Так же, как Эмметт и Леппи... мистер Лептон.

— Леппи? — переспросил Бэзил. — Вы давно знакомы?

Филиппа рассмеялась:

— Дорогой Бэзил, мир писателей и издателей весьма невелик. Все знают всех. Многие так или иначе наследовали чьи-то дела, и в третьем поколении происходит настоящее кровосмешение, как в средневековых династиях.

— Но ведь Коттл ни разу не видел ни Лептона, ни Эйвери?

— Амос был истинным художником,— сказал Тони. —Он вел уединенный образ жизни и полностью посвящал себя работе. Он родился в другом мире, в отличие от нас всех, и у него не было контактов с писателями и издателями, пока он не начал писать сам года четыре тому назад. Отец Мег был редактором в старом «Некто», отец Эйвери — финансистом, специализировавшимся на делах издателей и писателей, он знал о них больше кого бы то ни было. Эмметт несколько лет с ним работал, пока не стал критиком. Отец Леппи владел небольшой переплетной фирмой Чикаго. Лучшие издания Лептона сейчас — коллекционная редкость. К несчастью, он был слишком художником, чтобы делать деньги, и Леппи занимается этим только как хобби. Мой отец продавал книги. Отец Гаса много лет был редактором у Скрибнеров. Кроме Филиппы, мы все —насекомые в волосах литературы.

— Еще — кроме Веры и Пуси — добавила Филиппа.

— Значит, в семье Амоса не было никого, кто был бы близок к литературным кру-

гам? — продолжал допытываться Бэзил.

— Никого. Его биография напечатана на обложке «Страстного пилигрима» и «Отступления».

— Отступления?

— Ну да, его первого романа «Никогда не зови к отступлению». Мы никогда не называем полностью. Или НЗО, или «Отступление». Сегодня отрывки из него напечатаны все утренние газеты. Такова жизнь. Редакторы, издатели, продавцы могут иногда родить критика, но оригинального писателя почти никогда. Его появление на свет не подчитаешь.

— Ветер дует там, где его слышат,— сказал Лептон. —Можно наследовать вкус, даже способности, но талант —никогда.

— Вы думаете, Амос Коттл был талантливым?

Леппи пожал плечами.

— Я думаю, что да. Эмметт — думает иначе. Время покажет. Оттого издательское дело и попахивает спекуляцией, что нет точного критерия.

— У Амоса было умение писать книги, которые продавались,— добавил Тони. —Что еще нужно издателю?

Бэзил подождал, пока эти двое выговорятся, и мягко продолжил:

— Я прочитал биографическую справку на обложке «Отступления». Вчера вы мне сказали, что Амос Коттл —его настоящее имя. Я указал капитану Дрю на эту заметку, и мы решили собрать нужные сведения, опираясь на изложенные в ней данные. Пекин, конечно, находится далеко от нас, но мы запросили полицию в Акроне, канцелярию протестантской церкви, военно-морской департамент и ночной клуб в Майами.

Бэзил сделал паузу, но все молчали, как завороненные.

— В городе Акрон не было зарегистрировано ни одного жителя с фамилией Коттл, нет записи о рождении и женитьбе Мартина Коттла. Методистская церковь и не подозревает о том, что некие Мартин и Аманда Коттл в тридцатых годах жили в Китае. «Голубой грот» был открыт в 1935 году, но у них никогда не работал человек по имени Амос Коттл. Военно-морской департамент также не имеет никаких сведений об Амосе Коттле. Получается, что Амос Коттл никогда не существовал.

Бэзил в упор смотрел на Гаса и Тони:

— Что вы знаете о человеке, который называл себя Амосом Коттлом? Чем он занимался?

8

Лицо Тони напоминало маску игрока в покер. Оно было абсолютно непроницаемым. Более эмоциональный Гас не мог сдержать промелькнувшей на его лице иронии. Так стремительно проносившаяся по земле тень облака предупреждает о надвигающемся ветре. В забывшихся глазах Мориса Лептона появилось изумление. Мег казалась совершенно растерянной. Она не могла уловить суть слишком быстро развивающихся событий, как будто проецирующаяся на экране кинолента двигалась с такой скоростью, что все кадры сливались в одно расплывчатое пятно. Более уравновешенная Филиппа присталь-

но вглядывалась в Бэзила, открывавшего для нее новый мир догадок и гипотез. Вера была единственная, которая отреагировала на вопрос Бэзила также вопросом:

— Во имя всего святого, что вы сказали, доктор Виллинг? — При этом ее голос впервые прозвучал проницательно и грубо.

Бэзил смотрел на Тони:

— Итак?

Тони бросил взгляд на Гаса, сигнализируя, что пришло время привести в исполнение план «Х», и требуя безоговорочной поддержки.

Гас ответил ему укоризненным взглядом:

— Ах, если бы вы вчера сказали доктору Виллингу, что Амос Коттл — псевдоним.

— Откуда я знал, что его убьют? — отпаривал Тони. — Не будь он мертв, это не имело бы значения. Кто и когда поверяет биографические справки?

Гас вздохнул:

— Биографические сведения дал сам Амос, а теперь...

Тони тоже вздохнул:

— Гас, это бесполезно. Раньше или позже полиция все равно узнает о докторе Клинтоне. Бэзил — единственный, на кого мы можем рассчитывать в суде, так что лучше открыть ему все карты, пока еще есть шанс.

Гас пожал плечами:

— Ладно, рассказывайте.

— Как прикажете вас понимать? — спросил Лептон. — Значит ли это, что биография Амоса выдумана вами? Я и не подозревал, что у вас такой талант.

— Там ветер дует, где его слышат, — пробормотала Филиппа. — Надеюсь, ты зарегистрировал свои права на телевидении?

Тони проигнорировал выпад жены и, расправив плечи, как бы собираясь с силами, чтобы честно ответить на вопрос Бэзила, повернулся к нему.

— Так вот, Бэзил, — Тони старался говорить как можно искреннее. — Мы все вам расскажем. Правду знаем только мы с Гасом. Даже Мег и Фил ничего не знают. Мы считали, что если о нашей тайне станет кому-нибудь известно, она перестанет быть тайной. Поэтому мы с самого начала решили ничего не говорить нашим женам. Надеюсь, это не пойдет дальше. Во всяком случае, Амос все еще остается достаточно ценной собственностью, в которой все присутствующие, кроме Бэзила и Леппи, имеют свою долю.

— Леппи — тоже лицо заинтересованное, — вмешался Гас. — На таланте Амоса он сделал себе имя. Не думаю, что новые факты повлияют на его мнение о работах Амоса. Какое это имеет значение для его творчества?

— Нет, конечно, — сказал Лептон. — Можете на меня рассчитывать.

— А на вас, Бэзил? — спросил Тони, и в его голосе прозвучала настойчивая интонация.

— Мне трудно что-либо обещать, — ответил Бэзил. — Могу только надеяться, что убийца будет арестован и суд пойдет вам навстречу.

Тони глубоко вздохнул:

— Амос Коттл — человек без прошлого. Мы не имеем ни малейшего представления, кто он и откуда.

— Как это возможно?

— Чтобы все объяснить, я должен вернуться в 1952 год. Мег, будьте добры, расскажите Бэзилу о том, как вы открыли Амоса.

— Все очень просто, — голос Мег был необычно тонким, почти прозрачным. — До войны Гас работал на радио. Когда война закончилась, Гас решил основать агентство. Мы жили тогда в ужасном районе, и Гас снимал угол в конторе преуспевшего приятеля. Заодно он подрабатывал на радио как внештатный сотрудник. Гас понимал, что надо спешить, пока телевидение не вышло на широкую дорогу, однако он не был уверен в том, что сумеет на него переклеститься и конкурировать с тамошними авторами, которые начали работать, когда он еще служил в морской пехоте. Агентство было нашей единственной надеждой, но у Гаса не хватало времени читать рукописи, тем более что почти все были чудовищными. Это были сочинения любителей типа Пуси или профессионалов, выгнанных из всех издательств. Пока Гас сочинял пьесы, я, уложив малышей и вымыв посуду, принималась за дело.

Однажды ночью, когда Гас спал, я еще сидела за работой и вдруг среди ужасной дряни нашла старую папку. На обложке я прочитала: «После боя. Амос Коттл». Я еще подумала, какое забавное имя для писателя! Все же я решила ее полистать. Нет, не всю. Страниц пятьдесят, чтобы утром Гас мог со спокойной совестью отправить ее обратно. Не обязательно съедать яйцо до конца, чтобы понять, тухлое оно или нет.

Но получилось иначе. Я просидела почти до утра, вчитываясь в каждое слово. Я забыла про усталость и про то, что ровно в шесть проснется Полли. Я забыла о том, что мы почти разорены и у нас уже нет сил бороться. Когда я дочитывала последнюю страницу, запел жаворонок. По крайней мере, я думаю, это был жаворонок. Тогда я поглядела за окно и увидела такое чистое небо, какого никогда не видела. И жаворонок и небо, казалось, говорили мне — я права. Это было одно из тех мгновений, когда одно ощущение, что ты живешь, уже доставляет радость. Такое редко бывает после тринадцати лет.

Видите ли, я уже тогда поняла: Амос написал необычную книгу. С тех пор наша жизнь изменилась.

Гас подхватил рассказ Мег:

— За завтраком Мег мне все рассказала. Страниц пятьдесят мне удалось прочитать в поезде, но на меня они не произвели такого впечатления, как на Мег, хотя и я понял: это — первая стоящая рукопись, попавшая в наши руки. Она была длинновата, и я сразу решил — ее надо сократить страниц на сто. Кроме того, мне не нравились заглавие

Я написал автору довольно сдержанное письмо, сообщил: покажу его роман издателю. Мне было понятно, что говорить о необходимости сокращения преждевременно. Начинающий автор пойдет на это, только если его поманит контрактом с издателем.

Теперь заговорил Тони:

— Гас привез мне рукопись через два дня после того, как ее прочитала Мег. Я тогда работал редактором у Саттона. Он был еще жив. С Гасом и Мег я был знаком

с незапамятных времен, но в их затею с агентством не верил. У них не было денег, чтобы выжить и закрепиться в деловом мире.

— Ни гроша,— вставил Гас.

— До этого,— продолжал Тони,— он мне принесил сборник рассказов, но их можно было печатать только как пародии. Я отдал рукописи одной из наших девиц, которую натаскивал на «первого читателя». Элегантной девице, дочери одной богатой приятельницы Филиппы с Уолл-стрит. Написанный ею отзыв был достаточно прохладным. Девушка хорошо училась на курсах английской литературы, и ее отношение ко всем без исключения рукописям было однозначным. Она исправляла грамматические ошибки и вымарывала любое необычное слово. Но она была грамотна и не нуждалась в деньгах. Однако, поручая ей рукопись, я рисковал.

— Так Гайд отверг Пруста,— задумчиво проговорил Лептон.— У кого он тогда работал? У Хаччетта или у Галлимарда?

— К несчастью,— продолжал Тони,— эта девица была намного образованнее нашей публики, для которой мы работаем, и мне приходилось внимательно читать ее отзывы.

Первую книгу Амоса она оценила на «читабельно», но ее так и подмывало вычеркнуть все «чертовски», уменьшить количество «я бы» и «он бы» и заменить такие выражения, как «лезть на рожон», не «подвергать себя опасности». Ее преподаватели могли гордиться своей ученицей, но какой пехотинец стал бы говорить на ее безукоризненном языке? Кроме того, рядом с каждым неприличным словом она ставила знак вопроса.

Если она писала «читабельно», я всегда просматривал рукопись сам. Вечером я захватил ее домой, но Фил устроила вечеринку, потом нашлись еще какие-то дела, и я вспомнил о ней только через три недели. Мне позвонил Гас, и так как я чувствовал себя виноватым перед старым другом, то в тот же вечер сел ее читать. Я еще подумал, что бы мне сказать Гасу, если рукопись покажется мне не годной.

Так вот.—Тони вздохнул.— У нас в Манхэттэне не было жаворонков, да и небо никогда не радовало голубизной, но я читал всю ночь. Уже фургоны с молоком поехали по улицам, а я все читал. Признаюсь, я уже тогда подумал: эта книга будет бестселлером. За завтраком я рассказал о рукописи Фил. Она очень обрадовалась, потому что всегда любила Гаса и Мег и знала, как им трудно приходится. Она наливала в чашку кофе и вдруг сказала: «Почему бы не назвать роман «Никогда не зови к отступлению»? Ведь он о войне. А «Грозди гнева» уже было».

Сначала я не понял, а потом до меня дошло.

— Роланда рог трубил, что никогда не даст сигнала к отступлению...— промурлыкал Лептон.

— У меня дрожь пробежала по спине, и я сказал Фил, какая она молодец. Придя в контору, я тут же позвонил Гасу и попросил его назначить автору встречу часа на три. Не прошло и пятнадцати минут, как Гас мне перезвонил: у него возникло какое-то затруднение. Он хотел немедлен-

но прийти ко мне. Когда я его увидел, мне показалось, что он похож на умирающую Венеру.

— И не удивительно! — воскликнул Гас. — Понимаете, рукопись пришла по почте, и в обратном адресе не было ничего необычного. Я узнал номер телефона и позвонил. Мне ответил приятный женский голос: «Уиллоуз. Доброе утро». Я сказал, что хотел бы поговорить с мистером Коттлом, и в ответ услышал: «Пациентам не разрешается пользоваться телефоном. Вы можете навестить мистера Коттла в наши приемные часы, от двух до четырех». На мой вопрос, куда я попал, она ответила: «Это клиника. Вы родственник или знакомый мистера Коттла?» Я назвал себя, и девушка посоветовала мне обратиться к доктору Клинтону. Что я и сделал. У доктора Клинтона был высокий, бесстрастный голос. Так, наверное, бог говорит с букашкой. Он сообщил мне, что Уиллоуз — клиника для нервных больных. Большинство его пациентов — алкоголики из обеспеченных семейств, но у него есть и несколько бесплатных пациентов, чья болезнь интересна для него с профессиональной точки зрения. Больным разрешается рисовать и писать, так как это полезно в качестве терапии. Да, он посоветовал Амосу Коттлу написать книгу, но не знал, что тот отослал ее агенту. Должно быть, ему помог кто-то из посетителей.

Дальше стал рассказывать Тони:

— Кончилось тем, что мы с Гасом в тот же день поехали в клинику. Я знал издателя, который опубликовал книгу человека, сидевшего в тюрьме, и не видел причин для беспокойства. К тому же, я бы сам отправил в больницу некоторых известных писателей, так почему бы не сделать известным того, кто уже там находился? Сначала мне хотелось побольше узнать об Амосе Коттле, и мы пошли к доктору Клинтону.

Он очень удивился, услышав, что мы хотим издать роман Амоса, и обрадовался. Мне кажется, он гордился: вылечил Амоса, да еще настолько, что тот смог написать книгу. Я спросил его, чем болен Амос, но он стал запинаться и мямлить, пока я не заявил: я должен знать правду. Мне хотелось знать, будет ли Амос в состоянии писать еще, или это, так сказать, одиночный выстрел.

Клинтон сказал, что не привык говорить о болезнях своих пациентов с посторонними, но в данном случае его оправдывает необычность ситуации. Потом он рассказал: около двух лет назад Амос, весь окровавленный и с раной на голове, брел по шоссе, когда на него наткнулся полицейский. По следам шин неподалеку определили — какую-то машину занесло, и она наехала на Амоса. Одежда на нем была вся в грязи. То ли от удара, то ли потому, что был пьян, но Амос был в состоянии невменяемости. Полицейский утверждал: Амос долго шел посреди шоссе, и его все обезжигали, но одну машину занесло, и она сшибла Амоса. Водитель, вероятно, испугался и удрал. Его так и не нашли. Это произошло четырнадцатого октября 1950 года.

Амоса привезли в ближайшую больницу. Врач поставил диагноз: сотрясение мозга,

отягченное алкоголизмом. Он обработал рану, и только после того, как Амос проспался, полицейскому разрешили его допросить. По-видимому, Амос жил совсем в другом месте, в этом районе его никто никогда не видел. Ни документов, ни меток на белье у него не было. Через тридцать шесть часов полицейский пришел опять. Амос производил впечатление нормального человека, за исключением полной амнезии. Он не помнил даже своего имени.

— А Амос Коттл? — спросил Бэзил.

— Амос сам выбрал себе это имя, когда начал писать роман. Почему именно это, никто не знает. И хотя оно не очень подходящее для писателя, мы разрешили его оставить. Доктор Клинтон боялся, что даже малейшая перемена может быть для Амоса губительной.

Он настаивал — Амос совершенно здоров, не считая потери памяти, однако он, видимо, получил хорошее образование и помнил все, что когда-либо изучал. Ему не надо было начинать жизнь сначала. К тому же, у него был сильный характер. Амос сумел вылечиться от алкоголизма. Тогда же доктор Клинтон мне сказал: «У меня нет возможности долго держать его в больнице. Но я боюсь его выпустить, потому что не представляю, как человек без прошлого может обеспечить себе существование. В наше время каждый человек должен иметь какие-то документы. Насколько я могу судить, у Амоса нет никаких особенных талантов. Более того, он неприязненно относится ко всему, что связано с наукой и, в частности, с медициной и психиатрией. В последнее время он помогал нашей уборщице — не хотел быть нам в тягость. Амос послушен, прилежен, но он слишком хорошо образован для такой работы. Однако единственное, в чем он проявил инициативу, — это в написании романа. Если он сможет зарабатывать себе на хлеб, у меня нет оснований держать его у себя. Он больше во мне не нуждается. Я ничего не могу для него сделать».

Я, конечно, спросил у Клинтона, можно ли вернуть Амосу память, на что Клинтон сказал: «Думаю, нет. Вспомните Каспара Хаузера. Непродолжительная амнезия могла бы быть результатом алкоголизма, но тут имела место рана на голове. Наверное, у него было более сильное сотрясение мозга, чем мы предполагали. Впрочем, может быть, они вместе и дали амнезию. Наиболее вероятно, он пил, дабы освободиться от каких-то неприятных воспоминаний, и сотрясение довершило эту работу. Известно: даже нормальные люди выбирают в себе частичную амнезию, если хотят о чем-то забыть. Поэтому, например, солдатам лет через десять война кажется гораздо романтичнее, чем она была в действительности».

В тот момент я подумал, не было ли чего преступного в прошлой жизни Амоса. Но Клинтон сразу отверг это предположение. Теперь я опять об этом вспомнил. Может быть, с ним разделился.

— Нет, — сказал Гас, — он не был похож на преступника. Я тоже тогда об этом подумал. Потом я увидел его слабый подбородок, болезненный рот, хрупкую фигуру и вопрошающий взгляд. Тогда в нем

было что-то детское, только держался он спокойнее и незаметнее, чем дети.

— Короче говоря, — резюмировал Тони, — Амос казался тем, чем он и был — неполноценным человеком с одной половиной мозга, личностью без прошлого, лишенной измерения во времени.

— Две трети призрака, — сказал Гас. — Вот кто был Амос Коттл.

— Или одна треть, — уточнил Тони. — К тому времени, когда мы с ним встретились, ему было лет тридцать — тридцать пять, из них два года он провел в клинике. Интеллектуально и физически он был взрослым мужчиной, а эмоционально — шестилетним ребенком.

— Может быть, он служил в армии? — спросил Бэзил. — Все-таки его первый роман написан о войне.

— Киплинг, — резко возразил Тони, — много писал об английской армии, но никогда в ней не служил. Клинтон был того мнения, что если Амос и был на Тихом океане, то в какой-нибудь гражданской должности или как представитель международной организации. Он не мог пройти медицинский осмотр даже во время войны. Рентгеновский снимок показал давний дефект позвоночника. Какие-то хрящи были почти полностью стерты, поэтому он так быстро уставал. Амос не подходил для армейской службы. Правда, он мог работать в столовой, — Тони цинично усмехнулся, — и слышать разговоры солдат. Писатели редко на себе знают то, о чем они пишут. В этом разница между профессионалами и любителями. Профессионалу плевать на детали, в которых читатель понимает не больше его. Эмоции — вот что их волнует. Не сами факты, а как люди реагируют на эти факты. Хорошее воображение встречается гораздо реже, чем хорошее знание жизни.

— Писать о том, чего сам не испытал, — вставил Лептон. — Вероятно, это дает перспективу. Индийские художники писали свои картины только по памяти.

— Итак, — опять заговорил Тони, — я купил kota в мешке. Я обещал Гасу и Клинтону напечатать роман Амоса, но дальнейшие события предугадать было трудно. Что может издатель? Я вручил Амосу неплохой аванс, и он оплатил свое содержание в клинике, где он должен был оставаться, пока мы не увидим, как будет развиваться события. Теперь ему не надо было работать уборщиком, и он согласился сразу же приняться за новый роман.

— Остальное вам известно, — сказал Гас. — Первая книга Амоса принесла нам тройной успех. Во-первых, она стала бестселлером, во-вторых, на нее пал выбор клуба «Книга недели», в-третьих, по ней снят фильм. Через полгода деньги буквально потекли к нам рекой.

— Тогда, — вмешался Тони, — у нас состоялась последняя консультация с доктором Клинтон. Он сказал — Амосу вовсе незачем оставаться в клинике и посоветовал забыть о его прошлом. Все было за то, что о нем никто не узнает. Нам нужно было только следить за тем, чтобы Амос не пил, но он производил впечатление излечившегося человека, насколько вообще может быть излечен алкоголик. Клинтон посоветовал нам поселить Амоса за городом —

меньше искушений. Я купил дом неподалеку и стал его опекать. Я всегда мечтал поселиться в Коннектикуте, поэтому, не задумываясь, бросил квартиру в Нью-Йорке и за бесценок купил эту виллу. Мне казалось, Амос чувствует себя счастливым.

— Неправда,— с горечью произнесла Вера.— Как можно быть счастливым на его месте? Он был... Как вы его называли? Ценная собственность. Привидение, работающее на своих хозяев. У него не было своей жизни.

— Он говорил вам, что не помнит своего прошлого? — спросил Бэзил.

— Нет, никогда,— признала Вера,— но теперь я понимаю то, чего не понимала раньше. Когда я предложила Амосу перейти к другому издателю, он отказался. Он сказал: Тони слишком много для него сделал. Он зависел от Тони. Как может быть счастлив мужчина, попавший в такую ситуацию? Он был вещью, и Тони использовал его. Как он сказал? Две трети призрака? — она возмущенно поглядывала на Тони.— Вам не понравилось, что он на мне женился, и вы от меня избавились. Вы знали — у меня хватит глупости ухватиться за Голливуд, хотя мы были женаты всего три месяца.

— Вера, с вами он бы опять запил,— ровным голосом сказал Тони.— Вы бы его убили.

— Во всяком случае, от того убийства он бы получил удовольствие,— огрызнулась Вера.— В его жизни было мало приятного. Одна только работа и холодный чай. Я не верю, что вы любили Амоса. Вы просто использовали его для своих целей.

В этом было много правды, и Тони смутился. Однако Филиппу не так-то легко было запугать.

— Он вас тоже его не любили? — ласково промурлыкала она.— Вы тоже использовали его для своих целей. Или хотели использовать.

Вера посерела от злости:

— Как вы смеете так разговаривать со мной? Я любила Амоса. Я была его женой.

— Это вы так думаете,— Филиппа, улыбаясь, наносила Вере удар за ударом.

Вера хотела было что-то сказать, но промолчала.

— Я вижу, вы поняли,— сказала Филиппа.— Если Амос был раньше женат и его жена жива, тогда...

Гас повернулся к Бэзилу, как бы ища у него защиты.

— Я никогда не думал, что мы могли принести Амосу вред. Мне всегда казалось — мы поступили правильно. Мы не виноваты в его амнезии. Но писать романы все же лучше, чем мыть полы. Я не хочу сказать, что испытывал к Амосу горячую любовь. Трудно относиться нормально к человеку, который не помнит своего прошлого.

— А мне он нравился,— сказала Мег.— Правда, я ничего не знала об амнезии. Может быть, поэтому я всегда относилась к нему как к совершенно нормальному человеку. Он был более скрытный, чем большинство людей, и иногда казался мне таким... таким потеряннным. Мне было его жаль. Он вкладывал так много сил в творчество, их не оставалось на жизнь. Мне казалось: он живет как бы вместо кого-то другого. Наверное, в этом секрет его ус-

пеха. Он жил в своих книгах, потому что у него не было другой жизни, и в нем была та непредубежденность, которая невозможна для нормального человека.

— Вы все подло наживались на его болезни,— сказала Вера.— Вы бы не получали столько денег, будь он здоров.

— У нас были свои расчеты,— торопливо ответил Тони.— Что касается телепрограммы, то рекламное агентство организовал я и я же проделал всю черновую работу. Я спланировал программу и даже писал сценарии. Я честно отработал свою долю.

— А в кино? — настаивала Вера.— Или это вы написали сценарий для Катамаунта?

— Нет, но мы с Гасом делали для Амоса гораздо больше, чем для любого другого писателя. Мы боялись, он снова начнет пить. Что ни говорите, а мы заслужили свою часть в его доходах хотя бы тем, что все время опекали его, отрывая время от работы. И потом, он, кажется, не возражал.

— Ну, так я возражаю! — заявила Вера.— То, что вы делали для него, вы делали по собственному желанию. Он вас не просил. И деньги он должен был получать на тех же основаниях, что и другие авторы. Сэм Карп сказал: гонорары Амоса просто смешотворны. Тони Кейн, вы его обирали! — А раньше у Амоса были запои? — спросил Бэзил.

— Один раз,— ответил Тони.— Когда он жил с Верой. Она права. Я действительно нашел ей работу в Голливуде, чтобы она оставила Амоса в покое.

— Был еще один случай, когда он хотел выпить, но не пил,— сказала Мег.

Тони удивленно посмотрел на нее.

— Это случилось два года назад. Как-то весной Амос оказался в городе, и мы с ним шли по 57-стрит. На углу Медисон-стрит мы остановились. Потом зажегся зеленый сигнал, но Амос не двинулся с места. Так продолжалось несколько секунд, а потом он сказал: «Я хочу выпить». Он пошел по направлению к бару. Вечер был теплый, и я решила, что захотел лимонада. Мы сели за столик, подошла официантка, и он заказал виски со льдом. Тогда я начала ему что-то говорить и заставила его принять таблетку. Насколько я знаю, до вчерашнего вечера он не пил.

— А куда он смотрел, как вы думаете? — спросил Бэзил.

— Вряд ли на что-то определенное,— ответила Мег.— Мне показалось, он о чем-то думает.

— Куда был направлен его взгляд?

— На противоположную сторону. Там была аптека.

— Он смотрел на аптеку?

— Нет, выше.

— На небо?

— Нет. Скорее — на верхние этажи здания. Но он вряд ли их видел. У него был взгляд человека, который старается что-то вспомнить.

— Или человека, который вспомнил?

Воцарившаяся в комнате тишина вернула Бэзила к действительности. Прежде чем Мег ответила на вопрос, он, делая вид, что ничего особенного не произошло, повернулся к Тони:

— Вы когда-нибудь встречали людей, которые знали Амоса раньше?

— Нет, — сказал Тони. — А вы, Гас?

— Тоже нет.

— Даже когда он стал работать на телевидении?

— Вы правы, — проговорил Тони, приподняв одну бровь. — Мы тоже этого боялись. Но предложение было слишком выгодным, чтобы отказаться. Тогда я предложил Амосу отрастить бороду. Она очень изменила его лицо. К тому же, пьянство тоже сыграло свою роль.

— Может быть, Амоса узнали, а вы этого не заметили? Кто-то пришел из его прошлого и убил его?

— Все может быть, но зачем убивать человека через столько лет?

— Например, из-за собственности, — сказал Бэзил. — Прежний Амос Коттл исчез лет шесть тому назад. Представьте: его объявили мертвым и кто-то наследовал его собственность. Или, например, его бывшая жена еще раз вышла замуж. Потом его видят по телевизору, и тот человек начинает жить в постоянном страхе, что в любой момент все его благополучие может рухнуть. Вот вам и мотив для убийства. К тому же, преступника нельзя найти — ничто не соединяет его с известным писателем Амосом Коттлом.

— Все может быть, — повторил Тони. — Однако Амос был убит тут, и все присутствовавшие при этом известны. Уж не Пуси ли это или — Эмметт Эйвери?

— Или я, — на лице Лептона появилась злобная усмешка. — Я тоже видел его в первый раз.

— И перед встречей запаслись цианистым калием? — спросил Тони.

— А телевизор? — нашелся Лептон. — У меня-то нет телевизора, а вот у Пуси и у Эмметта наверняка есть.

— Я непременно приму это к сведению, — сказал Бэзил и улыбнулся.

Лептон ответил ему поклоном.

— Я, конечно, не психиатр и не сын психиатра, но, может быть, Амос что-то вспомнил и никому об этом не сказал, даже своим ангелам-хранителям?

Гас удивленно посмотрел на него:

— А зачем ему молчать?

Лептон пожал плечами:

— Может быть, ему захотелось своей жизни. А может, нравилось иметь тайну. А вдруг его прошлое было таким, что о нем совестно рассказывать.

Бэзил с интересом поглядел на Лептона: — Вы думаете, он все вспомнил и, не проинформировав компаньонов, разыскал старых товарищей? И кто-то из них его убил?

— А почему бы и нет? — сказал Лептон, которому все это показалось вдруг весьма забавным. — Человек без прошлого достаточно уязвим, разве не так?

— Как вы познакомились с Амосом? — обращаясь к Вере, спросил Бэзил.

— Это было на телестудии. Я работала там ассистентом и должна была готовить программу Амоса. Только что вышла его вторая книга. Это было второе интервью Амоса, а в первый раз он приходил с Гасом. Дочери Гаса удалили миндалины, и он не мог от нее уйти.

— Я виноват, — пробормотал Гас.

— Так мне удалось познакомиться с Амосом. — Вера самодовольно улыбнулась.

— После передачи он пригласил меня поужинать. В тот вечер Амос ничего не пил, но мне купил бутылку шампанского. Потом он стал жаловаться на одиночество, ну а остальное было совсем просто.

— Бедный Амос, — произнес Тони, и его взгляд загорелся злобой. — Можете себе представить, что было с нами, когда мы получили телеграмму: «Два дня назад зарегистрировали брак». Я полетел в Эшвилл и был там как раз вовремя, чтобы привести Амоса в чувство к очередной передаче. Вскоре мне подвернулся контракт с Голливудом для Веры. Она жила с Амосом три месяца, и за это время он не написал ни строчки, только пил.

— Я ему говорила: он должен работать! — крикнула Вера. — Я не хотела, чтобы он бездельничал. Откуда мне было знать, что, выпив рюмку, он уже не может остановиться?

— Вы его раздражали, — вмешалась Филиппа. — Он сам это сказал, когда вы уехали.

— Я вам не верю! — с горячностью возразила Вера, однако в ее глазах мелькнуло сомнение. — Амос вас никогда не любил! Он бы не стал вам ничего рассказывать!

Лептон попытался отвлечь внимание Веры.

— Ни один более или менее талантливый художник не создан для семейной жизни. Вера, вы не виноваты в том, что раздражали Амоса. С любой другой женщиной у него было бы то же самое. Амос был по натуре холостяком. К тому же, он обладал незаурядным интеллектом, а те услуги, которые вы ему оказывали, были, мягко сказать... неинтеллектуальными. Будь вы его любовницей, все могло быть иначе. Но, став его женой, вы сразу же обрекли себя на поражение. Есть такие мужчины, которые ни одну женщину не могут вывести в ежедневных дозах. Да и почему надо такой ценой платить за минутное удовольствие?

— Так может говорить только холостяк, — заметила Филиппа.

Вера величественно выпрямилась:

— Доктор Виллинг вы видели, как эти люди меня ненавидят. Долго мне еще оставаться тут и терпеть оскорбления?

— Ненависть — это уж слишком, — протестующе сказал Гас. — Нам был не по душе ваш брак с Амосом, но вы не имеете права...

— Я имею право думать все, что мне нравится! — заявила Вера. — А вот вы знаете, что думает ваша жена обо мне? Она думает — я бездарная актриса и порочная женщина! Это ее слова!

— Не похоже, чтобы Мег... — Гас, не вставая с кресла, повернулся к жене.

С ярким румянцем на щеках Мег была очаровательна.

— Это правда. Я... Я не думаю, что это что-нибудь изменит, но я приношу вам свои извинения.

— Не изменит, — Вера злобно глядела на Мег. Она совсем потеряла над собой контроль, и в ее голосе уже не было нежности. — Я за все расплачусь с вами, даже если это будет стоить мне жизни!

— Когда ты это сказала, Мег? — спросил Гас.

— Когда узнала о возвращении Веры. Я написала Амосу письмо, — ее голос срывался, — а потом написала Вере и предложила пожить у нас. Я очень волновалась, и письмо к Амосу оказалось в Верином конверте.

— Теперь вы видите? — в глазах Веры появилось торжество. — Доктор Виллинг, я бы хотела вернуться в Нью-Йорк.

— Пожалуйста, — ответил ей Бэзил. — Капитан Дрю просил передать — вы можете покинуть дом, но еще несколько дней должны оставаться в Нью-Йорке или Коннектикуте.

— Прекрасно! — возликовала Вера. — Я пойду наверх и уложу вещи. — Она обвела взглядом всех присутствующих. — А теперь, может быть, хотите знать, что я о вас думаю?

— Нет, — быстро отреагировала Филиппа.

— Вы, как пиявки, пили кровь Амоса. Я уверена — его убил один из вас, и я узнаю, кто это. Мег Веси, пусть я бездарная актриса, но вы еще увидите, какой я могу быть порочной женщиной. — Взгляд Веры остановился на Тони и Гасе. — Завтра утром Сэм Карп назовет вас литературными палачами и предложит или изменить контракт, или судиться.

— Какие у вас основания? — Тони был охвачен яростью.

— У Сэма есть один очень умный адвокат, — сказав это, Вера торжественно выплыла из комнаты. Никто не сделал попытки ее остановить. Никто не произнес ни единого слова, пока на лестнице были слышны ее шаги.

— Голливудские замашки, — проговорила Филиппа. — Циндерелла в голубом шелковом платье с норкой, очаровательная и пылкая дочь народа осуждает высокомерных богачей.

— Я не знала — Вера умеет кричать, — сказала Мег.

— Теперь знаете.

Мег печально улыбнулась Гасу:

— Мне очень жаль, что так получилось с письмом.

Гас взял ее за руку.

— Теперь это не важно.

— Вам было бы легче справиться с Верой, если бы не мое письмо, — покачивая головой, сказала Мег. — Боюсь, она еще наделает вам хлопот.

— Какая разница? — вмешался Тони. — В суде она все равно проиграет. У нас тоже есть умные адвокаты, и они основательно прочесали все контракты прежде, чем я их подписал.

Мег встала. Сейчас она выглядела гораздо спокойнее, чем раньше.

— Меня ждет Полли. Если я вам больше не нужна, доктор Виллинг, то пойду переодеюсь.

— Хотите, я дам вам платье? — спросила Филиппа.

— Спасибо, не стоит. Мы сразу домой.

Бэзил попрощался с Филиппой и в сопровождении Тони и Гаса пошел к двери.

— Думаю, мы еще увидимся, — без энтузиазма проговорил Гас.

— Скорее всего, да, — сказал Бэзил, не отрывая внимательного взгляда от Тони. — Сомневаюсь, что можно распутать этот узел, ничего не зная о Коттле. А где его прежняя одежда?

— Не знаю, — ответил Тони.

— Может, полиция ее сохранила, — предположил Гас.

— Вряд ли, — сказал Бэзил. — Следов на шоссе тоже не отыщешь через шесть лет. Еще никогда мне не приходилось сталкиваться с таким поразительным отсутствием улики. Надо попробовать другой ключ. Он не такой материальный и со временем не меняется.

— Какой? — спросил Тони.

— Романы Амоса. В его четырех книгах, не считая рукописей, должны быть упоминания о том, где он родился, где вырос, в какой семье и так далее.

— Но Амос забыл свое прошлое! — изумленно воскликнул Гас.

— Да, он потерял память, но ведь она не была уничтожена, она просто перешла в подсознание. Однако, насколько я знаю, подсознание играет в творчестве большую роль. К тому же, сознательно не помня правды, Амос не мог солгать. «О, пусть мои враги пишут романы!»

— Теперь понятно, — в голосе Тони прозвучало беспокойство. — Автор каждой своей строчкой выдает себя. Человек есть ложь.

Бэзил кивнул:

— Даже та маленькая ложь, к которой прибегают ежедневно, — ключ к познанию лжеца, потому что это творение сознания и подсознания. Они участвуют в любом творческом акте. Можете себе представить, сколько интересного можно почерпнуть в четырех книгах!

— Значит, художественная литература — это по сути ложь? — спросил Гас. — Или, как говорит моя дочь, сказка?

Бэзил рассмеялся:

— Лучше сказать, и литература и ложь — результат творческого акта, а создатель всегда раскрывает себя в своем создании. Я надеюсь, вы разрешите мне посмотреть рукописи Амоса?

Гас и Тони обменялись беспокойными взглядами.

— Думаю, вы сделаете это и без нашего разрешения, — наконец ответил Тони. — Выпишете ордер на обыск и... Ключи от дома Амоса в полиции. Надеюсь, вы не найдете там ничего, что может понизить наши доходы.

Бэзил испытующе вглядывался в бесстрастное лицо Тони:

— Вы не очень доверяли Амосу Коттлу?

— Я даже себе не доверяю, — ответил Тони.

Машина Бэзила тронулась с места, и Гас сказал:

— Я отвезу Веру?

— Нет, — голос Тони был твердым. — Вера и Мег не могут ехать в одной машине. Я подброшу ее до станции. Пойдемте, посмотрим расписание.

Филиппа только что закурила сигарету.

— Ну и утро, — глубоко вздохнув, сказала она. — Ни одного скелета не забыли.

— Ни одного? — переспросил Лептон, Филиппа встала. Лептон тоже встал и, обойдя стол, подошел к ней. Его темные глаза, казалось, гипнотизировали ее.

— Вы с ним спали? — спросил он едва слышно.

Филиппа не привыкла к подобной прямолинейности и совершила ошибку.

— А вы откуда знаете?

— Ваши глаза, когда вы узнали, что Амос был всего только половиной человека.— Взгляд Лептона стал откровеннее.— Ну и как это... спать с двумя третями призрака? Филиппа вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Я не призрак,— прошептал Лептон.

Он отвел ее руки и обнял. Филиппе показалось,— она вот-вот потеряет сознание. Его губы заставили трепетать каждый ее нерв.

— Морис...— шепнула она и отпрянула.

Ей почудилось какое-то движение. Подняв глаза, Филиппа увидела стоявшую в дверях Веру. Злобное торжество светилось в ее глазах.

Прежде, чем они опомнились, Вера исчезла.

9

В два часа дня Бэзил свернул машину на дорогу, что вела к дому Амоса Коттла. Он просил Эмметта Эйвери быть там ровно в три, и таким образом у него был час для общения с таинственным призраком.

Бэзил взял ключ в полицейском участке. Он открыл дверь и был огушен необычной тишиной, царившей в этом доме, хотя Тони предупреждал его о звукопроницаемых стенах. У Бэзила была своя теория. Он считал, что недостатки современной литературы — результат городских шумов. Шелли никогда бы не написал свое стихотворение о жаворонке, если бы за его окном работал пневматический бур, а в доме напротив на всю улицу орало радио. Однако Амосу было доступно то, что только немногие современные писатели могли себе позволить,— тишина. К тому же, он жил один. В этом доме на Амоса снисходило вдохновение.

И в этом доме Амос был несчастлив. Он глушил алкоголем отчаяние и писал романы, которые своей неопределенностью спровоцировали публичную грызню двух критиков. Теперь, когда Амоса уже не было в живых, Бэзилу казалось — дом заполнен неуловимым эхом прежних звуков. Вот если бы у него был какой-нибудь сверхчувствительный прибор, чтобы он мог пробиться в прошлое и услышать вчерашние голоса. У Бэзила появилось любопытное ощущение — дом хочет о чем-то ему рассказать.

Огромные окна зрительно увеличивали размеры комнаты. Солнечный зимний день, будто сойдя с картины дела Роббиа, сиял совершенной белизной на фоне лазурного неба. Бэзил медленно обвел взглядом комнату. Причудливое окно над камином привлекло его внимание. В этом окне была какая-то нарочитая алогичность. Оно производило зловещее впечатление, как тщательно продуманное сумасшествие. Надо думать — и дом и вся мебель были выбраны Тони, считавшим внешность манекена важной частью общего дела. Ни одна вещь в доме ничего не говорила Бэзилу Виллингу о живом человеке.

В корзине для бумаг Бэзил обнаружил смятую салфетку с коричнево-красными пятнами. Кровь? Присмотревшись, он понял, что это следы губной помады необыч-

ного оттенка, слишком яркого для большинства женщин. Но не для Филиппы Кейн. Такую же помаду он видел на ее губах сегодня утром. Это ничего не доказывает, но может навести на размышления. Очевидно, Амос вовсе не был таким одиноким, как говорили о нем Тони и Гас.

Бэзил быстро осмотрел кухню. Амоса трудно назвать эпикурейцем. Ни в холодильнике, ни в шкафу ничего экзотического. Никаких соусов и приправ. Теперь национальность Амоса перестала вызывать у Бэзила сомнения. Только американец может пить бразильский кофе и есть сухой хлеб, когда даже супермаркеты предлагают товары на любой вкус.

Бэзил и не предполагал найти что-нибудь существенное в доме Амоса, но до такой степени ничего?.. Осталось только посмотреть стол и книжные полки.

На полках в гостиной на самом видном месте стояли книги Амоса в самых разных изданиях. Рядом разместились альбомы и папки с вырезками, статьями и рекламой. Они располагались в хронологическом порядке.

Верхний ящик стола поразил Бэзила идеальным порядком. Стопки бумаги, копирка, большие и маленькие конверты, ручки, карандаши, ластик, неоплаченные и оплаченные счета, налоговые квитанции, чековые книжки — все было аккуратно сложено. Во втором ящике лежали папки, на которых было написано: «Контракты» и «Письма». В третьем — отпечатанная под копирку рукопись, — четыреста двадцать одна страница, в голубой папке с надписью: «Два края земли. Роман. Амос Коттл».

Наверное, это та самая рукопись, о которой говорили Гас и Тони. На ней не было видно ни одной даже незначительной поправки. Очевидно, Амос еще не правил ее. Интересно, он сам перепечатывал или отдавал машинистке?

Другие папки в этом ящике были заполнены рукописями уже напечатанных книг и сценариями. На каждом стояла дата. Первый сценарий был предназначен для январской передачи, а вся программа рассчитана на тридцать девять недель, исключая период отпусков.

Где же черновик романа, который Амос только что начал писать? Где его заметки и неопубликованные рассказы?

Бэзил начал с писем. Все они были деловыми. Ничего личного. Едва ли следовало рассчитывать на сентиментальность человека, потерявшего память. Эмоции — так или иначе продукт памяти, и они накапливаются по мере того, как идут годы и основа *lacrimae rerum* становится яснее. Амос же был ребенком, далеким от мира взрослых чувств.

Кладя папку с письмами на место, Бэзил сделал свое первое открытие.

Когда он пытался задвинуть ящик, тот застопорилось. Что-то застряло в пазу. Амос нащупал препятствие и вытащил его наружу. Это был маленький кошелек из потрескавшейся и поблекшей кожи. Открыв его, Бэзил увидел что-то, завернутое в салфетку. Он развернул ее. Внутри лежало широкое обручальное кольцо с надписью на внутренней стороне: «Г. М. от А. К. 6.10.48», — и прядь красивых каштановых волос, перевязанных белой ниткой. Волосы были того

каштанового оттенка, который на свету отливает бронзовым. Ни один краситель не дает такого цвета. К тому же, они были необыкновенно мягкими на ощупь. Здесь же лежал старый золотой наперсток, окаймленный голубыми и розовыми незабудками, с причудливо выгравированной буквой «Г». Гертруда? Глория? Грета? Гретхен? Гризельда? А, может быть, такое самое дорогое для него имя — Гизела?

Бэзил долго не мог отвести взгляда от найденных им предметов. Наверное, они все принадлежали женщине. Но почему она рассталась с обручальным кольцом? Умерла или развелась? Нет, мужчина не будет хранить прядь волос бросившей его женщины. А может быть, они принадлежали не Амосу, а бывшему хозяину дома? Нет. Вряд ли бы о них забыли при продаже. Скорей всего, они принадлежали Амосу. Знал ли он, что они означали в его жизни? Абсурдно предполагать какие-то чувства у человека, лишенного памяти. А вдруг он хранил их как единственный ключ к прошлому? Наверное, полиция нашла их у него в кармане, когда подобрала его на шоссе. Они вернули вещи, потеряв всякую надежду на опознание. Но ни Амос, ни доктор Клинтон ни разу не проговорились о них Гасу или Тони. Почему? Тони наверняка не стал бы публиковать книгу человека, который был ходячей загадкой. Человека, чье прошлое похоже на готовую в любой момент взорваться бомбу.

Стук в стеклянную дверь прервал размышления Бэзила, и он быстро сунул кошелек в карман.

На фоне блекнущего дня стоял Эмметт Эйвери. Бэзил пересек комнату и открыл дверь.

— Так вот она, цитадель врага! — холодные серые глаза Эмметта с откровенным любопытством оглядели комнату и задержались на рукописи. — Посмертный Коттл?

Бэзил кивнул.

— Должны быть еще набросок нового романа, записная книжка и несколько рассказов, но я их не нашел.

— *De mortuis...* — Эмметт вздохнул. — Теперь нам придется быть с ним повежливей. Для автора в смерти есть определенная выгода. Я столкнулся на станции с Тони и Леппи. Посмотрели бы вы на их удивленные рожи. Пришлось сказать, что встречаюсь тут с вами. Им, конечно, было интересно, зачем, но я и сам не знаю. Зачем я вам нужен, доктор Виллинг? В качестве подозреваемого? Или адвоката дьявола?

— Нет и нет. Вы мне нужны в качестве эксперта. Тони Кейн сказал, что ваш отец был бухгалтером и лучше всех знал, как нужно составить контракт. Вы тоже, кажется, с ним работали? Вот письма. Прочитайте и скажите, что вы о них думаете. Садитесь, пожалуйста.

Эмметт поудобнее устроился в кресле. Не дожидаясь приглашения, принялся читать вслух, как будто то, что он увидел, рассмешило его и хотелось с кем-нибудь разделить удовольствие. У Эмметта был хорошо поставленный голос, и каждое слово он произносил громко и отчетливо.

«Даниел Саттон и компания.

256А Четвертая авеню, Нью-Йорк, 16, Нью-Йорк.

14 января 1952 года.

Мистеру Амосу Коттлу, Уиллоуз, Стрэдфилд, Нью-Йорк.

Дорогой мистер Коттл!

Ваша книга произвела большое впечатление на сотрудников издательства «Даниел Саттон». Однако нам кажется, что ее надо немного сократить и поменять заглавие. У меня, к тому же, есть несколько мелких замечаний.

Во-первых, желательно было бы исключить из книги десятую главу. Во-вторых, восьмую главу, написанную вами от лица японца, нужно переделать так, чтобы она была от лица американского солдата, который у вас погибает во второй главе. Думаю, вам будет нетрудно продлить ему жизнь до четырнадцатой главы. К тому же, мне бы хотелось, чтобы вы включили в роман еще один персонаж — солдата с юга, а то у вас есть солдаты с севера, запада и востока, а с юга нет ни одного. Надеюсь, вам это будет несложно. Хорошо бы, если бы всего солдат было двенадцать. Еще одно и последнее. Было бы неплохо, если бы вы заменили ваших солдат на морских пехотинцев. О них никто ничего не писал. Если у вас есть возражения, поставьте меня в известность. Последнее слово, несомненно, за вами, но мы считаем, что сейчас самое время издать книгу о морской пехоте.

Если шести дней вам будет достаточно, то роман можно было бы издать еще в этом году. Если нет, гридется его отложить до следующего года, но тогда, я боюсь, он потеряет свою актуальность.

Искренне ваш.

Энтони Кейн.

Копия письма отправлена Августу Веси.

Редактор

20 января 1952 года

Дорогой мистер Коттл!

Мы все еще ждем ваш роман, но не больше одного-двух дней. Успеете?

ОТЛИЧНО ОБСУЖДАЮ КОНТРАКТ С
ВЕСИ ПРИВЕТ КЕЙН

2 февраля 1952 года

Мистеру Амосу Коттлу, Уиллоуз, Стрэдфилд, Нью-Йорк.

Дорогой Амос!

Посылаю вам контракт в трех экземплярах на вашу книгу, которая теперь называется «Никогда не зови к отступлению». Тони Кейн подписал его вчера. Подпишите все три экземпляра и один оставьте себе.

Мне не очень нравится пункт 6В, по которому «Даниел Саттон» получает по пятьдесят процентов всех прибылей. Я попытался было его оспорить, но Тони твердо стоит на своем. Он говорит, что первая книга — всегда риск для издательства, что они планируют шумную рекламу, что стоимость книги выросла после войны, что они работают себе в убыток и не продержутся, если не будут получать большую часть. Еще он сказал: если не получать деньги с таких книг, как ваша, они будут не в состоянии издавать настоящие книги. Таким образом, бестселлеры должны помочь в из-

дании шедевров американской литературы. Я ему заявил, что это жестоко по отношению к автору, и Тони с готовностью признал мою правоту. Если мы согласимся, то он отдаст вам все доходы от издания вашей книги в Италии и Финляндии. Думаю, и это неплохо. Жду вашего согласия.

Привет вам от Мег.

Всегда ваш Гас.

P. S. В последнем пункте речь идет обо мне как о вашем литературном агенте. Я буду вести все ваши дела за двадцать пять процентов. Это немного больше, чем обычно платят агентам, но сюда входят и все побочные расходы (например, машинистка, которую вы сейчас не можете оплатить, телефонные переговоры, телеграммы, плата другим агентам в Голливуде, Париже, Лондоне и т. д.). Я мог бы пересылать все счета вам, но думаю, что так в конечном счете будет выгоднее для вас и облегчит нам бухгалтерию.

Г. В.

Эмметт злобно усмехнулся.

— Боже мой! — сказал он. — А я-то всегда считал их приятными издателями.

— А теперь не считаете?

Лицо Эмметта приняло свое обычное выражение.

— Если бы не закон о клевете, я бы их назвал самыми отъявленными мошенниками, которые только жили на свете. Тони — ловкий делец, но Гас-то еще хитрее. Двадцать пять процентов «облегчат бухгалтерию». Ну и ну! «Будет выгоднее». Простите, для кого? Сколько же должно быть телефонных переговоров с Голливудом, чтобы оправдать эти двадцать пять процентов за четыре года! Могу я взглянуть на контракты?

Время от времени Эмметт снисходительно фыркал, как будто прочитал что-то пикантное.

— Неужели Коттл не слышал о контракте, разработанном профсоюзом писателей? Нет пункта об истечении срока действия контракта. Договор на следующие две книги составлен на тех же условиях. Такое бывало лет пятьдесят назад, еще до кино и телевидения. Тогда, действительно, случалось, что автор попадал в бессрочное рабство... Гонорар Амоса — десять процентов розничной цены без увеличения по мере продажи... Тони — пятьдесят процентов от первого тиража, переизданий, сокращенных изданий, фильмов, телепередач, от продажи за границей... Золотая жила! Я не знаю, кто убил Амоса Коттла, но только не Гас и не Тони.

— Итак, на ваш взгляд, это — не обычный контракт?

— Не обычный? Святой Петр! Когда-то начинающий автор шел на все, и издатели этим пользовались. Но сегодня — нет. И даже тогда агенты получали десять процентов. А здесь что-то не то. Письмо, конечно, не объяснение. К тому же, всякие там переговоры начались не раньше, чем через год. Любопытно. После того, как к Амосу пришел успех, Гас должен был сделать попытку заключить с Тони более выгодный договор, но он этого не сделал. Старый договор остался в силе. Единственное объяснение, которое можно этому придумать, — Тони предложил Гасу пятнадцать процентов откупных, чтобы тот за-

ставил Амоса подписать договор. Чудовищно! Получается — Гас не лучше других агентов, прикармливающих деньги своих клиентов. И Тони тоже хорош мошенник!

— А если представить, что Амос раскусил их и собрался возстать? Может ли это быть мотивом убийства?

Эмметт некоторое время обдумывал слова Бэзила.

— Нет. Уверен, что нет. Нельзя доказать, что Гас и Тони действовали противозаконно. Кто сказал, что агенту надо платить не больше десяти процентов? Амос не смог бы предъявить иск. У него не было доказательств. Вот если бы о подобном контракте узнали в деловых кругах, и Гас и Тони в конце концов растеряли бы всех клиентов. Только это могло бы их испугать, но рисковать из-за этого головой они бы не стали. У них сейчас достаточно денег, и они не нуждаются в большом бизнесе. Конечно, если бы Амос понял все и решил бы поискать себе другого агента и издателя... Нет, и тогда ему потребовался бы весьма ловкий адвокат, чтобы аннулировать прежний контракт. Но, возможно, Тони сам бы уступил ради молчания Амоса. Потеря будущих книг Амоса, несомненно, большой убыток, но и, убив курицу, не получишь золотых яиц.

— А Амос был золотой курочкой? Скажите, что вы о нем думаете как о писателе?

— Спросите лучше Леппи.

— Мне нужно ваше мнение. Мнение адвоката дьявола.

Эйвери закурил.

— Хорошо, я попытаюсь быть объективным. Готов даже согласиться, что моя статья во вчерашней «Триб» была не совсем корректной. Тем не менее я не могу считать Амоса ни великим, ни просто хорошим писателем.

— Но его успех?

Эмметт пожал плечами.

— Если бы можно было предвидеть успех, издательства бы не разорялись, а богатели. Никто не знает, какую книгу будут покупать, а какую нет. Кое-что зависит и от удачного момента. Вот, например, повесть «Доктора Джекил и мистер Хайд» издали под самый Новый год, и она с треском провалилась. Зато когда ее переиздали через несколько месяцев, она сделала Стивенсону карьеру. В любом другом бизнесе существуют объективные критерии. Производя сталь или зубную пасту, знаешь, что, если они хорошего качества, их купят. Вы даже можете рассчитать прибыль. Издатель ничего не знает. С самого начала рукопись оценивается субъективно, в зависимости от вкусов и капризов издателей. В наши дни считается шикарным писать непонятно. Таким образом можно рассчитать литературный успех, но коммерческий — никогда. У высоколбых хоть есть литературная мода. У публики нет и этого.

Эйвери выпустил длинное перо дыма.

— Мне бы хотелось, — сказал Бэзил, — чтобы именно вы объяснили мне причину успеха Амоса.

Эйвери злобно усмехнулся:

— Популярный писатель сегодняшнего дня — всегда жалкая копия великого мастера прошлого. Похоже на Третью авеню: предпоследняя парижская мода и баснословные цены. В литературе этот разрыв

обычно исчисляется годами тридцатью. Амос появился как раз в тот момент, когда в моду стала входить проза двадцатых годов, отличавшаяся сбивчивой, намеренно усложненной манерой письма. Популярный писатель оперирует чувствами, не беспокоясь об интеллектуальном содержании, которое он мудро оставляет литературной аристократии. Зато он как дома, когда пишет о насилии, нищете, сексе. Он немного не в ладу с грамматикой, но это только придает его диалогам некоторую остроту. Шагом вперед для популярной литературы был отказ от сюжета, стоивший и авторам и читателям определенного психологического усилия. Теперь даже на телевидении и в дешевых журналах сюжетом жертвуют во имя настроения. Мастера делали это еще в двадцатых годах. В наше время единственным пристанищем сюжета остался детектив. Амос — вот такой типичный популярный писатель своего поколения. Он — Фолкнер толпы. Любопытно другое. Почему вокруг его романов такой ажиотаж, когда каждый год на литературном рынке появляется не меньше дюжины точно таких же книг, но о них немного пошутят и через полгода забывают.

— Реклама? — спросил Бэзил.

— Не совсем. С помощью рекламы книги не продать, зато можно продать фильм, и тогда уже фильм продаст книгу. Нитка тянет иголку. Голливуд купил «Отступление» еще до выхода книги в свет. С тех пор ее коммерческий успех был обеспечен. Более того, можно было ждать денежную лавину в случае, если Амос сможет стряпать свои романы достаточно быстро. В этом причина его успеха. В продуктивности. Он, не останавливаясь, упрямо делал одно и то же на одинаковом уровне все четыре года. У Амоса было то, чего не было у других писателей его типа. Он был чудовищно плодовит. Он должен был кончить телепрограммой и Премией переплетчиков. Он не мог проиграть, да еще с такими поводырями, как Гас и Тони. Вот отчего я ненавижу его книги. Я ненавижу обман. И он заработал чертовски много денег в то время, как у меня выходит сто пятьдесят долларов в неделю, и больше не будет, потому что я не умею стряпать ловкие попури, да еще регулярно раз в год. Но если бы умел, стряпал бы!

— Но ведь Лептон производит впечатление умного человека. Почему он воспринимает Амоса серьезно?

Эйвери опять усмехнулся.

— Можете отнести это на счет профессиональной ревности, но я считаю Лептона и Амоса одного поля ягодой. Писания Лептона — тоже попури, но только его обман не может быть бессознательным. Леппи — законченный циник. Он безнаказанно высмеивает большинство выходящих книг, потому что умеет это делать забавно. Но он достаточно умен и знает, что нельзя высмеивать все, поэтому... извините... я думаю, он берет «Публишез Уилки» и с закрытыми глазами тыкает в страницу булавкой. Та книга, в которую он попадает, становится предметом его похвал. Если популярность ее автора растет, Леппи его поддерживает. Если нет, он его бросает, при этом публикуя статью, в которой говорит, что мистер Икс не оправдал возла-

гавшихся на него надежд... Черт возьми! Любопытнейший альбом. — Некоторое время Эмметт молча листал страницы. — Представляете Амоса, с полной серьезностью наклеивающего сюда все рецензии подряд. Послушайте, что ему пишет Гас:

«Дорогой Амос!

Эта рецензия будет напечатана в «Чикаго Трибюн» на следующей неделе. Надеюсь, она тебя порадует.

С приветом
Гас.

НИКОГДА НЕ ЗОВИ К ОТСТУПЛЕНИЮ.

Роман Амоса Коттла, Даниел Саттон и компания. 3 доллара 75 центов. Критик Марк Киттеридж.

Я взял на себя смелость представить нашим читателям книгу молодого неизвестного автора, который, как мне кажется, заслуживает внимания. Мистер Коттл остро чувствует пустоту человеческой жизни, особенно в военное время. Сцены сражений пронизаны почти физически ощущаемым единством пули и страха.

Но, с другой стороны, роман излишне затянут и несомненно скучен. (Похоже на Киттериджа! Книга замечательная, но чертовски скучная! Боится рисковать.) Ретроспективные страницы книги, дающие представление о довоенной жизни морских пехотинцев, не идут ни в какое сравнение со страницами, где автор описывает войну. Вероятно, мистер Коттл, подобно многим современным романистам, сочиняя слащаво-сентиментальные и сексуально-порнографические эпизоды мирной жизни, которые серьезно вредят его произведению, заранее подумывал о Голливуде.

Желание Амоса Коттла показать своими персонажами, что он уважает местнические чувства и южан и северян и т. д., отдает меркантилизмом. Заглавие «Никогда не зови к отступлению» не соответствует содержанию романа, так как каждый из выведенных в нем бойцов рано или поздно становится готовым к отступлению, только отступить им некуда, разве что в Тихий океан на съедение акулам. Роман стоило назвать совсем просто, что-нибудь вроде «Поля боя». К тому же, он читался бы с гораздо большим интересом, если бы повествовал о пехоте, а не о немногочисленной элите морских пехотинцев. Если же принять во внимание тот факт, что теперь японцы — наши союзники в борьбе против коммунизма, стоило бы ввести в текст хотя бы одну сцену, в которой главным действующим лицом был бы японский солдат. Мне кажется, что эпизод с раненым в живот солдатом спорен с точки зрения вкуса. художественная литература не должна злоупотреблять подробностями, могущими заинтересовать только медиков. Количество непристойностей, произносимых солдатом на войне, с точки зрения солдата первой мировой войны, явно завышено. (Черт возьми, я не знал, что Кит такой старый!)

Бэзилу показалось, что он забрел в мир, столь же экзотично перевернутый, как тот, который открылся Алисе в Зазеркалье.

— Объясните мне ради бога, почему Гас считает, что эта рецензия должна порадовать Амоса?

— Агент всегда считает — чем больше места критик посвящает автору, тем больше тот должен радоваться, — сказал Эйвери. — Но, кстати, для первой книги рецензия не так уж плоха. Ну, а уж пользу Тони извлек из нее максимальную. Вот реклама.

Эйвери повернул альбом так, чтобы Бэзил мог видеть следующую страницу, заклеенную вырезанной из газеты рекламой. На ней был изображен огромного роста горнист в форме морского пехотинца, у ног которого на фоне неясно очерченных пальм корчился, держась за окровавленный живот, бородатый человечек в лохмотьях. Внизу большими буквами было написано:

«НИКОГДА НЕ ЗОВИ К ОТСТУПЛЕНИЮ».
РОМАН АМОСА КОТТЛА.

Эйвери перевернул страницу, и Бэзил прочитал следующее объявление:

«Катамаунт пикчерз» предлагает вам фильм, в котором все

ИЗУМИТЕЛЬНО, ПОРАЗИТЕЛЬНО,
ПОТРЯСАЮЩЕ!

Спенсер Трэси и Рита Хейворт
на самом широком экране в мире
в фильме

«Никогда не зови к отступлению».

Сценарий Лена Гумрута (по роману Амоса Коттла).

Вы увидите очаровательную японскую гейшу, умирающую из-за любви к американскому солдату!

Вы увидите соблазнительную сирену в порту Сан-Диего, укравшую последний доллар у морского пехотинца, отправляющегося в огненный ад войны!

Вы увидите капеллана (Спенсер Трэси), отпускающего грехи атеисту, протестанту и еврею!

Вы увидите огнеметы! танки! напалмовые бомбы!

Наш фильм станет событием в жизни целого поколения американцев...

Вдруг Бэзил поднял голову.

— Может быть, мне кажется... вы не слышите запах горелого?

Эйвери отложил альбом.

— Кажется, да.

Они оглядели комнату. За окнами стемнело, и они видели лишь свои собственные отражения в огромных полосах стекла.

— Должно быть, вы ошиблись, — сказал Эйвери.

— Нет. — Бэзил вскочил. — Смотрите.

Эйвери повернул голову. Через открытую дверь в спальню он увидел тонкую струйку дыма, поднимающуюся между половицами.

— Дверь в подвал? — спросил Бэзил.

— Может, в кухне.

Бэзил вошел туда первым. Толкнув одну дверь, они оказались на улице. Бэзил бросился к другой двери, и перед Эйвери на секунду мелькнул черный дым над алым пламенем прежде, чем Бэзил захлопнул ее.

— Вызывайте пожарных. Потом можете мне вынести бумаги Амоса.

Эйвери побежал к телефону. Бэзил выдвигал ящик за ящиком. Рукописи, рукописи... Рукописи уже опубликованных книг...

Когда Эйвери вернулся, его лицо выражало неподдельный страх.

— Это действительно так важно? В спальне уже горит пол, и здесь полно дыма.

— Хотите — уходите, — сказал Бэзил. — Я должен спасти все, что смогу.

— Вы спятили, — попробовал было его утешать Эйвери. — У Тони и Гаса, наверняка, есть вторые экземпляры и копии всех контрактов.

— А наброски, рассказы, записные книжки?

— А вам-то чего беспокоиться? Вы что, акционер компании «Саттон и Кейн»? Через минуту огонь будет здесь.

Бэзил и сам чувствовал, как пол под его ногами становится все горячее. Дым проник в комнату, вызывая слезы, раздражая горло, вызывая удушье.

Бэзил в последний раз оглядел комнату. Его поиски оказались напрасными. Где же черновики Амоса? Он смутно вспомнил, как Мег говорила о привычке Гаса держать рукописи в салатнице.

Неожиданно длинный язык пламени выстрелил из пола и лизнул край нейлоновой занавески. Она вспыхнула.

Эйвери бросился к двери, Бэзил последовал за ним.

Они успели как раз вовремя. Огонь бушевал во всех окнах. Они с удовольствием вдыхали чистый зимний воздух, благодарные даже за его холод.

Эйвери пристально глядел на Бэзила.

— Это случайность?

— Не думаю, — пробормотал Бэзил. — Я говорил Тони и Гасу — буду сегодня здесь, потому что меня интересуют неопубликованные работы Амоса.

— А я сказал Тони и Леппи, — добавил Эйвери, — что встречу с вами здесь. Но зачем? Убить сразу двух зайцев?

— Нет. Кто бы это ни сделал, он знал — мы успеем выйти.

— Но тогда зачем?

— Он не хотел, чтобы мы здесь что-то нашли.

— Но что?

— Например, черновики Амоса. Или его записные книжки. Или, например, вот это. — Бэзил сунул руку в карман и вытащил оттуда кошелек.

— Не проще ли его выкрасть? И черновики тоже?

— А если их не могли найти? Кошелек я нашел случайно. А черновики не нашел, как ни искал. Предположим, кто-то знал об этих вещах. Не найдя их, он поджег подвал, чтобы они исчезли вместе с домом.

— Все-таки я не понимаю, зачем кому-то беспокоиться, увидите вы черновики или старый наперсток?

— Возможно, — Бэзил, казалось, размышлял вслух, — дом подожгли по совсем другой причине, прямо противоположной.

— Противоположной? — переспросил Эйвери. — Вы думаете, я что-нибудь понимаю?

— Думаю — нет, хотя именно вы подали мне сегодня одну идею.

— Я? Какую?

В эту секунду пожарная машина, оповещающая всех вокруг о своем приближении мощной сиреной, загрохотала по дороге и избавила Бэзила от необходимости отвечать Эйвери.

Перевод с английского
Л. Володарской.

Окончание следует

S

ISSN 0131-6435

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

10

1989

СИБИРСКИЕ ОГНИ

10

ВЫХОДИТ
С МАРТА
1922 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1989

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И НОВОСИБИРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Главный редактор
Г. Ф. КАРПУНИН

Редакционная коллегия:

В. О. АДАРОВ,
В. М. БАШУНОВ,
А. В. ГОРШЕНИН
(зав. отделом прозы),
Н. М. ЗАКУСИНА
(зав. отделом поэзии),
В. И. ЗЕЛЕНСКИЙ,
А. Е. ЗЯБРЕВ,
А. Л. КОПТЕЛОВ,
В. Г. КОРЖЕВ
(зав. отделом критики),
В. А. КРЕЩИК
(ответственный секретарь),
В. Н. МУРЗАКОВ,
А. И. ПЛИТЧЕНКО,
А. В. ПРЕЛОВСКИЙ,
Л. В. РЕШЕТНИКОВ,
А. А. РОМАНОВ
(зам. главного редактора),
В. К. САПОЖНИКОВ,
Д. Г. СЕРГЕЕВ,
А. Т. ЧЕРНОУСОВ,
Ю. Н. ШЕСТАЛОВ,
Г. Е. ЮРОВ,
Н. Н. ЯНОВСКИЙ.

В Н О М Е Р Е:

Геннадий ЮРОВ. Какого цвета Томь-река 3

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ ТОМСКА. Николай ЛИ-
СИЦЫН. Макс БАТУРИН. Андрей ФИЛИ-
МОНОВ. Стихи. 8

ВОЛК В ГОРОДЕ. Рауф ГАСАН-ЗАДЕ. Па-
трициант. К вопросу о свете в конце тоннеля.
Ахилл и Лиза. Алексей БАБИЙ. Психушка.
Василий БЛИЗНЕЦОВ. Дни открывают кра-
ны, выпуская струю человеческих листьев.
Тускнеет луч. Волк в городе. Рассказы. . . 11

Юлия ПИВОВАРОВА. Из книги «Теневая сто-
рона». Стихи 48

Григорий ФЕДОСЕЕВ. Поиск. Повесть. . . 50

Наталья СПИРИНА. КАПЛИ. Стихи. . . . 87

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ДЕТЕКТИВ.
ФАНТАСТИКА

Элен МАК-КЛОЙ. Две трети призрака. Роман.
Окончание 89

ОЦЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий ЗЯБРЕВ. Разговор с земляками. 112

Владимир ЗАПЕЦКИЙ. Колпашевский яр. 131

Новосибирское
книжное издательство

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В СИБИРИ

Т. Н. СОБОЛЕВСКАЯ. Началось с Корнильевых.
В. Н. ВОЛКОВА. Сибирская книга: век XIX—век XX.
А. Л. ПОСАДСКОВ. Книжное дело советской Сиби-
ри: уроки двадцатых. 149

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Павел УЛЬЯШОВ. Загадка гения 163

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РОДИНЫ

ОБЩИНА. Листы бесед Высокого Общинника Восто-
ка. Предисловие академика М. М. Лаврентьева. 171

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи принимаются редакцией в машинописи, в двух экземплярах. Текст печатается через черную ленту, через два интервала на белой бумаге форматом 210×297 мм.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Литературную консультацию начинающим авторам можно получить в писательской организации по месту жительства.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Журналы с полиграфическим браком возвращаются в типографию.

Подпиской и доставкой журнала занимаются отделения Союзпечати.

Журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» № 10 — 1989 г.

Адрес редакции: 630050. Новосибирск, 50, Красный про-
спект, 80. Художественный редактор А. Н. Тобух. Технический ре-
дактор Н. Т. Федорова. Телефоны: гл. ред. — 22-19-41, зам. гл.
ред. — 20-54-28, отв. секретарь — 20-56-29, отд. прозы — 20-56-23, от-
дел публицистики — 20-56-09, отд. поэзии — 20-53-67, отд. критики —
20-55-18, зав. редакцией — 20-54-28.

Сдано в набор 20.03.89. Подписано в печать 17.08.89. МН00216.
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. книжно-журнальная. Гарнитура литератур-
ная и журнальная, рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд.
л. 21,68. Усл. кр.-отт. 15,75. Тираж 95000. Заказ 3010. Цена 80 к.

Типография изд-ва «Советская Сибирь». 630048, Новосибирск,
ул. Немировича-Данченко, 104.

Элен МАК-КЛОЙ

ДВЕ ТРЕТИ ПРИЗРАКА

РОМАН

10

Во вторник утром, когда Вера проснулась в своем номере в отеле, небо опять было серым. У Веры не было сил сопротивляться мрачному настроению, и она смотрела на унылый пейзаж за окном как на личное оскорбление. Даже роскошный номер не радовал. За последние три года Вера привыкла к роскоши и воспринимала ее как нечто само собою разумеющееся.

Наконец узкие, но уже в сетке проступивших вен ножки скользнули в легкомысленно украшенные страусовыми перьями домашние туфли. Поверх кружевной ночной рубашки Вера накинула отороченный мехом шелковый пеньюар из нежно-голубого шелка. Потом позвонила и заказала в номер апельсиновый сок и кофе.

В гостиной Вера включила телевизор. По пятому каналу передавали новости:

— ...А теперь переходим к последним новостям по делу Амоса Коттла. Вчера вечером пожаром уничтожен дом писателя в Вестоне, штат Коннектикут. Спасти удалось лишь несколько документов, вынесенных из огня доктором Бэзиллом Виллингом, психиатром, и Эмметтом Эйвери, известным критиком. Полиция штата Коннектикут имеет все основания подозревать, что дом был подожжен умышленно, однако личность преступника не установлена. На бирже...

Вера выключила телевизор и задумалась. Дом стоил по крайней мере тысяч пятьдесят. Страховка тоже, наверное, на такую сумму, но выплатят ли страховку, если дом подожгли? Сможет ли она...

Зазвонил телефон.

— Кто это? Сэм? Вы вовремя пришли. Поднимайтесь. Я как раз собираюсь пить кофе.

Столкнувшись возле двери с официантом, Сэм пропустил его вперед, и тот вкатил в гостиную столик. Как у большинства представителей его профессии, манеры официанта представляли собой смесь нахальства

и напускной вежливости. Циничным взглядом он отметил каждую мелочь во внешности Веры и Сэма, как бы внеся в свой внутренний каталог их возраст, социальное положение, даже их тайные пороки. Оболочка вежливости истончилась до крайности, когда Вера сунула ему весьма скудные чаевые и заказала еще одну чашечку кофе. Бедный Сэм, которому хотелось, чтобы его все любили, незаметно вложил официанту в руку доллар.

Вера уселась за стол и стала пить кофе. Для нее было естественно взять себе единственную чашку, а Сэм должен был ждать, хотя, не добавь он доллар, ждать пришлось бы напрасно. Это был один из тех случаев, когда бескорыстный порыв должен был немедленно вознаградиться...

Однако официант не спешил. Когда же он наконец пришел, кофе оказался совсем холодным, и Сэм глотал его без всякого удовольствия, пока Вера облегчала душу рассказом о своих несчастьях. В глубоко запятанных глазах пухлого, с загорелой лысиной Сэма таилась печаль. Это были глаза мудрого человека, но мудрость не приносит счастья. Даже Вера не могла отделаться от ощущения, что его глаза видят больше, чем ей бы этого хотелось.

— Так-то,— произнесла, наконец Вера и, отбросив со лба прядь медных волос, закурила сигарету.— Машина в руках Гаса и Тони. Они называют себя литературными душеприказчиками. Это все, что я знаю. Если я не могу от них избавиться, то хотя бы получить сполна все, что причитается. Пусть Гас берет десять процентов, Тони — пятнадцать... Нет, лучше тоже десять. И потом, я хочу видеть завещание Амоса.

Сэм вздохнул:

— Да, детка, тебе нужен хороший адвокат, а не агент.

— Но вы сказали...— Вера почувствовала, как ее охватывает ярость.

— Детка, ситуация изменилась. Амос умер. Если бы он был жив, я мог бы заманить его к другому агенту и другому издателю, но даже тогда Гас и Тони имели бы все права на уже изданные книги. Переманить агента и издателя — все равно, что пе-

ременить жену. Будущее меняется, но прошлое остается, как было. Понимаешь? Так что... Но с той минуты, как человек умер, его имущество замораживают, пока не уладят все его дела.

— Значит, я связана по рукам и ногам? — Вера кипела от злости.

— Пожалуй, что так. Тони и Гас будут плачивать вам столько же, сколько они платили бы Амосу, будь тот жив. И все. Сейчас, когда Амос умер, нельзя изменить контракт. Труп не может поставить под бумагами свою подпись.

— Черт! — Вера была похожа на разъяренную тигрицу. — Значит, я не могу подать в суд?

— Нет, подать в суд можно на кого угодно, но вот выиграете ли вы процесс — другое дело. Какие у вас основания для суда?

— Вы же сами говорили, это чудовищно — Гас получает двадцать пять процентов, а Тони — пятьдесят. Может быть, подать за вымогательство?

— Дьявольски трудно будет доказать, — сказал Сэм, покачав головой.

— Но тогда почему они получают больше других? Если это не вымогательство, то что?

Сэм пожал плечами.

— Амоса не назовешь деловым человеком. Что такое автор? Обычно ему нравится думать, что он ничего не смыслит в делах, так сказать, причислять себя к художественным натурам, джентльменам, короче говоря, ко всем тем, кто стоит выше грязного бизнеса. Кроме того, автор рад-радешенек, когда его печатают, и готов подписать все, что ему подсовывают. Издатели этим пользуются, но это скорее со-вращение, чем изнасилование, — сказал Сэм, довольный удачным сравнением. — Понимаете, автор первой книги ужасно похож на девственницу, попавшую в лапы старого распутника-издателя, который прекрасно знает, что он делает, и знает, что автор ничего не знает. Но какое ему до этого дело? Разве он отвечает за автора? Конечно, нет. Он ни к чему его не принуждает, разве лишь подталкивает в нужном направлении. У всех издателей есть бланки контрактов с отпечатанным текстом. Их они подсовывают в первую очередь. Если автор или его агент что-нибудь смыслит в делах, они берут ручку и вычеркивают половину пунктов, вписывая свои условия. Некоторые издатели и не пробуют возражать. Мне кажется, они даже больше уважают того автора, который знает себе цену. Кстати, мужчины тоже больше уважают тех женщин, которые знают, чего они хотят. Но если автор молод и глуп, то издатель делает с ним, что хочет, не испытывая при этом ни злости, ни благодарности. Я думаю, подобное произошло с Амосом. Ему не повезло, потому как его агент не лучше его издателя. Они оба нечестные люди.

— Нечестные? — переспросила Вера, ухватившись за неосторожно вырвавшееся у Сэма слово. — Тогда...

— Ну, все относительно, — поспешно произнес Сэм. — Взгляните на это дело с точки зрения агента. Он служит посредником между автором и издателем. Но кто для него важнее? Конечно, издатели. С ними ему приходится сталкиваться чаще. У него не один автор, и завтра ему придется идти

к тому же издателю с другой книгой. Что тогда?

— Но ведь автор платит ему деньги!

— Это конечно, — Сэм пожал плечами. — Но зачем автору агент, у которого плохие отношения с издателями? Агент всего только человек, и ему надо быть дипломатом. Он может биться за хорошие условия для автора бестселлера, но тогда новых авторов приходится пускать по дешевке. Иногда он, наоборот, вынужден придерживаться бестселлера, чтобы издатель взял новичка.

— Но почему Гас не потребовал для Амоса лучших условий, когда он получил известность?

— Спросите у Гаса.

— Ничего не скажет. Он и его жена меня ненавидят.

Поразмыслив некоторое время, Сэм сказал:

— Думаю, вам не стоит подавать на них в суд. Вы ничего не докажете, хотя, признаюсь, все это кажется мне очень странным. Как говорил мой отец: «В этом деле больше скрытого, чем явного».

— Но что это может быть, Сэм?

— Не знаю. То, о чем вы рассказали, кажется мне любопытным. Два парня заправляют карьерой Амоса, как будто он не человек, а робот... Ну и дела! В тридцать лет или, сколько ему там было, сорок не помнить ничего, кроме последних пяти-шести лет. Нет, на полную амнезию не похоже. Есть, ходить, говорить, читать, писать он умел. Но не знает, кто ты? Кем был? Странно, полиция ничего не раскопала.

— Может, они не очень и старались? Может, Гаса и Тони устраивало, как есть?

— Наверное.

— Зато теперь полиция будет стараться.

— Детка, не очень этому радуйся. Вдруг у Амоса уже была жена?

Вера вздрогнула. Второй человек говорит ей об этом.

— Сэм, я прошу вас, пусть Гас и Тони заплатят мне сейчас, пока ничего не случилось, все, что возможно.

— Я постараюсь, — сказал Сэм, но его голос звучал не очень уверенно. — С имуществом и страховкой придется подождать, пока юристы все не выяснят и не установят личность Амоса. Может быть, у него есть другие наследники. Думаю, сообщать об его амнезии не будут, поэтому дело может затянуться. Но в конце концов им придется сообщить в газетах. Забавно, трудно даже представить себе, кто бы мог быть убийцей.

— Что вы говорите?

— Нет, конечно, не вы.

— Сэм, как вы смеете?..

— Вы ничего не выигрываете от этого, — невозмутимо продолжал Сэм. — Никто не выигрывает, а кое-кто много теряет.

— Могут быть и другие мотивы, кроме выгоды.

— Какие?

— Ненависть, страх, шантаж, наконец. А вдруг Гас или Тони раскопали в прошлом Амоса что-то ужасное и шантажировали его? Чтобы не рисковать, они и заключили с ним такой контракт?

— Убедительно. Но зачем им его убивать?

— Может быть, Амосу надоело, и он послал их к черту, не думая о последствиях? Сэм тщательно взвесил слова Веры.

— В этом что-то есть. Как душеприказчики они остались владельцами его книг. Если бы он их бросил... Но с другой стороны, мертвый Амос не может ничего написать.

— Бросив их, он все равно перестает для них писать. Какой им интерес оставлять его в живых?

— Он хотел их бросить?

— Нет, но я сразу стала уговаривать его это сделать.

— Они знали об этом?

— Я сказала Мег, а она могла передать Гасу или Тони.

— Нет. Тот, кто убил Амоса, думал об убийстве заранее. — Сэм встал. — Да, детка, все очень запутано. Теперь мы никогда не узнаем, что в действительности произошло между Амосом, Гасом и Тони. — Он грустно улыбнулся. — Я вам рассказывал анекдот о человеке, который на пари послал анонимные письма пяти самым уважаемым гражданам города? Во всех письмах было написано одно и то же: «Немедленно уезжайте. Все раскрыто». Юмор в том, что на следующее утро ни одного из тех пятерых не было в городе. Интересно, а если бы Гас и Тони получили такие же письма?

Вера оставила его слова без внимания.

— Сэм, вы пойдете к ним сегодня?

— Детка, а что это нам даст? Лучше подождать, пока завещание не войдет в силу.

— Ну, а насчет роли на Бродвее?

— Как раз сейчас я веду переговоры. А пока есть один кадр в телешоу. Сегодня в три проба. Продюсер — Джо Грималкин, так что лучше не опаздывать.

— О'кей, но один кадр... — Вера вздохнула. — Грошй.

— Для начала сойдет. Телевидение — хорошая реклама для талантов. Так или иначе, поддержим про запас. Пока...

Сэм ушел, и Вера опять осталась одна. Одиночество действовало на нее ужасно, хуже плохой погоды... Вера любила суматоху, компании. После ухода Сэма она долго лежала в теплой ванне, потом тщательно оделась в скромное голубое платье от Диора, приколола сапфировую брошь. Что ж, если Сэм не захотел пойти в логово льва, она пойдет сама.

Контора «Саттона, Кейна и компании» помещалась в старом издательском районе на Четвертой авеню. Она несколько расширилась за последнее время и занимала теперь два этажа в старом обшарпанном доме. Тони с презрением относился к мелким издателям, которые бросились нанимать конторы в Радио-сити, но в конце концов все равно разорились.

Вера, не в силах подавить брезгливость, вошла в лифт, и еще большую брезгливость она ощутила в приемной Тони. Голые серые стены, продавленный диван, стол, лампа, полки с книгами и обложка какой-то книги в рамке на стене вовсе не походили на голливудское представление о конторе издателя. Вера вспомнила, что декоратор Катамаунта неплохо заработал на роскошном интерьере мраморно-стеклянного кабинета, в котором редактор Рэй Милланд в белом костюме и с розовой гвоздикой в петлице просматривал корректуру и одновременно пел что-то приятным баритоном.

Эта картинка не вызывала у Веры сомнений. Голливудское представление о

жизни устраивало ее куда больше, чем сама жизнь. В течение многих лет она старалась реформировать реальность на манер голливудского фильма и очень близко подошла к своему идеалу во всем, что она сама говорила, носила, думала; однако не зависимая от ее контроля жизнь продолжала упрямо сопротивляться. Шикарные декорации часто ускользали от нее, как теперь ускользала счастливая развязка.

В конторах некоторых нью-йоркских журналов Вера чувствовала себя уютнее. Книжные издатели просто-напросто боялись истратить лишнюю копейку, и потому у них такие ужасные конторы. Жалкая конура с крошечным окошком! А секретарша! Бедняжка, как она умудряется одновременно печатать и отвечать на телефонные звонки! В приемной у Рэя Милланда сидели три свежие, улыбающиеся девушки с красиво подкрашенными губками и ноготками — секретарша, телефонистка и машинистка.

Вера напустила на себя строгий вид, однако ее голос прозвучал, как всегда, нежно:

— Передайте мистеру Кейну — его хочет видеть миссис Коттл.

— Ой... — вырвалось у секретарши. Ее глаза стали круглыми от любопытства, и у Веры мелькнула мысль: наверное, ей надо было надеть черное платье, хотя голубой костюм от Диора ей явно больше к лицу.

Вера сделала вид, что изучает картинку на стене, пока секретарша что-то невнятно бормотала в трубку. Вера гордилась своими манерами. Она умела держаться так, будто ее ничего не интересует, а на самом деле вслушивалась в каждое произносимое слово. Сейчас она действительно ничего не могла разобрать, и это ее раздражало.

— Миссис Коттл, мистер Кейн вас ждет. Я покажу, как пройти.

— Благодарю вас, — сладким голосом произнесла Вера.

Тони занимал угловую комнату с окнами на две стороны. Ни один продюсер в Голливуде не потерпел бы ни потертых кожаных кресел, ни потрешанного ковра, ни заваленного рукописями и книгами письменного стола. О том, что это — кабинет Тони, а не какого-нибудь другого издателя, можно было узнать только по фотографии Филиппы и несколькими снимкам Амоса. Под одним из них, где Амос был изображен с трубкой в руке и лохматым псом у ног, аккуратным почерком было написано: «Лучшему из друзей и мудрейшему из издателей от Амоса Коттла».

Тони поднялся навстречу Вере. Гас, продолжая сидеть, подвинул ей кресло. Вера села, постаравшись принять позу поизящнее.

— Вы сегодня гораздо лучше выглядите, — добродушно сказал Тони.

— Спасибо, — произнесла Вера хорошо тренированным голосом.

В Голливуде для этой сцены написали бы совсем другие слова. Что-нибудь вроде: «Крошка, ты выглядишь на миллион долларов!» Однако Вера поняла: пусть на свой старомодный лад, но Тони постарался сказать ей приятное, и ответила ему подходящей для такого случая застенчивой улыбкой.

— Тони, я пришла поговорить с вами о деньгах. На что я могу рассчитывать? — спросила Вера, стараясь производить впечатление беспомощной женщины, которая всецело зависит от воли мужчины.

Тони зачем-то переложил бумаги с места на место и откашлялся:

— До того, как завещание Амоса войдет в силу, ничего нельзя сказать точно. Мы с Гасом только что изучили состояние дел на прошлую субботу. Мы получили несколько тысяч от продажи «Страстного пилигрима». Через несколько недель подоспеет второе издание, и тогда будет еще. Около семи тысяч нам дал «Неуправляемый корабль». Через несколько месяцев мы получим от Книжного клуба кругленькую сумму. Я обычно платил Амосу раз в шесть месяцев. Теперь это должно было быть в мае, но ввиду особых обстоятельств могу предложить вам аванс, то есть то, что полагается Амосу на сегодняшний день. Что-то около девяти тысяч. Премию я вам отдам, как только получу ее. Однако на второе издание «Страстного пилигрима» пока не рассчитывайте. Надо посмотреть, как его будут покупать. — Тони помолчал. — Понимаете, Вера, пока не объявились другие наследники, я хочу рискнуть. Но если они все же объявятся, мне придется рассчитываться с ними из собственного кармана.

— У меня есть около трех тысяч телевизионных денег, — сказал Гас. — Это последние. Из них тысяча сто двадцать пять долларов принадлежат Амосу, и вы можете их получить.

Эти условия были гораздо великодушнее тех, на которые рассчитывал Сэм. Будь он тут, непременно бы полюбопытствовал, откуда такая неожиданная щедрость. Но Вера своим жадным ограниченным умом ухватила только одну деталь из всего, что было сказано.

— Тысяча сто двадцать пять долларов из трех тысяч! — она со злостью глядела на Гаса. — Немного, не правда ли? Полторы тысячи — Тони и триста семьдесят пять — вам! — Таковы условия договора, — твердо сказал Гас.

Красивое лицо Тони превратилось в застывшую маску. Его голубые глаза сурово глядели на Веру.

— Берите или не берите, ваше дело. Десять тысяч — совсем неплохо для женщины, особенно в первые месяцы вдовства, тем более у вас есть собственные источники дохода. На мое предложение вы должны ответить сегодня. Может быть, завтра я уже не захочу рисковать. Если у Амоса есть другие наследники, тогда как минимум часть денег должна принадлежать им.

— Почему же вы отдаете их мне? — в голосе Веры, еще не потерявшем своей нежности, послышался намек на рыдания.

— Потому что вы сидите без гроша, — грубо отрезал Тони. — Может быть, полиции не удастся найти других наследников. А если они найдутся, я вычту эти девять тысяч из вашей доли доходов от посмертных изданий.

Намерение Тони сделать все, как он сказал, не вызывало сомнений. Вере показалось, что перед ней каменная стена. Ей даже не пришло в голову задуматься о

великодушии Тони. В Голливуде любая сумма в четыре цифры считалась мелочью, недельным заработком, а Гас и Тони предлагали ей на девять тысяч жить несколько месяцев. Придется уехать из отеля. Придется отказать себе в весеннем гардеробе, а ведь с его помощью она рассчитывала начать карьеру на Бродвее. Вера переживала горькую минуту, однако ее тренированное лицо оставалось спокойным. Только губы дрогнули. Она ненавидела Тони и Гаса так, как никого никогда, даже Амоса.

Однако сейчас было не время спорить. И не время бороться. Сейчас надо думать. Вера резко повернулась к Гасу:

— Я думала о том, что будет с книгами Амоса дальше, и вспомнила, как Сэм Карп рассказывал мне о знаменитом писателе, который умер на вершине славы. Кажется, его звали Фрэнк Эймз, и он писал о капитане Доноване. Сэм говорил, что, когда он умер, его вдова и издатель объединились и наняли человека, который еще долго писал им книги о капитане Доноване под именем Фрэнка Эймза. Почему бы нам с вами не нанять кого-нибудь и пусть он пишет под именем Амоса Коттла.

Продолжая крутить в пальцах карандаш, Тони вздохнул:

— Потому что Амос, в отличие от Фрэнка Эймза, настоящий писатель.

— Но Фрэнк Эймз умер очень знаменитым!

— Правильно, и все же он был литературным поденщиком. Капитан Донован — полицейский. Фрэнк Эймз писал детективы, которые стали модными совершенно случайно, благодаря нескольким фильмам. Детектив может написать любой человек. Это такая же работа, как у слесаря или плотника. Я всегда думал, что авторам детективов надо платить жалование, а не гонорары. Пусть бы получали себе немного, остальное шло бы издателю, потому что его дело куда более рискованное. Когда Фрэнк Эймз умер, любой смог бы писать вместо него. Но, Вера, Амос был настоящим художником, и его искусство умерло вместе с ним. Он был единственным в своем роде. Никто не может писать, как Амос Коттл, ибо нельзя писать как Толстой или Пруст.

— Я ничего не понимаю, — Вера была смущена. — В Голливуде что писатель, что слесарь — одно и то же. Если во время съемок что-то не ладится, режиссер звонит в студии и говорит: «Пришлите писателя». При этом ему совершенно наплевать, какого именно писателя ему пришлют.

— Ну, у нас это иначе, — с легким смешком сказал Гас. — Нам не все равно, какого писателя издавать. Не думаю, чтобы Тони когда-нибудь позвонил мне и сказал: «Есть свободное место на осень. Пришли мне писателя».

— Мы старомодные люди, — вставил Тони.

— Вот именно! — в сладком голосе Веры появился кислый привкус, как в лимонных леденцах. Она встала и презрительным взглядом обвела комнату:

— Не будете ли вы так добры прислать мне чек в отель?

— Я прослежу, чтобы его отправили не медленно,— сказал Тони и, встав из-за стола, открыл дверь.

— До свидания, Гас,— сказала Вера, подарив ему на прощание долгий взгляд. — Не забудьте передать привет вашей очаровательной жене.

Гас покраснел.

Тони заставил себя проводить Веру до лифта. Они посетовали на плохую погоду, поговорили о последних испытаниях атомной бомбы. Это было похоже на перемирие во время войны. Пришел лифт. Нежно улыбаясь, Вера кивнула на прощание, и Тони еще несколько минут смотрел на закрывшуюся за ней дверь, испытывая при этом странное ощущение, будто он видел Веру в последний раз.

Вера тоже испытывала странное ощущение, что ее бросили на произвол судьбы. «Неуправляемый корабль» — так называлась одна из книг Амоса. Вера подошла к газетному ларьку, но этой книги там не оказалось. В три часа она должна быть на пробе. Разве это роль? Долларов сто пятьдесят, не больше. Что делать?

Вера бесцельно побрела по Четвертой авеню, потом по Пятой, где ее внимание привлекли витрины магазинов. Женщины, которые живут в Калифорнии, мечтают попасть в Манхэттен. И вот она здесь, на одном из самых роскошных рынков мира, но у нее нет денег, чтобы что-нибудь купить...

Заглядевшись на витрины, Вера прошла мимо отеля. Возвращаясь обратно, она шла мимо маленьких магазинчиков с соблазнительно выставленными напоказ твидом и кожей, льном и кружевами...

Вдруг на углу она увидела высокого человека, который стоял и смотрел на верхние этажи расположенного напротив дома. Что-то неуютно знакомое поцудилось Вере в очертании его профиля. Потом она вспомнила, что видела его у Тони. Это был психиатр, работавший на полицию. Бэзил Виллинг.

Вера была уверена — он ее не заметил. Он стоял совершенно неподвижно, и пристальный взгляд его карих глаз был устремлен в небо, как будто в облаках он искал ответа на какой-то вопрос. Мечтатель, подумала Вера. И лентяй. Слоняется по улицам вместо того, чтобы работать. Разве такому раскрыть тайну смерти Амоса? В фильмах, которые видела Вера, убийства раскрывались туповатыми полицейскими или молодыми веселыми любителями, которые танцевали, пели, обменивались шутками с очаровательными подозреваемыми женского пола. Бэзил не походил ни на тех, ни на других.

Вера исподтишка наблюдала за ним, пока он, наконец, не повернулся и не пошел по направлению к центру города. Движения Бэзила были медленными. Вере они даже показались вялыми. Как будто он, не связанный временем, просто слонялся по улицам. Обнажив в хитрой усмешке белые острые зубки, Вера подумала: «Слишком поздно... слишком поздно».

Вера торопливо — в противоположность Бэзилу — пошла дальше, и ей вспомнилось, как называли когда-то первого Уолдорфа, владельца ее отеля: «Роскошь в массе». Говорили еще, что стоит выставить вечером туфли за дверь, и утром их можно

получить позолоченными. Она-то этого уже не узнает...

Вера направилась было к комнате администратора, чтобы отказаться от номера, как ей в голову пришла одна идея... Идея была дерзкой, но... риск — благородное дело, а ей очень хотелось остаться у Уолдорфа. Она резко повернула к лифту.

Горничные уже побывали в номере, и в нем царил идеальный порядок. В любом другом отеле обслуживание не будет таким быстрым и незаметным. Вера села за письменный стол, придвинула к себе лист бумаги и улыбнулась, припомнив слова Сэма Карпа: «Немедленно уезжайте. Все раскрыто». Нет, это слишком грубо. Надо что-то более тонкое. Никакой точной информации у нее нет, значит, надо сыграть на необычности ситуации. Сблефовать. Разве это не забавно — шантажировать шантажистов? И она написала:

«Дорогой Тони!

После того, как мы сегодня расстались, я узнала всю правду об Амосе и обо всем остальном тоже. Спасибо за девять тысяч. Надеюсь получить еще один чек на такую же сумму.

Искренне ваша

Вера».

Даже в полиции вряд ли смогут придумать к такому письму. В нем нет ни слова о том, что ей должны заплатить за молчание. Но Тони не глуп. Он все поймет. Во всяком случае, показывать письмо полиции он не станет.

Такую же записку Вера написала Гасу, требуя прислать ей дополнительный чек на тысячу восемьсот двадцать пять долларов. Вера подумала и решила послать письма на домашний адрес обоих, чтобы любопытные секретарши не сунули в них свой нос.

Довольная собой, она несколько минут сидела, не двигаясь и ни о чем не думая. Неожиданно ей в голову пришла еще одна идея. Вера взяла еще один лист бумаги и написала:

«Дорогая Филиппа!

Я буду рада, если вы навестите меня завтра во второй половине дня. Я пригласила Мориса Лептона».

Ловко. Ни один полицейский ничего не поймет и ничего не докажет. А Филиппе все будет ясно. У нее должны быть свои деньги. В крайнем случае, великолепные изумруды, что были на ней в тот вечер, наверняка ее собственные.

«Дорогой мистер Лептон!

Я буду рада, если вы навестите меня завтра во второй половине дня. Я пригласила Филиппу Кейн».

Литературный талант не входил в число достоинств Веры, поэтому, найдя пригодную фразу, она использовала ее еще и еще раз вне зависимости от личности человека, которому писала. Покончив с письмами, Вера спустилась в холл, купила марки и бросила письма в почтовый ящик, после чего впервые за много дней с легким сердцем отправилась в бар, решая по дороге, что бы ей выпить перед ленчем.

Вера ошиблась, когда думала, что ее слежка осталась незаметной для Бэзила Виллинга, просто в тот момент ему было не до нее. Он надеялся только на то, что Ве-

ра не подойдет к нему и не заставит обмениваться ненужными любезностями.

Бэзил пришел на тот самый перекресток, где Амос и Мег стояли два года назад, и Амос пережил душевное волнение, чуть было не приведшее его опять к запою. Что же могло его так потрясти?

Встретил старого знакомого? Нет, вряд ли. Мег говорила, что он смотрел на верхние этажи дома напротив. Узнал чье-то лицо в окне? Тогда он бы помахал рукой, или хотя бы улыбнулся тому человеку, или отвернулся. Но он не сделал ничего подобного. Он просто стоял и смотрел. Он был — как в трансе. Что же он увидел? И, может быть, этого что-то уже тут нет?

Дом напротив не представлял из себя ничего особенного, с аптекой в подвале и маленькими магазинчиками и конторами, занимавшими несколько этажей. Он не был ни очень новым, ни очень старым, ни бедным, ни роскошным. Как две капли воды, походил на множество других домов в этом районе. Но, по крайней мере однажды, в нем было что-то такое, что привлекло внимание обычного прохожего. Или это могло привлечь внимание только Амоса?

Может быть, Бэзил зря с таким вниманием рассматривает фасад? Может быть, надо взглянуть на него как-то неожиданно? Тогда, наверное, что-то непонятное сейчас же выступит, станет понятным в массе ненужных деталей?

Бэзил отвел глаза, посмотрел на покрытое облаками небо. Потом он бросил быстрый взгляд на дом и... вывеска на четвертом этаже тотчас привлекла к себе его внимание:

Гортензия HAUTE COUTURE

Она притягивала к себе взгляд как косо повешенная на стене картина. Европейец, приученный читать слева направо, сначала непременно заметил бы вторую строчку и только потом первую. «Haute Couture Гортензия.» Такая вывеска наверняка вред делу.

В рекламе пользуются всякими приемами. Пишут собственные имена с маленькой буквы, воспроизводят скоропись, используют такой шрифт, что его невозможно понять. Но во всем этом есть какая-то цель. Здесь никакой цели не было. Единственное, чем можно было объяснить эту небрежность, заключалось в том, что у Гортензии когда-то была компаньонка и второе имя стояло раньше впереди. Потом компаньонка умерла или отошла от дела, а у Гортензии не хватило денег, чтобы переделать вывеску.

Предположим, что именно эта вывеска привлекла внимание Амоса. Чем? Именем Гортензия? Или он видел вывеску в ее первоначальном виде? Кажется, что-то вырисовывается. По знакомому имени взгляд скользит без остановки. Но если что-то меняется, человек остановится и будет вспоминать то, чего он не видит теперь. Наверное, пропущенное имя что-то значило для Амоса.

У Бэзила не было оснований предполагать, что в тот вечер к Амосу вернулась память. Даже если то имя и имело какую-то связь с прошлым, мог бы его и не вспомнить. Но память, похороненная в подсоз-

нании, была потревожена и, вероятно, оказала влияние на мысли и чувства. И это влияние было таким мучительным, что Амосу захотелось успокоительного воздействия алкоголя.

Бэзил медленно пересек улицу. Подобно многим людям, обладающим острым умом, он ненавидел физическую активность, проявляемую в суматошности, не находил ничего привлекательного в драках и погонях. Не убыстря шаг, он прошел мимо аптеки. Лифт поднял его на четвертый этаж, и на одной из дверей Бэзил увидел точно такую же надпись, как на фасаде:

Гортензия HAUTE COUTURE

Бэзил толкнул дверь и оказался в жалкой гостиной. Черная пыль Манхэттена осела на когда-то белой краске стен, на полу лежал зеленый ковер с вытоптанной посередине тропинкой. Бэзил почувствовал трогательную жалость к хозяйке претенциозной вывески: упрямая швея, несмотря на тяжелые времена, продолжает бороться с чудом массового производства.

Бэзил еще не успел позвонить в колокольчик, как из-за занавески вышла маленькая пожилая женщина, затянута в черное платье. На поясе у нее висели ножницы и подушечка для иглолок. Увидав мужчину, женщина удивилась.

— Извините, что беспокоил вас, — сказал Бэзил. — Я всего на минутку. Не было ли у вас много лет назад компаньонки?

— Да, — резко ответила женщина, поняв, что визит не сулит ей никакой выгоды.

— Давно?

— Шесть лет назад.

— А что с ней случилось?

Бэзилу показалось, что он почти видит вопрос, который крутится у нее в голове: «Какое ваше дело?» Но женщина не стала его задавать. Хотелось побыстрее отвлечься от докучливого посетителя и вернуться к работе, поэтому она ответила:

— Вышла замуж и уехала в Шотландию.

Проговорив это, повернулась, чтобы уйти, но Бэзил остановил ее:

— Как звали вашу компаньонку?

На сей раз женщина уже не стала сдерживаться:

— Чего вы хотите?

— Я ищу человека, который потерял память, и мне кажется, он был знаком с вашей компаньонкой.

Бэзил не знал, покажутся ли его слова убедительными или придется предъявить документы.

Однако женщина, окинув его долгим взглядом, ответила:

— Мы тогда назывались «Гирзель и Гортензия». Ее и в самом деле звали Гирзель. Гирзель Стюарт. А меня зовут Ханна, но нам казалось, что Ханна не очень подходит к «HAUTE COUTURE». Гирзель тоже не очень подходит, но в нем есть что-то шикарное. Может быть, потому что оно шотландское и редко встречается.

Бэзил вытащил воскресную «Таймс» с фотографией Амоса и развернул ее так, чтобы не было видно подписи.

— Вы встречали этого человека?

Женщина несколько секунд рассматривала фотографию.

— Нет. Никогда.

— Может быть, он был тогда без бороды? — спросил Бэзил и прикрыл пальцем нижнюю часть лица Амоса.

— Подождите. Он случайно не актер? Мне кажется, я видела его по телевизору.

— Вполне возможно. Но меня интересует, не встречали ли вы его раньше.

— Нет. А почему вы думаете, что я должна его знать?

— Не исключено — он был знаком с Гирзель Стюарт.

— Может быть, и был, но я никогда не видела их вместе. Гирзель не очень-то зналась с мужчинами. В Шотландии у нее оставался жених, и они каждую неделю писали друг другу письма.

— Последний вопрос. Вы не знаете, не было ли в жизни Гирзель какого-нибудь потрясения или трагедии?

— Нет. Единственное, что огорчало нас обеих, — мы никак не могли заработать побольше денег. Но потрясением это не было. Мы знали — шитьем много не заработаешь, но ни она, ни я не умели ничего другого. Мы рассчитывали найти несколько постоянных клиентов, которые предпочтут шить на заказ, но ошиблись. Теперь я занимаюсь починкой и переделкой старого.

После этих слов Бэзил отклонялся и вышел на улицу. Может быть, Амос был знаком с другой Гирзель? Тогда он мог обратить внимание на вывеску до того, как потерял память. Гирзель — имя редкое, и часто видеть его написанным невозможно. Потом, когда он был уже Амосом Коттлом, странная вывеска встревожила его, но это понятно. Где-то в подсознании выплыло пропущенное имя и напомнило его Гирзель, которая много значила для него в жизни. Наверное, от воспоминаний о ней он и старался освободиться. Тогда понятно, почему на кольце стоит буква «Г». Гирзель была его трагедией, и она привела к амнезии. Пожалуй, только так можно объяснить и возбуждение Амоса, и желание напиться после нескольких лет суровой трезвости.

Придя к себе в контору, Бэзил позвонил знакомому сотруднику полиции, который занимался розыском пропавших лиц.

— Вы уже, наверное, изучили все архивы? Какие результаты?

— Никаких. Скорее всего, этот парень прилетел на землю на летающей тарелке.

— Кажется, у меня есть немного информации для вас. Забудьте об Амосе Коттле. Представьте себе обычное исчезновение.

— Хорошо. Давайте ваши данные.

— Мужчине, которого вы ищете, около тридцати лет. У него тяжелая болезнь позвоночника. Его инициалы «А. К.». Он приехал со Среднего Запада, был врачом или студентом-медиком. Десятого июня 1948 года женился на женщине по имени Гирзель. Вероятно, она родом из Шотландии. Она любила шить, и у нее были красивые каштановые волосы с медным отливом. Она умерла лет семь назад, и примерно в это время мужчина, которого мы ищем, начал пить. Обстоятельства ее смерти, по-видимому, были необычными. Может быть, убийство или самоубийство.

— И это — немного информации? Черт возьми, да через несколько часов мы будем все знать. Врачи — люди известные, и они не могут исчезать бесследно. Я прямо сейчас и займусь этим. Если он работал в Нью-Йорке, то у него должно было быть

разрешение на врачебную практику. Если, к тому же, Гирзель умерла здесь, то это совсем просто. А ведь есть еще налоговые документы, страховки. Слава богу, у нее не обычное имя. Но даже если бы ее звали Мэри, то и тогда информации вполне достаточно. Вы уверены, что он был врачом?

— Да.

— И что об его исчезновении было заявлено шесть лет назад?

— Нет. То, что он исчез тогда, — это точно. Но вот было ли об этом заявлено, я не знаю.

— Странно.

— Да нет. Мы ищем человека, у которого или не было близких друзей, или он растерял их, когда запил. Возможно, этот человек сознательно или бессознательно хотел убежать от чего-то ужасного.

Вернувшись вечером домой, Бэзил перечитал статью Лептона о последнем романе Амоса Коттла. Один отрывок привлек его внимание:

«...Эдгар Варн, студент Чикагского университета, — главный герой романа Амоса Коттла «Страстный пилигрим». Действие начинается с того, что Варна исключают из университета за то, что он изнасиловал и чуть было не убил студентку с Гавайев. Амос Коттл пишет об этом с деликатностью человека, понимающего, какие ужасные трагедии могут таиться в человеческих отношениях. И читатель следит за перипетиями излагаемых Коттлом событий, затаив дыхание. Варн с благородным смирением принимает обрушившуюся на него кару. Его огорчает лишь изменившееся отношение к нему друзей. Трогательное впечатление производят те страницы, на которых рассказывается, как Варн, отсидев свой срок, возвращается и приглашает бывших друзей на вечеринку в свой бедный домик. Однако к нему приходит только пьяный репортер-гомосексуалист. Варн с горечью понимает, что его лицемерные друзья, эти снобы-буржуа, его отвергли, но даже тогда он находит в себе достаточно сил, чтобы думать о будущем. Варн становится барменом в одном южном ресторане, что дает Коттлу возможность нарисовать восхитительные портреты бродяг и проституток. Образы, вышедшие из-под пера Коттла, — земные, соленные, сдобренные озорным юмором и наделенные даром сострадания. Они вовсе не похожи на лицемерных буржуа, бросивших Варна в трудную минуту.

Однако легкая дорога к социальному признанию не удовлетворяет Варна. Его беспокойная душа ищет ответы на великие вопросы, которые человек задает себе в течение последних шести тысяч лет. Итак, Варн отправляется в паломничество к истокам знаний. Он читает все, что только попадает ему под руку. Поступает в Гарвардский университет на богословский факультет. Варн уже близок к цели, когда декан узнает о прошлом Варна. Коттл сурово бичует профессиональных блюстителей привычной морали.

Впервые Варном овладевают сомнения в непогрешимости бога. Он отправляется в путешествие, которое приводит его сначала в Лондон, потом в Рим и на Дальний Восток, однако его поиск остается безрезультатным. В конце концов, Варн умирает в одном из ночных клубов Сингапу-

ра от сифилиса. Великолепно, волнующе написана исповедь Варна оказавшейся рядом с ним проститутке. «Я хочу с тобой проститься»,— говорит он ей, но она даже не слушает его. И великая, написанная Коттлом fuga заканчивается плачем о жизни, представляющей из себя бесконечное падение. Последние слова Варна разбиваются о невнимательное ухо. И он уходит в небытие, нелюбимый и забытый всеми...»

Когда Бэзил отложил газету, в глазах его было сомнение. Может быть, Варн — это патологический автопортрет Коттла, в котором эротика заменила алкоголизм и церковь — медицину. Со вздохом Бэзил решил, что ему придется прочитать роман Коттла. Однако братья, на ночь глядя, за четвереста пятьдесят страниц «Страстного пилигрима» Бэзилу не захотелось, и он отправился спать.

11

В среду чары мороза рассеялись. Нью-Йоркская погода сыграла одну из своих шуток. Температура подскочила до отметки двадцать пять, засветило яркое солнце, и интеллигентные горожане, встречаясь друг с другом, говорили: «Красавица-весна выглядывает из зимы».

В те дни, когда дети собирались в школу, все напоминало сумасшедший дом. Не успев проснуться, Полли до самого выхода из дома на все лады варьировала одну и ту же тему:

— Мапочка, посмотри, как тепло на улице! Никто из наших девочек не носит рейтузы. Только малыши носят рейтузы. Джейн Смит ходит в брюках. Салли Стивенс ходит в носках. Почему мне надо надевать рейтузы? Я их не люблю, а на улице светит солнце.

Хью был достаточно взрослым, чтобы разумно одеваться и быстро съедать свой завтрак. Полли умела одеваться сама, но о разумности пока и думать было нечего. Ее аппетит напоминал капризный апрель. Так что Мег всегда завтракала после ухода детей.

В это утро Мег, как всегда, с тревогой прислушивалась к тому, что ее голос звучит все резче и резче, а сама она все больше напоминает кудахчущую курицу. Гас, не обращая ни на что внимания, спокойно пил свой кофе и просматривал почту. Хью ушел, чтобы на улице подождать школьный автобус. Мег нагнула пальто и вместе с Полли спустилась вниз. Ждали они недолго. Медленным, величавым шагом принцессы, отправляющейся на коронацию, Полли подошла к автобусу. Она ни разу не обернулась, ни разу не помахала рукой. Такое могли позволить себе только малыши...

Мег вздохнула. Сначала детей увозят в детский сад, потом в школу, потом Полли поедет на работу, потом будет замужество и материнство, потом и вовсе неведомое. Неизвестно, что готовит детям это ненадежное время. Когда Мег, как сейчас, пыталась проникнуть в будущее Полли, она будто воочию видела уходящую от нее маленькую фигурку. Уходящую в неизвестное будущее, где не будет ни мамочки, ни теплых рейтуз. На мгновение Мег за-

хотелось броситься вслед за дочерью, обнять ее и удержать время хотя бы на одно мгновение и хотя бы на один лишний поцелуй.

Мег вернулась... Гас все еще просматривал почту.

Мег разложила письма на три стопки. Одно письмо было личное, и на нем стоял адрес отеля. Мег вскрыла его и стала читать.

— О...

Ее голос напугал Гаса, и, отложив рукопись, он подошел к жене. Она протянула ему листок бумаги:

— Это от Веры.

Гас нахмурился.

— Гас, ради бога, о чем она пишет?

Он немного помедлил, потом сказал:

— Будь я проклят, если знаю.

— Это похоже на... шантаж,— выдавила Мег.

— Так оно и есть,— согласился Гас.— Но я не буду покупать kota в мешке. Ей придется высказаться определеннее. Думаю, она решила блефовать.

— Это неразумно,— медленно проговорила Мег.— Что она может знать такого, за что ты будешь ей платить?

— Вера блефует,— повторил Гас.— Злит-ся: я получаю двадцать пять процентов, и она предполагает в этом какую-то нечестность.

— Какая нелепость!— воскликнула Мег.— Вы столько сделали для Амоса. Чем бы он был без вас?

— Интересно, Тони она тоже послала письмо?

— Почему ты думаешь...

— Но Вере точно так же не нравятся его пятьдесят процентов.

— Эта женщина сошла с ума!— голос Мег звучал слишком эмоционально, как будто она хотела возместить этим недостаток убежденности.

Гас стал складывать бумаги в полевую сумку:

— Я, пожалуй, заскочу по дороге к Тони.

Он надел пальто, перчатки, взял в руки шляпу. Мег принесла его сумку и подставила губы для поцелуя.

— Гас!— она обеими руками обхватила его за шею.— В ваших делах с Амосом, правда, не было ничего нечестного?

— Конечно, нет,— решительно сказал Гас и улыбнулся.— Не беспокойся.

Гасу нравилось жить в центре города. Он пешком добирался до своей конторы и, в случае надобности, до контор своих деловых партнеров тоже. Гас шел, наслаждаясь солнцем и теплом, с удовольствием просматривая на радостные лица прохожих. Древний скрипучий лифт поднял его на этаж, где помещалась контора Тони Кейна. Секретарша встретила его улыбкой:

— Мистер Кейн только что пришел. Он вас ждет.

Гас всегда свободно проходил к Тони, но сегодняшний прием все же удивил его.

— Мистер Кейн просил меня позвонить вам,— пояснила секретарша,— и сказать, что ему надо немедленно вас видеть.

Проходя по коридору, Гас видел в открытые двери склонившихся над столами мужчин и женщин. У Тони работали только молодые редакторы, недавние выпускники

колледжей: он платил меньше всех в Нью-Йорке. Накопив кое-какой опыт, его служащие переходили в другие фирмы, где получали сносные оклады, а Тони опять собирал у себя цвет студенчества. Тони обучил больше редакторов, чем любой другой издатель.

— Привет, Гас! — Тони, засунув руки в карманы и не вынимая изо рта сигареты, стоял возле окна, смотрел на улицу. — Не может быть, чтобы до вас успели дозвониться. Телепатия?

— Совпадение, — ответил Гас и бросил на стол письмо.

— А... Вы тоже получили... Наша маленькая Вера удивительно предусмотрительна. Не желает упускать ни одного шанса.

Гас пристально смотрел Тони в лицо и думал о том, насколько тот сильнее его. Управлять издательством труднее, чем агентством. Когда Тони бывает чем-то раздражен, у него начинают топорщиться волосы и он выглядит вовсе не таким мягким и покладистым, каким бывает с друзьями. «Я бы не смог, — думал Гас, — долго выдерживать, если бы мне каждое утро приходилось работать до завтрака».

Люди, знавшие Тони как радушного хозяина, едва ли узнали бы его сейчас. Не узнали бы его и авторы, в отношении которых Тони высказывал столько товарищеского участия и редакторской внимательности...

— Копия мистеру Веси, — мрачно пошутил Тони, сравнивая оба письма. — Вера не грешит разнообразием, даже вымогая деньги.

— Что теперь делать? — спросил Гас.

— На шантаж не может быть другого ответа, кроме: «Печатай и будь проклят!»

— Миллионы на защиту и ни цента на дань? — подхватил Гас.

— Правильно. А что нам терять? — Тони безотрывно глядел на Гаса. — Мы не сделали ничего незаконного.

— Слава богу, — прошептал Гас.

— Если Вера жаждет скандала, она его получит, но ей он обойдется дороже, чем нам.

— Вы с ней поговорите?

— Ни в коем случае. — Тони разорвал письмо на мелкие клочки и выбросил в корзину. — Все. Я уже забыл о письме и вам советую. Если мы будем вести себя спокойно, Вера поймет, что ничем нас не задела.

— Разве не задела?

— Вас — может быть, но не меня. Гас, чего нам бояться? Даже с финансовой точки зрения это больше не имеет значения. Я согласен: Амос был мне чертовски полезен, когда я давил на Дэна Саттона, чтобы он сделал меня своим компаньоном. Тогда он был моим козырем. Я сказал Саттону: «Мне надоело быть на жаловании. Я хочу стать вашим компаньоном и получать свою долю прибыли». Дэн знал, что у меня не было денег, но у меня был сенсационный писатель, и если бы я ушел, то вместе со мной он потерял бы и Амоса. Для него это был бы тяжелый удар. Дэн умер через два года, и с тех пор я веду все дела фирмы. Сейчас у нас есть другие писатели, не хуже Амоса: Брэдстрит, Эллен Гарбор и десяток других. Они нам приносят неплохие деньги. Если подсчитать еще доходы от детективов и учебников, то я вполне могу обойтись без Амоса Коттла, если будут лезть в мои дела.

Гас задумчиво кивнул. Тони сказал правду. Амос приносил ему ежегодно много денег, но «Саттон и Кейн» в настоящее время могли пережить его смерть, не обанкротятся и даже не особенно экономя.

— Гас, вы тоже можете жить спокойно, — продолжал Тони. — Гайл Симпсон даст вам престиж, а Ирвинг Кроссман и Артур Агат — деньги. Вы тоже обойдетесь без Амоса Коттла.

— Мне будет труднее, — возразил Гас. — Помню, в тот вечер я сказал Мер: «Такой автор, как Амос Коттл, может обогатить или разорить маленькое агентство — типа моего».

— Даже если вам придется немного умерить свой пыл, лучше сделать это, чем платить Вере, — резко сказал Тони. — А может быть, вам улыбнется удача и вы найдете другого Амоса Коттла.

— Вы так думаете? — Взгляд Гаса стал жестким.

— А почему бы и нет? — Тони в первый раз за все утро улыбнулся. — Порвите письмо и забудьте о нем. Извините, мне надо работать.

— Ладно, — сказал Гас и направился к двери, однако остановился на полдороге. — Насколько я понимаю, вы мне звонили, чтобы узнать, получил ли я письмо?

— Правильно.

— Интересно, кому еще она могла написать?

— Не знаю. — Тони пожал плечами. Он выбрал линию поведения и собирался следовать ей, независимо от того, что надумает Гас. А Гас, спускаясь в лифте, завидовал самообладанию Тони и думал о том, что же все-таки могла узнать Вера...

Ничто на свете не смогло бы заставить Филиппу подняться с постели рано утром. Когда бы она ни проснулась, в девять или в двенадцать, если в этот день у нее не было гостей, то завтракала в постели. Большую часть своей юности Филиппа провела во французской школе в Швейцарии, где это было общепринято, и она не могла и не хотела отказываться от приятной привычки, которую разумные французы никогда не считали преимуществом роскошного образа жизни. Самые дешевые студенческие отели в Сорбонне автоматически включали в число своих услуг *café au fait* или шоколад с булочкой. Правда, французские завтраки далеко не самые лучшие в мире. К тому же, если у клиента вдруг возникали материальные затруднения, то в кофе могло оказаться слишком много цикория, а хлеб слегка зачерстветь. Но Филиппе было все равно, лишь бы не готовить завтрак самой. Нет, она вовсе не возражала повозиться с холодной закуской перед приходом друзей, а потом, надев поверх вечернего платья шелковый фартучек, грациозно порхать по гостиной с керамической салатницей, но только в том случае, если посуду после приема гостей вымоет прислуга. Однажды она совершенно серьезно заявила Тони, что в бедности самое ужасное — это самой себе готовить завтрак.

Как правило, жизнь все же дает нам то, чего мы больше всего хотим, и Филиппа была уверена, — когда она проснется, какая-нибудь Кати, или Аманда, или Симонетта войдет в комнату с большим подносом,

накрытым очаровательной вышитой скатертью, на котором будет такая же салфетка, вазочка с одним цветком, чашка из баварского фарфора, серебряный кофейник, фрукты, яйца, подсушенный хлеб. И все будет именно таким горячим или холодным как надо. Та же девушка принесет и утреннюю почту, которую можно не торопясь просмотреть за второй чашкой кофе.

Ее горничная уже вынула из пачки писем все счета, проспекты и просьбы о благотворительности, чтобы вручить их вечером Тони. Филиппе приносили только письма, адресованные лично ей, и еще приглашения, так что за завтраком она никогда не отказывала себе в удовольствии слегка посплетничать со старыми друзьями. В это утро последним ей в руки попало письмо из отеля Уолдорфа. Она аккуратно разрешила конверт оправленным в перламутр и серебро ножом для бумаг и начала читать, но тут колени ее судорожно дернулись и кофе пролился на красивую льняную салфетку. Филиппа терпеть не могла беспорядка на подносе, поэтому она отставила его в сторону, не кончив завтрак, и откинулась на кружевные подушки.

За всю свою жизнь Филиппа не получала ничего подобного. Ей даже в голову не приходило, что ее можно шантажировать. Первые минуты она была, как в шоке, и не столько думала об опасности, сколько об отсутствии у автора вкуса. Что ж, Вера выросла среди белощеek в нью-йоркских трущобах и, как рожденный в их грязи болезнетворный микроб, должна быть без сожаления уничтожена.

Но у Филиппы был трезвый ум, и она быстро пришла в себя. Уничтожить Веру ей будет трудно. Какие у Веры могут быть правила! Она уважает только силу.

Филиппа приняла ванну, оделась, правда, несколько быстрее, чем обычно, и стала смотреть расписание. Если она поспеет на следующий поезд, то во втором часу уже будет в Нью-Йорке.

Бросив свой маленький «Остин» на станции, Филиппа в последнюю минуту вбежала в вагон поезда. На Центральном вокзале она взяла такси и сказала шоферу адрес.

В первый раз она ехала к Морису домой. Даже в мыслях она не могла называть его Леппи, это приятельское мужское прозвище унижало его в ее глазах.

Выйдя из такси, она одобрительно оглядела тихую улицу, одним концом упиравшуюся в парк, другим — в реку. Дом был большим, но не слишком, с вежливым консьержем, мягким ковром в холле, лифтом и почти так же хорошо вымощенным, как в частном доме, лифтером.

С нарочитой развязностью она спросила, на каком этаже квартира мистера Лептона, и лифтер, не выразив при этом никаких эмоций, ответил: «Десятый Б, мадам, направо», — что для Филиппы послужило убедительным доказательством происшедших перемен. Так или иначе, на нее это действовало успокаивающе. Сегодня женщины ее возраста и положения, которое можно было определить по платью и манерам, нередко поддерживали с мужчинами типа Мориса деловые контакты и довольно небрежно посещали их квартиры, не вызывая при этом скандала. Правда, Тони сказал

бы: эти женщины, как правило, не замужем, но откуда лифтеру знать, замужем она или нет, так что все в порядке. Найдя на двери маленькую перламутровую кнопку, Филиппа нажала ее.

Морис сам открыл дверь. Он был в тапочках, домашних брюках и не застегнутой у горла спортивной рубашке.

— Фил?! — удивился он.

Она улыбнулась, на секунду ощутив к Вере почти благодарность. Без ее мерзкого письма Филиппе не так-то легко было бы найти предлог, чтобы вот так заявиться к нему домой. Она так сильно была влюблена в него сейчас, что испытывала неодолимое желание видеть его, прикоснуться к нему, быть с ним рядом.

Филиппа прошла в гостиную, нетерпеливо, с жадностью оглядывая все вокруг. Комната была именно такой, как она воображала. Китайский ковер с изумительным бежевым рисунком, под цвет ковра фарфоровая посуда, красное и тиковое дерево, стеклянные книжные шкафы, закрывающиеся на ключ, особые шкафы для редких изданий, короче говоря, ничего похожего на ужасные квартиры современных писателей с книжными полками, забитыми собственными изданиями и переизданиями, с несколькими ходячими романами в дешевых бумажных обложках на виду, копией какой-нибудь современной скульптуры и пахнущими цветами в горшках.

Комната была угловая, окна выходили в парк и на Пятую авеню, в конце которой виднелись фонтаны, а высоко над ними — главное здание штата, как призрачный замок, серый мираж...

Филиппа заметила в углу пишущую машинку.

— Тут вы и работаете! — восторженно воскликнула она.

— Да, — коротко ответил Леппи и, улыбаясь, вынул лист из каретки.

— У вас не должно быть от меня секретов!

— Я никому не показываю черновые варианты, — сказал Морис, — не хочу, чтобы кто-нибудь видел незаконченную работу.

— Даже я? — Филиппа подошла к нему совсем близко.

— Даже вы, — ответил Морис с улыбкой, несколько смягчившей резкость его слов. Он обнял Филиппу и поцеловал в губы, но в его поцелуе не было обычной страсти, Филиппа отпрянула.

— Вы получили письмо от Веры?

— Получил. — Его лицо будто окаменело.

— Насколько я понимаю, вы тоже.

Филиппа кивнула:

— Какая гнусность... Самая настоящая... Но нам-то что делать?

— А что делает Тони, если узнает? — нахмурившись, спросил Морис.

Филиппа попыталась улыбнуться, но ничего не получилось.

— Я думала об этом все утро. Вера, конечно, ничего не знает обо мне и об Амсе, ее единственный козырь против меня — это вы. Тони ее не любит, но...

— Но что?..

— В нем есть что-то циничное. Он может поверить в самое плохое о любом человеке и, как все циники, очень боится быть обманутым, лишь бы никто не подумал, что он наивен. Для него цинизм — своего рода защита, его нельзя одурачить, — он ни-

кому и ничему не верит. До сих пор удача сопутствовала мне, или я просто была осторожна. Но может быть и так, что он намеренно смотрит в другую сторону, не желая во мне обманываться. Однако если кто-нибудь, например Вера, заставит его обратить на меня внимание, он может стать очень неприятным. Даже если сделает вид, что верит мне, все равно будет подозревать во всех грехах и я потеряю свободу, которой наслаждалась до сих пор.

— А что он делает со мной? — спросил Морис, невольно улыбаясь ее бессознательному эгоизму.

Филиппа удивилась — этот аспект проблемы не приходил ей в голову, но не встревожилась.

— О, никакого насилия. Тони хорошо воспитан. Мне трудно предсказать, как на него подействует ревность, но думаю, если мы будем все отрицать, Тони и в голову не придет требовать развода, он даже будет усиленно демонстрировать свои дружеские чувства к вам, но вы не верьте. Он поссорится с вами, но эта ссора не будет иметь ничего общего со мной, и вы перестанете встречаться, и мы тоже, если только тайно... Я совершенно уверена — Вера ждет чего-нибудь в духе Голливуда: Тони стреляет в вас, я плачу, все судорожно дышат, хлопают ресницами и говорят незаконченными фразами по последней моде. Этого ничего не будет, но может быть хуже. Мы сохраним видимость, но на самом деле мой брак умрет, ваша дружба с Тони тоже, да и наша любовь...

Морис кивнул:

— Вам не откажешь в проницательности. Именно так все и будет.

— Если только... — произнесла Филиппа и остановилась в раздумье.

— Если только что? — резко спросил он.

— Если только я сама не попрошу у Тони развода.

Морис заметно вздрогнул.

— Во имя всех святых, зачем? — почти прокричал он.

Однако любовь слепа, и Филиппа не заметила выражения откровенного ужаса в его глазах.

— Тогда я смогу стать вашей женой.

Морис ничего не отвечал. Пауза затянулась. Обычно бледное лицо Филиппы покраснело. Теперь в глазах Мориса ясно читалось решение, это были глаза хирурга, которому осталось только выбрать соответствующий инструмент.

— Ждите, пока вас попросят! — он выбрал грубость.

Филиппа была похожа на человека, которого ударили в самое сердце, но он еще настолько возбужден, что не чувствует боли.

— Морис... — и подошла, чтобы обнять его.

— Филиппа, вспомните о своем возрасте, — Лептон перехватил ее руки и не допустил объятий. — Я не зеленый юнец, а вы не наивная дурочка. Кому, как не нам, знать, что это не вечно. И с вами, и со мной это бывало и раньше, и было приятно, но не портить же себе из-за этого всю жизнь! У вас нет и пенни — только то, что вам дает Тони, а у меня не было и не будет таких денег, к которым вы привыкли.

— Мне все равно.

— Но мне не все равно. Как вы думаете, почему я до сих пор не женился? Я не хочу жены. Я хочу быть свободным. Я хочу жить один на один со своей работой и со своими мыслями. Я хочу приходить и уходить, когда мне захочется, и я не хочу никому подчиняться. Я не хочу ни на ком паразитировать. Я не нуждаюсь ни в жене, ни в ребенке, мне не нужны ни кошка, ни собака, ни канарейка. Я — это я, Морис Лептон, и все, чего я прошу от остального человечества, чтобы меня оставили в покое. Вы только что сказали — любовь. За всю мою жизнь я ни разу никого не любил и не полюблю. Уж вам-то надо было бы знать, что такое интеллектуальная жизнь. Человек всегда один. Он должен быть один. Если бы я женился на вас, я не вынес бы этого. Я сошел бы с ума!

Филиппа сделала шаг назад, и Морис отпустил ее руки. Ее лицо опять побледнело.

— Я никогда никого не любила, пока не встретила вас.

— Что за глупость, из всех мужчин выбрать именно меня! Где ваш здравый смысл? Я — это мужской вариант старой девы. Для меня — мука даже несколько дней делить с кем-нибудь квартиру. Но главное не это. Я не хочу ссориться с Тони. Для критика он очень полезный друг.

— Почему бы вам не подумать об этом раньше?

— Я уважал ваш здравый смысл и уж никак не думал, что вы в состоянии пасть перед мужчиной. Послушайте, Филиппа, у нас один выход. Мы прекращаем наши отношения, и тогда не имеет значения, что Вера наговорит Тони. Он ей не поверит.

— А если я подтверждаю ее слова?

В глазах Мориса зажглась ненависть, но он холодно проговорил:

— Тогда я убью вас. Непременно.

Филиппа еще не успела отреагировать, как из передней послышался звонок.

Лицо Филиппы полностью преобразилось. Еще секунду назад оно было лишь отражением разрухи и хаоса, но теперь вновь стало прекрасным и непроницаемым.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросила она спокойно.

— Нет.

Морис открыл дверь. На пороге стоял Бэзил Виллинг.

— Я... — сказал он, но увидел Филиппу и остановился.

— А я как раз собиралась уходить. — И Филиппа с заученной медлительностью начала натягивать перчатки.

— Пожалуйста, проходите, — проговорил Лептон, самообладание которого также было достойно уважения. — Весьма неожиданное удовольствие. Разрешите ваше пальто.

К тому времени, как Бэзил сел, Филиппа уже надела обе перчатки, но будто и не собиралась уходить. Она привлекла внимание Бэзила к очаровательному виду из окна, к игрушечным машинкам далеко внизу:

— Манхэттэн великолепен, не правда ли?

Может быть, вы уделите мне несколько минут, миссис Кейн?

— Пожалуйста, только называйте меня Филиппа, — и она улыбнулась.

— Я хочу, чтобы вы оба мне помогли, — сказал Бэзил, взглядом включая в разговор и Мориса Лептона. — Я пришел, потому что

хочу узнать профессиональное мнение о писательских способностях Амоса. Обвинение я уже выслушал в лице Эмметта Эйвери, теперь хотелось бы послушать защиту.

— Леппи поможет в этом лучше меня. — Она в первый раз назвала — Леппи. — Определить количество золота в самородке — его профессия. Я же всего-навсего жена издателя.

— Я думаю, Амос был великим человеком, — сказал Морис. — Его оригинальность, возможно, результат полной независимости мышления. Я был смущен и заинтригован с самого начала. Теперь я думаю, все объясняется его амнезией. Это был зрелый и, несомненно, образованный человек, знает, его мозг должен был сохранить все плоды образования, но избавить себя от эмоциональной памяти, условностей, предразсудков, пристрастий, словом, всего того, что наполняет нас. Он был вроде лупы из идеально отполированного хрусталя и видел все до мельчайших деталей. У остальных людей мозг напоминает вогнутое и подкрашенное стекло, которое искажает цвет и форму всего, что видит человек. Эйвери однажды назвал Амоса бесчеловечным, но мне кажется, он был сверхчеловеком.

— Тогда почему другие критики, например, Эйвери и Киттеридж, относятся к нему совсем иначе?

— Так уж им положено, — сказал, улыбаясь, Морис. — Поймите, одни становятся критиками, потому что в них есть что-то садистское, другие становятся садистами, потому что они критики от рождения. Бывает так и так. Садизм критика — это профессиональная болезнь, как шахтерский силикоз.

— Но вы тоже критик, — возразил Бэзил.

— Должно ли это мешать моей объективности по отношению к критике — как виду искусства? — рассмеялся Лептон.

— По-вашему, психология критика похожа на психологию убийцы? — спросил Бэзил.

Слово «убийца» внесло некоторый холодок, последовала пауза, потом Лептон улыбнулся, как улыбается шахматист, который видит на несколько ходов дальше противника.

— Психология критика больше похожа на психологию отравителя. Он не убивает, а всего лишь уродует и пытается. Это больной человек.

— Почему, Морис? Вы это серьезно? — не выдержала Филиппа.

— Разве вы, Филиппа, — криво усмехаясь, сказал он, — до сих пор не поняли патологичности критики. Критик — это больной человек, потому что литератор, и живет разрушением литературы, он — как птица, разоряющая собственное гнездо, а это — извращение. Если он честный человек, как я, то признаёт, что предпочел бы создавать, но... не может. Вот он и преобразовывает свой крах в агрессию, но в книжном мире агрессию называют критикой и за нее платят деньги. Даже если критик хвалит книгу, все равно разрушает, потому что нужно разложить ее на составные части, чтобы узнать, как она живет. Анализ противоположен синтезу, как жизнь противоположна смерти. Биологи уже изучают под микроскопом живую материю, сохраняя ей

жизнь, но книга — это такой хрупкий организм, что критик, разлагая ее на части, убивает книгу прежде, чем кладет под микроскоп. Никакая питательная среда не сохранит жизнь параграфу, вырванному из контекста, а так как даже самые плохие критики любят литературу, то все мы похожи на тех любителей животных, которые вынуждены заниматься вивисекцией, чтобы заработать себе на жизнь.

— Значит, вы все же приносите пользу как литературные мусорщики? — подсакал Бэзил.

— Ну, мы, бывает, хвалим плохие книги и осуждаем хорошие, — возразил Лептон. — Мы слишком следуем литературной моде, и нам трудно этого избежать. А кто любит ястреба? Нет, Виллинг, критик — это не мусорщик. Критик — это человек, который столь впечатляюще оправдывает свои симпатии и антипатии, что непрофессионал думает, будто он размышляет, исследует, а не оправдывает. Эмметт Эйвери никогда не признается, но я так же искренен в своей неискренности, как Сент-Бёв... Интересно, насколько Эмметт в своей статье прав? Знать бы, кем в действительности был Амос, но мы этого никогда не узнаем!

— Узнаем, — сказал Бэзил.

— Вы так думаете? — Морис бросил на Бэзила острый взгляд.

— Мы уже знаем, что он был врачом, что приехал с Запада, он пил и был женат на шотландке с каштановыми волосами, умершей лет пять назад. Она очень любила шить, а звали ее Гирзель.

— Эмметт рассказал мне о наперстке, волосах и обручальном кольце, — сказал Морис, — но как вы узнали, что он был врачом?

— Несколько фактов сразу навели меня на эту мысль. Только врач или студент-медик может так точно и быстро назвать островки Лангерханса, как это сделал он, когда мы играли в «две трети призрака». Кроме того, когда нас познакомили в тот вечер, он сказал, что читал мою книгу «Психопатология политики». Мне кажется, это — его настоящая память, потому что она интеллектуальная, а не интимная, ведь его амнезия была частичной. Несколько лет назад эту книгу включили в список дополнительной литературы для некоторых медицинских школ, а больше ее никто — это вам подтвердит Тони — не покупал.

— Слишком выборочно для памяти, — сказал Морис. — Может, он обманывал нас, чтобы скрыть что-нибудь позорное из своего прошлого?

— Думаю, нет. Амнезия всегда выборочна, даже если ее причина чисто физическая. Некоторые повреждения мозга могут давать немоту, а одна из ее форм настолько выборочна, что распространяется лишь на какие-то определенные части речи. Амос Коттл, которого вы знали, — не обманщик. Он был мертв только в эмоциональной сфере, во всем остальном — совершенно нормальный. — Бэзил печально улыбнулся. — Как жаль: он был пьян, когда мы с ним встретились. Алкоголь настолько затуманивает истинную личность, что для меня он все равно как совершенно незнакомый человек. Все пьяные похожи друг на друга. Другое дело, вы. По крайней мере, один из вас неплохо знал его. — Глаза

Филиппы блеснули, она поняла двойной смысл сказанного Бэзиллом, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал: — А другой тщательно изучил его работы. Мне, действительно, кажется: вы могли бы прояснить для меня — каким он был, как человек и как писатель. Приходила ли вам когда-нибудь мысль, что он был врачом?

— Нет, — не задумываясь, ответил Морис.

— Нет, не тогда... — в голосе Филиппы не было уверенности, — но теперь, после того, что вы сказали, я вспомнила. Он предостерегал меня, чтобы я не злоупотребляла снотворными. Так мог говорить только врач. Потом, он, кажется, и правда много знал о лекарствах и презирал патентованные средства. Однажды он сделал удивительно аккуратную перевязку при мне, это когда Тони сломал руку. Прямо как на картинке в книжке. Я бы так не смогла, хотя и училась оказывать первую помощь. Но интересно, почему врач мог бежать от своего прошлого?

— Причин сколько хочешь, — сказал Морис. — Но я не верю, что мы когда-нибудь узнаем его истинное лицо. У вас почти ничего нет, чтобы идти дальше, Бэзил. Ну, имя жены, ее волосы, дата свадьбы, инициалы... Вам никогда не установить личность Амоса.

— Если он работал в Нью-Йорке, я это сделаю. Не так уж много здесь врачей, чьих жен зовут Гирзелями.

— Хорошо, но вы никогда не узнаете, от чего он бежал? — воскликнул Морис. — В медицинские скандалы очень тщательно скрывают, и даже настоящее имя Амоса ни на шаг не продвинет вас ни к его убийце, ни к причине убийства.

Зазвонил телефон. Морис извинился и вышел из комнаты.

— Да... Говорит Лептон... Да-да, он здесь.

— Я взял на себя смелость, — сказал, вставая, Бэзил, — сказать в полиции, что днем загляну сюда.

— Полиция? — Филиппа даже слегка задохнулась от неожиданности.

— Конечно. — Бэзил смерил ее испытующим взглядом. — Убийство пока не раскрыто.

Морис вернулся в комнату и подошел к Филиппе.

— Не делайте глупостей, — сказал он. — Полиция еще какое-то время будет совать нос в нашу жизнь, но чем меньше они будут знать о вас, обо мне и об Амосе, тем лучше.

— Вы не дадите Вере денег? — спросила она, глядя на свои руки в перчатках.

— Зачем? Чтобы купить ее молчание? Но она станет ненасытной, а это мне не по карману, да и вам тоже. Она попридержит язык, когда поймет: с нами не так легко сладить.

— Вы ей напишете? Или, может быть, мне...

— Ничего не нужно писать. Я позвоню ей.

И они замолчали.

Бэзил вернулся в гостиную преображенным. Походка у него стала энергичнее, глаза блестящие.

— Вы ошиблись, Лептон. Они нашли человека, скрывшегося под именем Амоса Коттла.

Филиппа поднесла руку к горлу, а Лептон стал похож на человека, которому грозят заряженным револьвером.

Лернер-мемориал оказался вполне современной клиникой. В то время, когда ее решили построить, цены на землю в центре Манхэттена были уже недоступными для больницы, существующей на добровольные пожертвования, поэтому ее основатели двинулись дальше на северо-запад к самой городской черте. Белокаменные здания элитических размеров проектировались с простотой и массивной строгостью, присущей древнеегипетской школе, которая по какой-то необъяснимой причине в тридцатых годах стала именоваться современным. Вознесшись высоко в небо, Лернер-мемориал был идеальным контрапунктом для Нью-Джерси. А если легкий туман прикрывал его острые углы и увлажнял окна, то его нетрудно было принять за зеркальное отражение утесистой местности, которая благодаря какому-то странному преломлению оказалась на нью-йоркском берегу.

В западном крыле за тяжелой звуконепроницаемой дверью размещалась администрация. Личный кабинет директора выходил окнами на реку, по вечерам залитую светом из окон, которые, как стеклянные столбы, соединяли пол с потолком. Кабинетная мебель производила впечатление монашеской суровости: огромный пустой стол, три простых и неудобных стула, выстроившиеся в ряд шкафы для картотек, телефоны и коммутатор внутрибольничного пользования. Ни ковра, ни картин, ни книг, ни даже пишущей машинки. Казалось, тысяча лет отделяет эту комнату от прихотливых контор Уолл-стрита, похожих скорее на аристократические гостиные с их каминами, телевизорами, барами. Здесь же не было ничего лишнего и ничего приятного для глаз.

Бэзил подумал: такая вот клиника, как и университет, имеет, пожалуй, нечто общее со средневековым монастырем, хотя бы в строгой традиции, поддерживаемой абсолютной верой в случайно оказавшиеся светскими идеалами. Это община людей, думающих и живущих совершенно иначе, чем их современники. Они легко мирятся с относительной бедностью, она даже как бы является для них своеобразной и необходимой платой за внутреннюю свободу. Отделенные, как семенной фонд, от остального человеческого урожая, они, пожалуй, способны вызвать к жизни идеи, которые погибли бы без таких сообщений. Вечное всегда охраняется теми, кто отвергает современность со всеми ее пестрыми, оглушающими и обманчивыми иллюзиями.

Директор клиники, Джордж Хансен, оказался женственным маленьким блондином, и Бэзилу пришлось на ум, что если прикрыть его блестящую загорелую лысину женским париком, то он вполне сошел бы за учительницу или библиотекаршу лет пятидесяти. Темный, аккуратно повязанный галстук, слегка подкрахмаленная, безупречная рубашка, как будто только что вымытые руки — все говорило за то, что он был человеком благонаравным, педантичным, немного жестким, немного ограниченным,

но безусловно способным выполнять любую административную работу с совершенной точностью. Он был бы хорошим сбабтом, но не вынес бы и одного дня среди разбойных баронов.

— Доктор Виллинг? Насколько я понял, вас интересует история Алана Сьюелла.

— Полиция считает, что это тот самый человек, которого я ищу,— осторожно сказал Бэзил.— Что бы вы могли рассказать мне о нем?

На столе перед Джорджем Хансеном лежала одна папка и рядом с ней ручка. Хансен открыл папку и стал смотреть хранившиеся в ней бумаги.

— Алан Сьюелл родился в штате Вермонт в 1918 году.

— Вермонт! — Бэзил был потрясен. — Вы уверены?

— У меня здесь документы. А почему бы ему не быть из Вермонта?

— Я думал, что он с Запада.

— Насколько мне известно, он никогда не был на Западе. Закончил в Гарварде медицинский колледж и в 1948 году поступил на работу в нашу клинику. Вызывал определенные способности в качестве хирурга. Женился, уже работая у нас, на подруге детства Гирзель Макдональд. Она тоже приехала из Вермонта, но двумя годами раньше, и вместе с подругой держала поблизости небольшой косметический салон.

— Вы знаете имя подруги?

— Алисия Хоукис.

— Ее салон еще существует?

— Да, но теперь он занимает большое помещение на Пятой авеню, и имя его владелицы — Алисия Армитадж. У Гирзель Макдональд были собственные сбережения, поэтому Алан смог жениться на ней, работая у нас стажером. Они снимали небольшую квартиру недалеко от клиники и производили впечатление счастливой пары. Потом Алан был принят в штат, и их материальное положение несколько улучшилось. К сожалению, миссис Сьюелл неожиданно умерла от острого аппендицита. Операция была сделана слишком поздно.

— Почему?

— Мой дорогой доктор Виллинг, я не могу ответить на ваш вопрос. Я не был близко знаком со Сьюеллами. Однако всем известно, что аппендицит не всегда легко поддается диагностированию. У нас было несколько случаев с отрицательными анализами, а операция показывала критический момент развития болезни. Возможно, это один из таких случаев. Для молодого человека это, конечно, была трагедия, и она пагубно воздействовала на его психику. До тех пор он производил впечатление человека общительного и приятного, а после смерти жены сделался угрюмым и нелюдимым, даже его коллеги жаловались — с ним стало трудно работать. Нет, он не отличал от своих обязанностей, но его манеры, или отсутствие манер, производило нехорошее впечатление. Так продолжалось несколько месяцев. Мы надеялись, что все как-то устроится, но потом... до меня стали доходить слухи, будто доктор Сьюелл начал пить. Я прямо спросил его об этом, но он уверил меня: на работе с ним этого не случается, и если пьет, то дома и один. Я в свою очередь указал ему на опасность одиноких выпивок, особенно для

врача, и попытался дать пару отеческих советов. Признаться, он начал меня беспокоить. По долгу службы мне приходится постоянно думать о будущем, и я предвидел: через несколько месяцев его попросту попросят покинуть клинику, если он не возьмет себя в руки. Естественно, мне это не нравилось ни в каком смысле, но вмешалась судьба и я был избавлен от неприятной необходимости увольнять Сьюелла.

— Что же случилось?

Хансен откинулся в кресле и посмотрел в окно. У Бэзила возникло ощущение, будто Хансен расслабился, как если бы он покончил с самой трудной частью своего рассказа и не вызвал ни одного вопроса из тех, которых он, по-видимому, боялся. Теперь он не так тщательно подбирал слова, да и вообще его манера говорить стала гораздо свободнее.

— Это случилось в дождливый зимний вечер, как сегодня.

— Какого числа?

— Четырнадцатого октября 1950 года.

Перед тем как пойти домой, Сьюелл зашел в наш бар купить сэндвич. С ним была одна из наших сестер, мисс Линтон, очаровательная малышка и очень преданная Сьюеллу. Однако это касается только ее. Тогда в баре никто не обратил на Сьюелла внимания, но потом она рассказывала, что Алан выглядел более подавленным, чем обычно. Мисс пригласила его в кино, и он, к удивлению, согласился. Потом заплатил за сэндвичи, и они вместе пошли к главному входу. Там Алан купил пачку сигарет, они обсудили, какой фильм пойдут смотреть, кажется, «Гамлет» с Лоуренсом Оливье, и вышли на крыльцо. Шел проливной дождь, и Алан сказал: «Подождите меня здесь. Пойду поймаю такси. Я быстро». Он опустил поля шляпы, поднял воротник и бросился в дождь. Она подождала пять минут, десять, двадцать. Больше его никто не видел. Через двадцать минут мисс Линтон открыла зонтик и пошла к ближайшей стоянке такси. Там были две машины, и оба шофера хорошо знали весь персонал клиники. Они сказали ей, что не видели мистера Сьюелла, хотя подтехали не меньше получаса назад. Она позвонила ему домой, но никто не ответил. Он как будто растворился в дожде, и без всякой видимой причины. Через двадцать четыре часа мы сообщили о случившемся в Бюро розысков. Безрезультатно. Ни у него, ни у его жены близких родственников не было, и никто не оказывал достаточного давления на полицию. Знаете, как это бывает.

— Представьте себе, Алан Сьюелл был найден на следующее утро на Вестчестерском шоссе с пробитой головой и в состоянии полной эмоциональной амнезии... В то время в Стрэдфилде размещалась клиника для алкоголиков... Но тогда как объяснить его успешное бегство от мисс Линтон? Нет, думаю, амнезия наступила сразу после того, как он покинул мисс Линтон. Правда, мы знаем только то, что рассказывает мисс Линтон, а вдруг она о чем-то умолчала?

— А что случилось со Сьюеллом потом?

— В клинике излечился от алкоголизма, правда, память он не восстановил, но стал знаменитым писателем, Амсом Коттлом, которого отравили в прошлое воскресенье.

Хансен прекрасно держал себя в руках, но и он слегка вздрогнул от удивления.

— Вы на ложной дороге, доктор Виллинг.

— Почему?

— Такой человек, как Сюелл, пустой изнутри, не может писать книги. Я не психиатр. Я могу ошибаться, но...

— Ну что ж, это легко проверить,— сказал Бэзил и достал фотографию Амоса.

Хансен судорожно перевел дыхание:

— Прошу прощения, доктор Виллинг. Вы лучше меня понимаете человеческую натуру. Это Алан Сюелл. Никаких сомнений... — он прикрыл пальцем бороду. — Да. Это его брови, глаза, нос, я бы узнал их, когда угодно.

— Вы ни разу не видели его по телевизору?

— Я ненавижу телевизор.

— Может быть, другие видели?

— Врачи довольно занятые люди... как вы знаете. Если это дневная программа...

— Она шла в четверг днем.

— Это объясняет, почему никто из нас ее не видел.

— Мне бы хотелось поговорить с той сестрой, которая последняя видела Алана Сюелла. Вы назвали ее мисс Линтон?

Хансен прикрыл глаза:

— К сожалению, мисс Линтон у нас больше не работает. Когда началась война в Корее, она уехала туда. Сейчас она в Японии.

Интервью закончилось, но Бэзил покидал клинику с неприятным чувством: он узнал меньше, чем рассчитывал. Это был лишь скелет истории Алана Сюелла. Чего же не хватает, чтобы он оброс мясом?

Вернувшись в контору, Бэзил позвонил своему приятелю Ламберту из экспертизы:

— Ты, кажется, работал в Лернер-мемориал?

— Да, было дело.

— Ты видел там врача по имени Алан Сюелл?

— Нет. Я ушел до его прихода, но я слышал о нем. Это он исчез шесть лет назад?

— Да. А ты знаешь директора Хансена?

— Кто же не знает Присси!

— А теперь скажи, поставил бы он меня в известность о чем-нибудь совершенно законном, но бросающем тень на клинику?

— Ну, конечно же, нет. А ты сам как поступил бы?

Бэзил рассмеялся. Скептицизм Ламберта всегда был отрезвляюще откровенным.

У Алисии Армитадж все было не так, как в Лернер-мемориал. Ничего монастырского. Здесь торговали роскошью, поклонялись ей, здесь жены баронов-грабителей воздавали должное культу красоты. Здесь, с радостью позабыв обо всем, погружались в поток современной культуры, в ее заветные мифы и причуды. Здесь тоже была вера, но вера языческая без аскетизма и посвящения.

Здесь верили, что загадочный бог по имени Наука, которого изображали в виде интересного молодого человека в белом халате, сделает вас молодой, очаровательной и желанной,— независимо от вашего возраста, внешности или характера,— только порадовать его, положив бараний жир на лицо, краску на волосы, губы, веки и ногти, сбросив лишний вес и потратив огромную сумму денег на платье.

Здесь, в благоуханных, мягко освещенных, серебристых с бирюзой апартаментах с бархатистыми коврами на полах были диетические и витаминные бары, кабинки парикмахеров, маникюрщиц, массажисток, турецкие ванны и магазин, где продавалась одежда и косметика...

Все здешние служители были одеты во все белое, а высшая жрица провозглашала свою исключительность церемониальным одеянием из черного крепа с тремя нитями жемчуга. Ее волосы отливали искусственной медью, а лицо было белым, как дым,— так сказать, новомодная реакция на культ солнца. Ногти и губы цвета свежей крови... Она была витриной для своих товаров. Небольшие шрамы на висках объясняли жесткую гладкость лица, но карие глаза, глядевшие из-под черных и клейких от туши ресниц, излучали живость и ум, и еще была в них какая-то надежность.

Она предложила Бэзилу сигареты из маляхитовой сигаретницы и заговорила самым непринужденным образом.

— Конечно, я знаю Алана. Бедняга! Он так горевал после смерти Гирзель. А теперь попробуем вспомнить. Да, я встретила с Гирзель в Нью-Йорке в косметической школе, и она сказала мне, что помолвлена с молодым врачом из Лернер-мемориал. Денег у него не было, и она хотела тоже подкопить немного, чтобы они могли поскорее пожениться. Так мы открыли наш маленький салон. Денег у нас хватило только на аренду, но я заняла немного, и мы работали, как черти. Гирзель познакомила меня с Аланом, у меня тогда тоже был приятель, и мы много времени проводили вместе. Каким был Алан? Легким. Он ненавидел сцены и всегда старался соглашаться с тем, что говорили другие. Много работал и был честолюбивым, более честолюбивым, чем Гирзель. Она-то мечтала уехать обратно в Вермонт, жить там в большом доме и иметь много детей. Какой она была нежной и доброй! Очень любила Алана и была слишком хороша для него. Я никогда не могла понять, что она в нем нашла. Они поженились, но Гирзель продолжала работать. Прошло года два, и в один прекрасный день мы с Ирвингом ужинали у них; Гирзель вдруг почувствовала ужасную боль. Ближе других была клиника Алана, и мы бросились туда. Какой-то врач осмотрел ее и поставил диагноз, острый аппендицит. Немедленная операция. Время было уже после двенадцати, в больнице — довольно спокойно, но Алан знал: ни один из дежуривших врачей не считался хорошим хирургом. А он был не хуже многих стариков.

— Вы ведь не хотите сказать, что он сам оперировал свою жену? — в ужасе спросил Бэзил.

— Как вы догадались? Я знаю, у врачей есть такое правило — не оперировать своих родственников, и после той ночи оно мне кажется совершенно правильным. Но другого выхода не было. Алан считался там лучшим, правда, я заметила — врачам это не особенно понравилось... У Алана был один недостаток, он любил подчеркнуть свое превосходство над другими. Я потом разговаривала с операционной сестрой, и она сказала: это было ужасно, она никогда больше не видела ничего подобного. Началось все вроде бы гладко, простерилизуйте здесь, дайте то... работа, ну, вы-то

знаете. Я видела в кино. Но с той минуты, как Алан взял скальпель и сделал надрез, он... как бы сказать... совсем расклеился. Он все делал неправильно. Сестра мне сказала, что они ничего не могли понять поначалу. Это было чудовищно. А когда они поняли, было слишком поздно. Гирзель умерла через час после того, как ее перевезли в палату.

— Как же я не спросил у Хансена, кто ее оперировал! — воскликнул Бэзил. — Ведь именно этого вопроса он боялся все время, пока мы с ним разговаривали. Но мне даже в голову не пришло!

— Я знаю, это большая редкость, но клиникам нельзя такое афишировать. Что было бы тогда с доверием к врачам? Хирурги не имеют права ошибаться. Они должны быть богами, и в девяносто девяти случаях все идет правильно. А это был сотый. Но самое ужасное — Алан любил Гирзель. Мне кажется, поэтому-то все и случилось. Он был в состоянии шока, когда начал операцию. У него сдали нервы, он потерял голову и раскромсал ее так, что уже невозможно было шить.

Но Бэзил сомневался. Он был немного знаком с психологией, вероятно, достаточно, чтобы понять: даже в стрессовом состоянии нельзя сделать ничего такого, чего не хочет мозг. Значит, противоречие, в его чувстве к Гирзель? Разочарование, похороненное глубоко в подсознании, вышло на поверхность, когда он сделал первый надрез...

Теория Фрейда о подсознательной цели каждого ошибочного движения руки — только теория. Огромное количество доказательств поддерживает ее, но когда-нибудь психолог, наверное, докажет: это — не вся правда о работе мозга и нервной системы. Неуверенность заставила Алана сомневаться в себе, а сомнение превратило его жизнь в пытку. Он не мог доискаться до истины. «Я убил ее, потому что где-то глубоко внутри давно хотел убить?» Возлюбленная с детских лет, приехавшая за своим счастьем в Нью-Йорк. Его кругозор расширился, ее оставался провинциальным. Нищета молодого врача и переутомление обоих, — она продолжала работать и после свадьбы. Отсутствие детей. Не было ли это так часто случающимся юношеским «взаимопониманием» с нежной, решительной и совершенно преданной девушкой, взаимопониманием, которое на самом деле было непониманием: он хотел разорвать его, но не мог, потому что тогда стал бы презирать себя? Одно из тех обещаний, которые, как долг чести, связывают сильнее самого брака? Оно приговорило Алана Сьюелла к скучному неравному браку...

Так он стал убийцей. Ненаказанным убийцей, который не знает, убил он или нет. Даже сильный человек едва ли смог бы пережить такой удар, а об Алане никто не говорил как о сильном человеке. Он кичился своим мастерством, он был трагически слаб...

— Что же было потом?

— Он больше не оперировал. Они оставили его в штате но, мне кажется, просто ждали, когда поутихнут разговоры, чтобы избавиться от него. Алан начал пить. Иногда пил на работе, но Присси об этом не знал. Сестры не выдавали Алана. Они знали: он катится вниз... потом он просто ис-

чез. Я думала, он убил себя. Уверена — так думали и в клинике. Должно быть, были рады, что не удалось найти тело.

— Логично. Все сходится, — сказал Бэзил. — Сначала он пытался освободиться от воспоминаний при помощи искусственной амнезии, а потом в тот вечер, когда сестричка пригласила его в кино...

— Линтон? Я ее помню. Отвратительная интриганка. После смерти Гирзель заимела на него виды. Не думаю, чтобы она ему нравилась. Он вообще после той ночи не смотрел на женщин. Тем более на Линтон, которая была в операционной, когда все произошло. Но она была слишком глупой и жадной, чтобы это понять, и постоянно докучала ему. Приглашала в кино. Иначе, как она говорила, опять напьется. На самом же деле ей просто хотелось замуж.

— Вы сказали, она докучала ему, — задумчиво проговорил Бэзил. — И она была ему особенно неприятна, потому что все видела. Постоянно напоминала ему о том, что он безнадежно хотел забыть. Давайте поглядим, не можем ли мы мысленно восстановить тот последний вечер. Ему не хотелось идти с Линтон в кино, но он согласился, потому что это была линия наименьшего сопротивления. Очувтившись же один на улице, он ужаснулся мысли провести с ней весь вечер. Мы располагаем только версией, но, возможно, Линтон сказала ему нечто такое, что переполнило чашу терпения.

— Наверное. Что-нибудь вроде: вам нужно перестать пить, а не то они вышвырнут вас на улицу.

— И он не пошел к стоянке такси, — продолжал Бэзил. — Может, он остановил проезжавшую мимо машину и вдруг подумал: ему вовсе не надо к ней возвращаться и терпеть ее весь вечер. В какой-то степени — опять линия наименьшего сопротивления. Вместо того, чтобы вернуться и извиниться, в конце концов, что-нибудь придумать, он просто-напросто уехал, не сказав ей ни слова и избавив себя от неприятной сцены. Пока все в его характере. Он был не против причинить ей боль, но не хотел при этом присутствовать. Люди, лишенные воображения, всегда так поступают.

— Но почему он не поехал домой?

— Он знал — Линтон позвонит ему. Она ведь так и сделала. Может быть, он поехал в бар и там напился. Если бы Линтон была с ним, он не мог бы этого сделать, не вызвал сцены.

— Но потом он мог поехать домой?

— Думаю, пока он сидел в баре, представил себе, какое его ждет будущее, если все останется по-прежнему. И тогда... Тогда, я думаю, он сделал последнюю попытку избежать засасывавшего его кошмара. Он взял такси, приехал на Центральный вокзал и взял билет до Стрэдфилда.

— Почему до Стрэдфилда?

— Он поехал туда ночью, потому что жаждал немедленной помощи. Боялся ждать, боялся, что его решимость угаснет. К тому же, он был слишком пьян, чтобы беспокоиться, пустят его в клинику или нет в середине ночи. Было темно, и от станции он шел пешком по шоссе. Тут его сбила машина. Удар пришелся по голове и дал ему как раз то, что он искал с тех самых пор, как убил жену, — нирвану. С какой благодарностью, должно быть, его созна-

ние навсегда сбросило невыносимый груз воспоминаний в подсознание. Клиника Клинтон оказалась ближайшей больницей...

Вера все еще сидела одна в гостиной своего номера и смотрела телевизор, когда зазвонил телефон. Она чувствовала себя такой подавленной и одинокой, что ощутила почти радость, когда телефонистка сообщила ей о приходе доктора Виллинга. Вера выключила телевизор, подкрасила губы и приоткрыла дверь в коридор.

Бэзил показался ей более утомленным и оттого, наверное, более серьезным, чем когда она видела его в последний раз. На ее настойчивые уговоры выпить он лишь покачал головой.

— Я на минутку. У меня к вам только один вопрос. Знали ли вы когда-нибудь человека по имени Алан Сьюелл?

— Он из Голливуда? — Бэзил не заметил перемены в ее взгляде.

— Нет, из Нью-Йорка. Вы раньше видели это? — Бэзил выложил на стол кошелек из змеиной кожи, золотой наперсток, обручальное кольцо и каштановый локон. Взгляд Веры изменился.

— Амос хранил их в столе. Он говорил, что они принадлежали его умершей сестре.

— У меня есть основания думать, что они принадлежали его жене.

Глаза Веры полыхнули огнем:

— Вы имеете в виду... Теперь она будет получать деньги?

— Нет, она не доставит вам хлопот. Она умерла задолго до вашей встречи с Амосом.

— Тогда... Кто такой Амос?

— Врач по имени Алан Сьюелл. — И Бэзил рассказал ей все по порядку.

— Логично, — согласилась Вера. — Амос знал разные латинские слова, названия костей, смеялся над патентованными лекарствами. Он вполне мог быть врачом. Но какое все это имеет отношение к его смерти?

— Пока не знаю. Возможно, это тупик. Его могли убить как Амоса Коттла, вовсе не как Алана Сьюелла.

— Но то, что он Сьюелл, для меня ничего не меняет, нет? — униженно переспросила Вера. — Ведь я была его официальной женой, значит, теперь я его официальная наследница. Правда? И никто не отнимет у меня этого?

Теперь Вера окончательно успокоилась. Она все время боялась открытий, которые могли поставить под сомнение ее права. Теперь она могла ничего не бояться. Пршлось Амоса не могло ей повредить.

Когда Бэзил ушел, Вера решила узнать, не было ли ей сегодня писем и не звонил ли кто. Нет, ничего. Даже Сэм не позвонил насчет просмотра. Наверно, не вышло. Он никогда не звонил, чтоб сообщить плохие новости, но когда были хорошие, голос булькал от избытка чувств и он кричал: «Да ну же, детка, мы деловые люди!» Он предпочитал не вспоминать о неудачах.

Когда Вера писала свои письма, она меньше всего ожидала такого единодушного молчания, и оно действовало на нервы. О чем они думают? Что делают? Ничего? Непостижимо! Филиппа, Лептон, Гас и Тони —

по крайней мере один из них должен быть достаточно испуган, чтобы сделать движение в ее сторону и ответить на ее письмо.

Может быть, она получит их письма завтра, а пока надо убить целый вечер. Позвонить кому-нибудь из театральных знакомых? Она совсем забыла их за три года в Голливуде. Мальчики сами должны были бы позвонить ей, но они никогда не спешат звонить тем, кто провалился в Голливуде. Вера опять включила телевизор. Серое лицо что-то беззвучно говорило ей. Тогда она прибавила звук.

— ...сегодня вечером в восемь часов мы приглашаем вас на обед в честь вручения премии Переплетчиков. Премия в десять тысяч долларов будет вручена Самому Американскому Писателю Декады...

Вера выключила телевизор. Она почувствовала себя еще несчастнее, чем раньше. Премия присуждена Амосу, а ее даже не пригласили на обед.

Тишина в номере стала невыносимой. Она позвонила Сэму в контору, но автомат ответил, что он уехал в Нью-Рошель к жене и маленьким сыновьям. Там была совсем другая жизнь, непохожая на блестящую и светлую жизнь Манхэттена. Для Сэма, родившегося в городских трущобах, это была романтически прекрасная жизнь, но Вера не могла его понять, хотя сама тоже выросла в таких же трущобах Кливленда. Домашняя жизнь Сэма символизировала для нее все то, от чего она старалась убежать, и она никогда не звонила ему домой.

Однако впереди целый вечер. Может быть, пообедать в ресторане, а потом пойти в кино.

Такси доставило ее к французскому ресторану на Третьей авеню. Вера остановила на нем свой выбор, потому что кто-то когда-то сказал ей: это самый дорогой ресторан в Нью-Йорке. Меню было написано от руки и по-французски, так что Вере пришлось положиться на вкус официанта. Ждала она долго, а потом не могла понять, что же все-таки она ест. Выпив большую бутылку вина, Вера почувствовала — ее клонит в сон... Потом она заказала черный кофе, но от бренди отказалась. Баснословный счет убедил ее, что она отлично пообедала.

Выйдя на улицу, она сразу же поняла: здесь не так-то легко поймать такси. Вера привыкла всегда иметь под рукой машину или человека, готового поехать за машиной, и никогда не надевала ни плащ, ни боты. Вот и сегодня на ней очень открытые туфли, шляпка из тюля и блестящий мех, который непременно пропадет, если сильно намокнет. Косые порывы ветра и потоки дождя очистили улицу от пешеходов. Швейцар раскрыл над собой большой зонт и ушел искать такси, но вскоре вернулся. Мадам придется еще немного подождать.

Но мадам вдруг перестала беспокоиться о туфлях, и шляпке и мехах. В нижнем конце улицы она увидела неоновую рекламу: «Бенгальские уланы». Старый-старый фильм. Идет на Третьей авеню. Но все лучше, чем скука.

Вера укуталась в мех до подбородка и, наклонив голову, пошла навстречу ветру. Пройдя примерно с квартал, она услышала позади себя быстрые шаги. Она не огляну-

лась. С трудом пряча лицо от дождя, Вера думала о промокших туфлях и прилипших к ногам чулкам и о том, что надо, наверное, забыть о кино и пойти в отель, принять горячую ванну, а потом включить телевизор и посмотреть на Обед Переплетчиков. Наверняка Гас и Тони будут там, и, может быть, их даже покажут на экране, тогда она увидит, как они себя чувствуют после ее писем. А может, ей кто-нибудь позвонит. И Вера круто свернула на темную и пустынную улицу, которая вела к Лексингтон авеню...

Вера все так же слышала шаги позади, только теперь они будто приблизились. В первый раз в жизни ей стало страшно. Вспомнились все страшные рассказы о Нью-Йорке, о бандах подростков, которые грабят и калечат людей на улицах. Нет, с ней этого не может быть. Ну, конечно же, нет. И, потом, это шаги одного человека.

Подойдя к уличному фонарю, Вера почувствовала облегчение. Лексингтон авеню, яркая, веселая, людная, была совсем рядом. Вера отважилась оглянуться, и внезапно прилив радости, который она ощутила, был как глоток чистого воздуха после долгого сидения в ночном клубе.

Вера улыбнулась:

— Ой, это вы!...

Неожиданно его рука обхватила ее шею, и пальцы прижались ко рту.

Больная женщина у открытого окна на другой стороне улицы отвернулась. Она видела улыбку Веры, ей показалось, что они целуются, и ей не хотелось за ними шпионить.

13

Когда Бэзил Виллинг женился и переехал в Коннектикут, он сохранил за собой свою холостяцкую квартиру в старом здании на Парк-авеню. Это было удобно, когда дела задерживали его в Нью-Йорке, как, например, сегодня. Вместе со своим английским издателем Александром Мак-Лином он собирался пойти на Обед Переплетчиков. Бэзил и Александр встретились впервые много лет назад, когда издательство Мак-Лина готовило к изданию первую книгу Бэзила, но сдружила их совместная служба в разведке во время войны.

Бэзил уже переоделся в обязательный фрак, после чего уютно устроился возле камина в старой библиотеке, где белые панели удачно гармонировали с малиновыми занавесками. Для Бэзила библиотека была еще и тем местом, где он находил ключ к решению многих дел, но ни одно из них не было таким трудным, как это...

Вещественные доказательства на кофейном столике, те самые, что они с Эйвери вынесли из сгоревшего дома. У Бэзила не было времени прочитать все пять длинных романов и теперь в ожидании Алека он решил еще раз просмотреть «Страстного пилигрима»...

Чтение настолько захватило Бэзила, что он забыл об Алеке, и вспомнил о нем, только когда внизу прозвенел звонок...

— Идите, Алек, у нас еще есть время выпить, а я пока покажу вам кое-что интересное.

Алек снял мокрое пальто, шляпу и, потирая руки, подошел поближе к огню. Высо-

кий и светловолосый, он, несмотря на свою фамилию, был больше похож на англичанина, чем на шотландца...

Алек обладал неколебимым оптимизмом человека, которому всю жизнь везло. Он унаследовал издательство отца и до тонкостей знал все, чем живет издательский мир по обе стороны Атлантики. Космополит от природы, он с легкостью переходил любые психологические границы и чувствовал себя одинаково дома в Нью-Йорке, Марокко, Лондоне или Париже.

Бэзил рассказал ему все, что знал о деле Амоса Коттла, умолчав лишь о своих догадках.

— Я никогда не встречался с Коттлом, сказал Алек, — но я знаком с Тони Кейном. В 1940 году он полностью прекратил дела с Англией. Он был так уверен в победе Гитлера, что не желал никаких связей с нами. Не то чтобы он желал нашего поражения, он просто не желал ничего терять.

— Похоже на Тони, — усмехнулся Бэзил. — Алек, мне в голову пришла невероятная идея и я хотел бы проверить ее на ком-нибудь, в совершенстве знающем литературный рынок. Конечно, это не единственная причина, почему я пригласил вас сегодня, но, понимаете, на Обед будут почти все, кто втянут в это дело, а у меня предчувствие: что-то вылезет наружу... особенно, если мы подтолкнем... Посмотрите, я там подчеркнул нужное, здесь статьи, книги, письма... И скажите, конечно, если вы увидите то, что увидел я.

Алек отпил виски, закурил сигару и принялся за чтение. Все так же ласково вздыхал огонь и стучал дождь в окно. Прошло совсем немного времени, когда Алек отложил книги и бумаги и посмотрел на Бэзила блестящими глазами.

— Фантастично! Невероятно! И все-таки... клянусь богом, это возможно.

— Давайте уж сначала убедимся, что говорим об одном и том же. Назовите мне те моменты, которые вы считаете наиболее важными или, скажем так, странными.

Алек фыркнул:

— Здесь, по крайней мере, десять чертовски странных пунктов.

— Десять? — переспросил Бэзил. — Давайте посмотрим, сколько их у меня: 1) имя Амоса Коттла; 2) Коттл не смог ответить на первый вопрос во время игры; 3) сцена с переломом руки в «Страстном пилигриме»; 4) всего три месяца между первым письмом Тони к Коттлу и выпуском «Отступления»; 5) анекдот Тони о женщине в яблоневом саду; 6) военная служба Гаса; 7) невежество Тони в анатомии; 8) Коттл ничего не писал, пока с ним жила Вера; 9) Эйвери назвал работу Коттла смесью из всех плохих романов за последние тридцать лет. А десятое? У вас на один пункт больше.

— Любовь Леппи к злым проделкам, — усмехнулся Алек. — Все это замечательно, но мы до сих пор не знаем, кто убил Амоса Коттла.

— Подумайте вот о чем, и это пункт одиннадцатый, — сказал Бэзил. — Отец Лептона был переплетчиком... Еще виски? — Только быстро, а потом на Обед. Теперь я не пропустил бы его ни за что на свете. Немножко похоже на то, что было тогда в Германии.

— Но как вы собираетесь это проверить?

— Сначала вы поможете мне отрезать его от толпы, а потом будете ждать нас в такси возле его дома. Если мы не появимся через полчаса, тогда лучше поднимитесь наверх.

В этот день Ассоциация переплетчиков арендовала гостиную и обеденный зал в одном из самых больших отелей города. Когда приехали Бэзил и Алек, гости еще только начинали перемещаться из гостиной, где временно разместились бар, в обеденный зал. По просьбе Бэзила Алек обеспечил им два места за столом, который находился рядом с резервированным для фирмы «Саттон, Кейн и компания».

Алек узнал Тони и Лептона и обменялся с ними улыбками.

Гости торопливо поглощали обед из пяти блюд, подгоняемые бесчисленными официантами. Наконец подали кофе, после чего поднялся один из мужчин, сидевших во главе длинного стола, и постучал ложечкой по бокалу.

— В качестве Президента Ассоциации переплетчиков я с большим удовольствием представляю вам председателя комитета по премиям мисс Хермион Фетерстоун, которая одновременно является главой английского отделения одного из наших лучших женских колледжей. Уверен, что вы все читали изящную маленькую новеллу мисс Фетерстоун «Кулик и я», не говоря о многочисленных восхитительных эссе в наших ведущих журналах. Итак, прошу вас, мисс Фетерстоун.

Раздались громкие аплодисменты. Мисс Фетерстоун встала и заговорила высоким, режущим слух голосом.

Бренди сделал свое дело, и слушатели терпеливо отнеслись к мисс Фетерстоун, которая начала свой обзор англоязычной литературы с достопочтенного Бэды.

Однако шум в зале усиливался, и после очередного намека на позднее время, мисс Фетерстоун добралась-таки до заключительной части своей речи:

— Наш комитет пришел к выводу, что на современной литературной арене есть только один писатель, обладающий даром гуманистического сострадания, он возвеличивает человека и исторгает высочайшую музыку из самых обыкновенных слов — именно этого мы ждем от всех наших писателей. Наш комитет испытывает самое горькое разочарование. К сожалению, в связи с непредвиденными обстоятельствами автор не смог сегодня лично присутствовать на нашем Обед, поэтому я прошу его издателя, мистера Энтони Кейна, подойти ко мне и получить премию, присужденную самому вдохновенному летописцу нашего времени — Амосу Коттлу.

Радость, подстегнутая бренди, что утомительная церемония, наконец, подходит к концу, вылилась в бурные аплодисменты. Мисс Фетерстоун улыбнулась, слегка поклонилась публике и, заметно дрожа от удовольствия, села на место.

— Господин Президент, леди и джентльмены, — голос Тони показался присутствовавшим необыкновенно красивым и проникновенным. — Для меня великая честь от имени Амоса Коттла принять почетную премию Ассоциации переплетчиков. Я не буду огорчать вас трагическими обстоя-

тельствами его гибели, скажу только, будь Мос сейчас среди нас, это был бы выдающийся момент в его жизни.

Голос Тони дрогнул, некоторым даже показалось, что слезы навернулись ему на глаза. В последовавших затем аплодисментах чувствовалась искренняя симпатия к говорившему. Только Бэзил и Алек знали, что волнение Тони вызвано вовсе не смертью Амоса Коттла.

Наконец начали убирать посуду. Гости ходили от столика к столику. Вдруг по залу, как порыв ветра по пшеничному полю, пронеслась какая-то новость. Алек, уходивший поздравиться со старыми приятелями, вернулся с известием:

— Какой-то репортер слышал по телевизору, будто жену Коттла только что нашли мертвой на улице. Будто бы ее отравили цианистым калием. Кто мог это предвидеть?

— Наверное, она попыталась кого-нибудь шантажировать... — сказал Бэзил. — Видите, рядом с Тони освободилось место. Габор уже ушла. Пойдемте, пока они все не разбежались.

Тони встретил их радостно:

— Бэзил! Алек Мак-Лин! Выпейте с нами напоследок. Алек, садитесь сюда, а для Бэзила я сейчас принесу стул. Что будете пить?

— Пока ничего, спасибо. — Бэзил оглядел сидевших за столом. Вероятно, до этой части зала еще не дошел слух о смерти Веры, но один из них знал, что Вера умерла, — тот, который был ее убийцей.

— Алек, у меня есть для вас книга на весну. Насколько я вас знаю, вы ее напечатаете...

— У меня к вам один вопрос, — сказал Бэзил, оглядывая всех сидевших за столиком.

— Да? — Тони еще продолжал самоуверенно улыбаться, но остальные уже смотрели на Бэзила настороженно.

— Совсем простой вопрос, — как бы нехотя продолжал Бэзил. — Кто автор книг, подписанных Амосом Коттлом?

— Я не понимаю... — Лицо Тони потемнело. — Я не понимаю, о чем вы говорите. Я...

— Не нужно, Тони, — устало проговорил Бэзил. — Сейчас у меня даже слишком много доказательств. Во-первых, письмо, которое вы будто бы написали Амосу, принямая его первую книгу, датировано январем 1952 года, а в марте она была уже выпущена. Такое было невозможно до 1939 года, а в наши дни и вовсе невероятно. После войны для издания книги требуется не меньше шести месяцев. Исключения можно пересчитать по пальцам. Но чтобы первый роман никому не известного автора, ну уж нет. Далее. Я заподозрил, что Амос получил медицинское образование, еще в день его смерти, а теперь я точно знаю, что человек, которого вы называете Амос Коттл, — врач по имени Алан Сьюелл. Правильный ответ на медицинский вопрос во время игры доказывает, что он сохранил интеллектуальную память и страдал лишь эмоциональной амнезией, а в «Страстном пилигриме» мы читаем: «Когда я изо всех сил заломил ему руку за спину, то услышал

сухой треск тибии». Ни один врач так не написал бы. Тибия — в ноге, а не в руке. Коттл — выходец из Новой Англии, тогда как его последний роман предполагает среднезападное происхождение, которое сказывается в построении многих фраз... Во время той же игры Коттл не смог назвать Байрона, автора «Английских бардов и шотландских обозревателей», тогда как тот, кто придумал имя Амос Коттл, в качестве псевдонима, должен хорошо знать автора поэмы, в которой есть такие строки:

Ах, Амос Коттл! О Феб! Из множества имен
Лишь — это символ славы будущих времен!

Первый Амос Коттл, современник Байрона, уже давно забыт. А когда-то он угрожал читающей публике смесью банальностей своего времени, как это, по мнению Эмметта Эйвери, делал Коттл сегодняшний. Кто-то из вас созорничал на том, что поколение, выросшее в современных школах, благодаря Билли Фелпсу, читает лишь то, что написано сегодня, и никогда не опознает персонажа одного из величайших классиков английской литературы. Он оказался прав. Даже Эйвери ничего не понял. Сегодня эту поэму не читают даже те, кому положено знать классическую литературу.

Эйвери все же почувствовал мошенничество, ведь Амос Коттл был компиляцией и мошенничеством, самым грандиозным надувательством всех времен. В литературе много таких надувателей: Оссиан, Чаттертон, Сент-Бев. Сам прием псевдонима поощряет подобные трюки, как «Моль Флэндерз» и т. д. ...Литературный ум подражает склонности к фантазии и обману, и ему бывает трудно ограничить себя рамками книги. Психологическая общность лжи и выдумки осознается даже детьми, которые называют неправду сказкой.

Не удивительно, что Сьюелл-Коттл не написал ни единой строки в течение трех месяцев, пока с ним жила Вера. Он вообще ничего не писал, разве лишь письма. И Тони пришлось подыскать Вере работу в Голливуде. Ее возвращение должно было вас встревожить. Проживи она с Коттлом хоть какое-то время вместе, она бы все поняла. К тому же, Вера не из тех женщин, которые брезгают шантажом. Вам нужно было держать ее подальше. В доме Коттла я не нашел ни черновиков, ни записных книжек, которые обязательно были бы в доме настоящего писателя... Поэтому дом поспешили поджечь, пока я окончательно не убедился, что Коттл ничего не писал.

Кто же из вас троих сочинял его книги? Первая была о морских пехотинцах, и это наводит на мысль о Гасе. С другой стороны, Лептон как-то уж очень хвалит то место, где тибия — это кость руки, а мы знаем, что он малосведущ в анатомии. Значит, он тоже мог бы быть автором романа. И почему бы ему, непомерно превознося Коттла, не похвалить собственную работу? Вы однажды сказали мне, что сочинительство — более высокое искусство, чем критика, которую вы сравнивали с поливанием серной кислотой. Ну, какому еще критику это придет в голову? Нет, скорее так скажет писатель, ставший предметом критики.

Тот, кто писал книги Амоса, хорошо знает, как говорить у нас на Западе. Гас жил в Новом Орлеане, а Лептон родом из Чикаго, места действия последнего романа Коттла.

В то же время именно Тони постоянно повторяет анекдот о женщине из яблоневого сада, который Лептон так расхвалил в своей статье. Я не понимаю одного. Зачем вам понадобился Амос Коттл? Из-за телевидения? Может быть, вся эта история — современная версия «Моего двойника, и как он меня погубил» доктора Хейла? Там один ирландец заменяет автора на лекциях, но один раз напивается и проваливает все дело. У меня, правда, есть еще одно объяснение. По-видимому, вы все трое принимали в этом участие, Тони, Гас и Лептон — три трети «призрака». Но ведь так, кажется, называют писателя, который пишет в тайне за своего коллегу со знаменитым именем. Тогда понятно и ваше финансовое соглашение. А иначе как поверишь, что такой порядочный агент, как Гас, берет 25% вместо 10%. Но стоит предположить, что Гас делал одну треть работы и ясно, что это был единственный открытый способ получить четверть дохода, не вызывая ненужных вопросов со стороны налоговых инспекторов. Четверть — потому что Сьюелл-Коттл должен был иметь свою долю, даже если он совсем ничего не писал. И она тоже выплачивалась ему открыто в качестве авторского гонорара. Тони получал 50% за то, что и писал, и публиковал, да еще ему надо было выплачивать его часть Лептону. Единственная *sub rosa* оплата, но здесь невозможно ничего придумать, тем более что Лептон, к тому же, расхваливал книги Коттла в прессе... Да, еще одна эксцентричная деталь. Самый знаменитый исторический триумvirат состоял из Октавиуса Цезаря, Августа Марка Антония и забытого Лепидуса, которого вполне можно было бы называть Леппи, существующий у римлян обычай называть друг друга уменьшительными именами. Итак, Гас, Тони, Леппи — три трети призрака, байроновский Амос Коттл. Дьявольская штука.

Лептон сидел, склонив голову набок и поигрывая кофейной ложечкой.

— Тони, придется ему все рассказать.

— Леппи прав, — поддержал его Гас. — Придется. Тогда, может, это останется между нами.

— Хорошо, — согласился Тони. — Но сначала я хочу, чтоб он понял: здесь нет никакого мошенничества. Премия получена людьми, которые действительно работали и писали книги. Псевдоним — еще не мошенничество. Псевдонимом даже можно подписать договор, и юридически он будет не оспорим.

— Значит, как я и думал, вы все трое принимали в этом участие.

— Мне придется начать с 1951 года, — сказал Тони. — Сколько уже времени прошло. Мы все трое старые друзья. Наши родители и все знакомые наших родителей работали на книжном рынке. Меня взяли редактором в маленькое издательство, над которым постоянно висела угроза гибели. Тогда им владели Дэн Саттон, старый олух и мечтатель. У Леппи дела шли еще хуже. Он пытался жить на гонорары, потому что все имевшиеся у него деньги потратил, пытаясь создать что-нибудь стоящее, но у него ничего не вышло. Правда, критика его хвалила, и гонорар за свои шесть тысяч проданных книг он получил, но это все. Леппи был разорен и обескуражен, что еще хуже. Гас только что демобилизовался, а у него

уже была жена и двое маленьких детей. Он работал на радио и очень боялся, что не сможет приспособиться к телевидению, которое шло ему на смену. Тогда он организовал литературное агентство и разрывался между ним и радио, надеясь, что агентство начнет приносить доход прежде, чем телевидение совсем вытеснит радио. Однако ни одна из присланных ему рукописей не стоила ни гроша. В один прекрасный вечер мы случайно встретились в баре на Третьей авеню. Будущее не сулило нам ничего хорошего. Тогда-то Гас и сказал: «Все проклятые в том, что каждый из нас достаточно умен и знает все, что нужно знать о создании и продаже книг, а использовать свои мозги с прибылью мы не умеем. Если бы только был какой-нибудь способ, мы могли бы объединиться...»

— Тогда-то и родился Амос Коттл,— подхватил Лептон.— Идею мне подали наши имена, вы правы, Гас, Тони, Леппи — триумвират. Все мы и раньше делали попытки писать, Тони тоже. Иногда какая-нибудь рукопись принималась, и мы опять жили надеждой. Нет, это была попытка надежды. Однако гораздо чаще мы получали отказы и прекрасно знали, что участь профессионального писателя самая горькая в мире. В тот вечер я сказал: «В нашем деле чертовски важно количество продукции. Только так можно рано или поздно преодолеть сопротивление издательств. Многие писатели терпят неудачу только на этом. Они не могут писать с такой скоростью, чтобы от книги до книги их имена не забывались. Вот если объединить все написанное нами и подписать одним именем. Мы могли бы поставлять продукции в три раза больше, чем любой нормальный писатель». Мы уже дошли тогда до точки и не смели мечтать об успехе, но все получилось хорошо. Мы так тщательно планировали детали, как если бы вырабатывали стратегию большой войны. При удаче Тони мог склонить Дэна Саттона к публикации первой книги неизвестного писателя. У меня к тому времени был достаточный престиж в качестве критика, и я мог обеспечить книгу восторженной рецензией. Но нам нужно было спрятать следы на случай, если вдруг кто-нибудь заинтересуется писателем Амосом Коттлом. Так Гас стал его агентом. Мы сочинили целую историю о том, как мы его нашли и так далее, если в будущем он вдруг завоеует славу и какая-нибудь ученая крыса, вроде Хермиона Фетерстоун, захочет на нем заработать...

Итак, Гас должен был подбросить рукопись в кучу хлама, которую Мег прочитывала для агентства, и дать ей возможность открыть Коттла. Мы с самого начала решили не посвящать женщин в нашу тайну, потому что тогда она наверняка перестанет быть тайной. Кроме того, если бы возникли какие сомнения, Мег стала бы идеальной свидетельницей. Все остальные рукописи, которые она читала в ту ночь, были настолько плохи, что наша должна была ей понравиться. Она просто не могла ей не понравиться. Все-таки мы трое вместе чего-то стоили.

Потом Тони отдал рукопись на прочитку одной из девиц, которые практиковались у него, потом только якобы взялся за нее сам. Это тоже было важно на случай, если бы кто-нибудь заинтересовался отношения-

ми Тони и Амоса. А так рукопись — как рукопись из числа многих, постоянно поступающих в издательство.

Филиппа, не скрывая своего гнева, смотрела на Тони, в глазах Мег, обращенных на Гаса, были боль и упрек. Обе женщины думали об ежедневной на протяжении четырех лет лжи во имя сохранения мифа об Амосе Коттле.

— Прости,— Гас накрыл своей рукой руку Мег.— Мы были тогда в ужасном положении. Надо же было что-то делать.

— Но ты мог мне рассказать,— ответила Мег.— Ты должен был знать, что можешь положиться на меня. Как же мне теперь доверять тебе? Столько лет лжи.

— Не лжи, а сказок,— вмешался Бэзил.— Сделайте скидку на литературный склад ума.

— Я всегда подозревал,— сказал Тони, воспринимая гнев Филиппы со злобой, которая как бы уравнивала их в правах,— что ты восхищаешься человеком, которого принимаешь за Амоса Коттла. Ну, Фил? Ты всегда так старательно доказывала мне, что тебе не нравятся он и его книги. Право, меня это забавляло. Я был уверен, что единственная причина этого обожания — якобы великий ум Амоса Коттла. А у бедняги была только половинка ума, да и была ли?

— Как же вы работали? — спросил Бэзил.

— Гас каждый год писал по роману, это был первоначальный вариант, который Тони потом обрабатывал,— объяснил Лептон.— Так мы смогли выпустить четыре книги в четыре года. Все же материал оставался еще довольно сырым, едва ли он представлял собою нечто большее, чем простенький сюжет с набором неплохих эпизодов, поскольку воображения ни Гасу, ни Тони не занимать. Я этого не могу. Простите меня, но любой дурак может придумать сюжет. Даже сюжеты «Анны Карениной» и «Ярмарки тщеславия» ничего не стоят, если их пересказывать. Станет вещь литературой или нет, зависит от формы, и тут в дело вступал я... Тони наговаривал свою часть на магнитофон, когда оставался один в конторе. Гас тоже работал в конторе, но у него там была машинка. Я получал от них дешевые мелодрамы и переписывал их в модном современном стиле со всеми трюками, которые изучил, работая критиком. Это я делал из них литературу. Подобно Шекспиру, я брал выдуманные ими эпизоды. Помните, «Гамлет», куски из «Жизней» Плутарха, Холлиншедские хроники. Я, как и Шекспир, концентрировал свое внимание на форме.

— Какая скромность! — пробормотал Тони.— Я лично всегда считал наши описи ужасными и не понимал, почему их покупали.

Леппи сделал вид, что ничего не слышал.

— А где вы нашли Коттла? — спросила Мег.

— К этому я и подхожу,— ответил Леппи.— Как агент и издатель Коттла, Гас и Тони могли свободно встречаться с ним и друг с другом. Я же должен был держаться от них подальше, хотя мы и были старыми приятелями. Если нужно было что-нибудь обсудить, мы назначали тайное свидание, и я ни разу не видел Сюелла-Коттла до того вечера у Тони. Эффектно, не правда ли? Мы честно говорили, что Морис Лептон и Амос Коттл друг с другом незнакомы. Таким об-

разом создавалась видимость объективности. Сьюелл-Коттл обо всем знал. Ему все объяснили, и он был совершенно доволен. Человек без прошлого. О литературе и литературном бизнесе он знал меньше, чем ничего, поэтому ему и в голову не приходило шантажировать Гаса или Тони.

— Интересно, что бы потом случилось с ним самим? — вmeshался Тони. — Знаменитый писатель Амос Коттл заявляет, что никогда в жизни не написал ни строчки и все его книги — плод труда его агента, издателя и самого восторженного из критиков! Он выставил бы себя мошенником и раз и навсегда перестал бы получать деньги. Нет, он не стал бы блефовать... Только не Амос!

— Я не понимаю одного, — сказал Алек Мак-Лин, обращаясь к Лептону, — если ваш стиль принес успех этим книгам, то почему бы вам не потратить ту же самую энергию для создания чего-то своего? Правда, вы написали бы гораздо меньше, и у вас не было бы столько денег, зато вы получили бы известность в качестве романиста. Для большинства писателей это очень много значит, больше, чем деньги.

— Дорогой Алек! — рассмеялся Лептон. — Вы говорите — как издатель. Вот если бы вы были писателем, вы бы меня поняли. Я родился неудачником, потому что живу не в свое время. Я написал несколько книг под своим именем, и все они были отвергнуты, потому что со своими сюжетами я не могу удовлетворить публику двадцатого века. Вот с сюжетами Гаса и Тони все обстоит иначе. Я презираю мифы нашего времени, и читатель тут же обнаруживает подделку. Моя ненависть к нашим литературным стереотипам стимулирует меня как критика, поэтому я вполне искренне и с удовольствием могу писать пародии на современные романы. А что такое романы Амоса Коттла, как не пародии, в которых только такой болван, как Эмметт Эйвери, мог проглядеть скрытый юмор. Он их принял за стилизацию, а безмозглая публика — и вовсе за великие романы. — Лептон вздохнул. — Конечно, результат превзошел наши самые смелые ожидания. Мы и не надеялись на Премию Переплетчиков. Первую подножку мы получили месяца за три до первой публикации. Кто-то на телевидении прослышал, что фирма «Саттон и Кейн» планирует довольно активную рекламную кампанию. Тони предложил пятьсот долларов за интервью с автором, когда книга будет опубликована. Тони затянул переговоры и созвал совет. Пятьсот долларов тогда значили для нас не очень много, но могли возникнуть другие ситуации. Например, лекции. А еженедельная программа стала для нас просто-таки золотым дном. Упускать новые возможности было жаль, тем более что телевизионщик намекнул, что заинтересован в регулярных передачах, которые бы вел знаменитый писатель. Мы же не могли появиться на экране в роли Амоса Коттла. Нас слишком хорошо знали. К тому же, я собирался прославлять книги Амоса Коттла в прессе, у Тони был бы скандал с Дэном Саттоном, и Дэн не дал бы ему столько денег, сколько Гас потребовал для Амоса. Хоть Дэн и был мечтателем, подписывая контракты, он не мечтал.

— Гасу это тоже было ни к чему. Его больше устраивала роль агента Амоса. Так он мог что-то требовать и стоять до конца,

делая вид, что Амос не нуждается в деньгах. Кроме того, мы еще в самом начале решили, что наш триумфировать основывается на принципе равенства. Стань один из нас телевизионным Амосом Коттлом, и он тут же получил бы преимущество перед другими. А там шантаж... Избавиться от такого человека так же невозможно, как от киноактера, до того слившегося со своей ролью в сериале, что другого публики просто не примет. Нам стало ясно, что надо найти четвертого человека и дать ему четверть наших доходов. Но при этом он не должен писать, чтобы ему не пришло в голову нас шантажировать. Для успешного ведения дел нам нужен был человек на роль Амоса Коттла. Единственная трудность заключалась в том, где найти человека без прошлого, который согласился бы взять на себя подобную роль.

— Теперь моя очередь, — сказал Тони. — Муж миссис Пуси когда-то лечился в клинике для алкоголиков. Так я познакомился с доктором Клинтоном, и уже от него услышал о современном Каспаре Хаузере, которого нашли на дороге и привезли к нему в больницу. Я попросил у Клинтон разрешения повидаться с ним. Именно такой человек был нам нужен. Спокойный, кроткий, совершенно пассивный. Он идеально подходил нам. К тому же Клинтон был совершенно убежден, что, находясь под пристальным наблюдением, он не будет пить. Это был уставший от жизни, смиравшийся со своей участью получеловек — именно то, что нам требовалось для работы с именем Амос Коттл. Я не хотел, чтобы Клинтон знал правду, поэтому договорился напрямую с самим Аланом Сьюеллом. Он должен был начать писать, якобы в качестве трудотерапии, то есть каждый день ему предстояло производить определенное количество шума у себя в комнате. Что он перепечатывал на машинке, телефонную книгу или что-то другое, понятия не имею. Естественно, он не должен был показывать свою «работу» Клинтону, в крайнем случае ему пришлось бы сказать, что уже отправил ее в Нью-Йорк на адрес литературного агентства Веси. В любом случае, дней через тридцать он должен был «открыться» Клинтону. Отправлять Амосу ничего не пришлось, мы сами об этом позаботились.

— Я поехал на почту в Стрэдфилд, — сказал Гас, — и отправил конверт на собственный адрес, а потом подложил его Мег. Тони настаивал, чтобы я посылал Сьюеллу-Коттлу письма с требованием исправлений, как если бы он по-настоящему был писателем. Копии этих писем он хранил у себя в конторе, а оригиналы были у Амоса. У него в столе лежал скоросшиватель с нашей перепиской, чтобы все выглядело как надо.

— Забавно было писать те письма, — не удержался Леппи. — И еще один раз я позабыл себя пародией, когда писал биографическую справку для первой книги Амоса Коттла. Через несколько лет мы окончательно уверились, что поймали удачу за хвост. Конечно же, мы не хотели ничего упускать, но это становилось похоже на снежный ком и даже немного пугало. Тони, используя Коттла, стал партнером Дэна Саттона и переименовал фирму в «Саттон и Кейн». Гас в качестве агента Коттла привлекал к себе других удачливых писателей, конечно, не таких, как Коттл, но агентство

начало приносить доход. Моя жизнь тоже переменилась. Нас испугала Вера, но Тони сплавил ее в Голливуд.

— Его сегодня нашли, — сказал Бэзил. — Вера отравлена. Могу только предположить, что она что-то узнала или поняла, или сделала вид, что поняла и попыталась шантажировать. Она оказалась достаточно наивной.

Тони прищурился.

— Но теперь вы все знаете и должны понять, что нам незачем было убивать Сьюелла-Коттла. Даже сейчас мы хотели бы все сохранить в тайне. На весну у нас намечен выпуск еще одного романа, а на осень уже готов черновой вариант, ожидающий несравненного стиля Лептона.

Бэзил взглянул на Алека, и тот, приняв это как сигнал, пробормотал что-то насчет времени. На улице несколько ненавязчивых маневров привели Алека в машину Тони, где уже сидели Фил, Гас и Мег. Весело попрощавшись, Лептон окликнул такси, Бэзил скользнул рядом с ним на сиденье.

Через десять минут Бэзил стоял перед книжным шкафом в квартире Лептона и разглядывал красивые, с золотым тиснением книги, много лет назад вышедшие из мастерской Лептона-старшего.

— Выпьете? — спросил Лептон.

— Нет, спасибо.

— А мне, кажется, не помешает. — Лептон смешал себе что-то в высоком стакане и вернулся к книжному шкафу. — Нравятся? — Он повернул ключ. — «Зеленая ива» с иллюстрациями Варвика Гобеля, «Тысяча и одна ночь» — Эдмонд Дюлак. Сегодня таких книг не издают, слишком дорого.

— Да, — сказал Бэзил и пальцем коснулся сложного переплетения золотых завитков на черном переплете. — У Гаса и Тони это дело, и они будут процветать независимо, жив Амос или нет. А вас кормят гонорары. Теряя гонорары Амоса, вы теряете почти все. Узнав, что Вера возвращается к Амосу после провала в Голливуде, вы испугались. Она бы догадалась, что он не писатель. Вот вы и предположили мертвого Коттла.

— Но почему я? Он кормил также Гаса и Тони.

— Вы сами говорили, что у критика ум садиста. Убийство — тоже садизм, поэтому убийцей должен быть критик, а не жалкий писака, как Гас, или деловой человек, как Тони.

— А как я это сделал?

— Ни в виски, ни в содовой яда не оказалось, его следы были обнаружены только в бокале. Что же остается? Лед. А лед по бокалам раскладывали вы. Яд действовал медленно, и это навело вас на мысль о капсуле. Яд вы привезли с собой в ледяной капсуле.

— Как я его туда засунул?

— Что ж, вы взяли ледяной кубик, еще не совсем замерзший, положили туда яд, потом поставили обратно в морозилку. А привезти кубик вы могли в пакетишке, которые бакалейщики дают покупателям для замороженных продуктов. Дальше было так. Вы положили кубик сверху в ведро со льдом, а потом при помощи щипцов, помните, там были щипцы для льда, в бокал Амосу.

— Но откуда у меня цианистый калий?

Бэзил поглядел на золотое тиснение книги, которую до сих пор держал в руках.

— Цианидом пользуются для полировки золота. Так, во всяком случае, было в дни вашего отца. Вера вас шантажировала?

Лептон кивнул:

— Но не по поводу Коттла. Из-за Филиппы. Пришлось ее выследить и всунуть в нее яд. Первый случай насилия в моей жизни. Отвратительно. Я думал, что это необходимо для моей безопасности. Фил всегда искала в своих любовниках литературный талант. У нее хорошая интуиция. Она была любовницей Коттла, но начала в нем сомневаться. Когда мы с ней встретились, ее сразу потянуло ко мне. Подсознательно она поняла, что в книгах Коттла ей нравился мой ум, что я тот самый, которого она искала. Я был польщен.

Бэзил выбил стакан из его рук прежде, чем Лептон успел поднести ко рту.

— Вы поедете со мной в полицейское отделение к инспектору Фойлу.

Лептон не отрывал взгляда от расплывшегося на китайском ковре пятна, от которого поднимался знакомый всем криминалистам слабый запах сильнодействующего яда.

— Мне кажется, я смогу разыграть сумасшествие.

— И даже, может быть, выйти сухим из воды, — сказал Бэзил. — Какому человеку придет в голову, что литераторы — нормальные люди?

Перевод с английского Л. Володарской

Элен Мак-Клой (Макклой, род. в 1904 г.) — известная писательница США. В истории ассоциации авторов детективов США она удостоена чести быть первой женщиной-президентом этой ассоциации. Получив образование на родине и в Европе, Элен Мак-Клой начала карьеру журналисткой.

Она — автор многих романов, но в ее творчестве серия романов с участием доктора Бэзила Виллинга стала самой значительной. На русский язык произведения Э. Мак-Клой не переводились, таким образом, «Две трети призрака» (1957) — первое знакомство наших читателей с творчеством Элен Мак-Клой.

